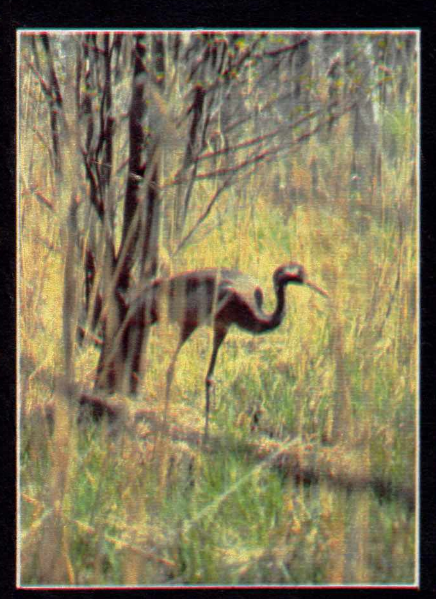
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 22 МАЙ 1989

ЗА ДЕЛО, ДЕПУТАТЫ!

НАД ЖУРАВЛИНЫМ КЛИНОМ

РАССКАЗЫ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

НА ГРАНИЦЕ ВСЕ СПОКОЙНО

НАРИСУЕМ — БУДЕМ ЖИТЬ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (3227)

27 МАЯ — 3 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Первая персональная выставка Максима Табакова. (См. в номере материал «Полосатое солнце».)
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 05.05.89. Подписано к печати 23.05.89. А 08852. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 542. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международного — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

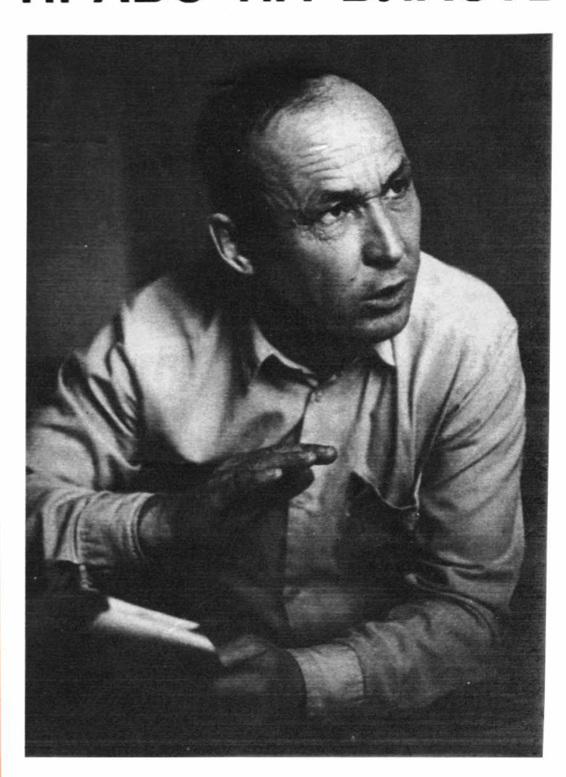
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

25 МАЯ В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ ОТКРЫЛСЯ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР. ПОЗАДИ НАПРЯЖЕННАЯ, ПОЛНАЯ ДРАМАТИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ, КОТОРАЯ, ПОЖАЛУЙ, ВПЕРВЫЕ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВЫСВЕТИЛА ВСЕ ОТТЕНКИ НЫНЕШНИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ. СЕЙЧАС ТЕ, КТО ОЛИЦЕТВОРЯЕТ ДОВЕРИЕ И ОЖИДАНИЕ НАРОДА, РЕШАЮТ СУДЬБУ СТРАНЫ. О СВОЕЙ НРАВСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СЕГОДНЯ ГОВОРЯТ НАРОДНЫЕ ДЕПУТАТЫ СССР.

ПРАВО НА ВЛАСТЬ

Аркадий АЙДАК, председатель колхоза «Ленинская искра», Чувашская АССР.

НЕОБРАТИМОСТ

ГОЛОСУЮ ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ

Святослав ФЕДОРОВ, генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза»

Вканун Съезда народных депутатов СССР состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором рассмотрены вопросы, связанные с проведением Съезда. Но мне хотелось бы вернуться на месяц назад, к Пленуму ЦК КПСС 25 апреля с. г. Несколько раз внимательно прочитал выступления на нем. Читал с надеждой, что выступления многих партийных руководителей помогут мне, коммунисту, получить совет от старших товарищей, как быстрее перейти к экономическим методам управления страной, как наше государство сделать правовым, как поднять роль личности в нашем обществе, как уменьшить, а затем и полностью ликвидировать бюрократизм.

В выступлениях бывших членов ЦК неоднократно повторяется один тезис: мы честно работали, делали все что могли. Однако ни в одном выступлении не сделана даже малейшая попытка объяснить кризисное состояние страны, отсутствие продовольствия, отсутствие товаров для людей, тяжелую экологическую обстановку в стране, причины того, что миллионы людей живут ниже границы бедности.

Прочитав же доклады большинства выступивших членов ЦК, которые не ушли на пенсию, я также, к сожалению, не смог найти в них интересных конструктивных идей и предложений, направленных на быстрое исправление тяжелого положения.

В подавляющем большинстве выступлений анализировались причины провала на выборах многих секретарей обкомов, председателей облисполкомов...

Причем анализировались многие факторы, которые могли привести к этим поражениям, кроме, с моей точки зрения, самого главного: насколько активно проводили перестройку партийные руководители, потерпевшие на выборах поражение, создали ли они в своих областях и районах лучшую экономическую,

Время вопросов проходит, наступило время ответов. Время вопросов было плодотворным, но страна ждет ответов на самые разные запросы души и тела — нет сегодня второстепенного. Быт волнует так же, как и бытие. Народ — в данном случае уместно сказать именно так — пережил исторические месяцы, можно сказать, впервые за долгие десятилетия выразил свою волю. Большинство проголосовали за перестройку. За обновление политической и экономической жизни. Так вот я хочу сказать, что на этом политическая борьба за реформу политической системы не закончилась.

Я, когда вел собственную предвыборную кампанию, взял такое оружие, как откровенность. И могу сегодня точно сказать о том, чего народ ждет от своих депутатов: продолжения революции, начатой наверху! Почему я заговорил об откровенности, открытости? Да потому, что этого требуют люди, в этом их наказ. Я был откровенен даже тогда, когда меня спрашивали о нерешенных проблемах, о позиции Михаила Сергеевича, уверен ли я в успехе его политики? А главное, как я буду вести себя при обсуждении жизненно важных вопросов? Не спразднУю ли труса?.. Еще раз убедился, что люди у нас политически грамотные. Они терпеть гнет бюрократии не собираются. Нельзя после такого тысячеустого наказа считать, что политическая борьба за перестройку кончается.

Наша страна выстрадала не только марксизм, но и сегодняшнюю перестройку с ее обязательной политической реформой. Государству нашему нужны не только цивилизованные кооператоры, то есть не только коренная перемена точки зрения на экономику при социализме,— нужны еще и цивилизованные парламентарии. Речь идет о передаче власти Советам — и в центре, и на местах. А не годичные смены депутатов!

Не хочу употреблять слово «марионетки», оно не из нашего лексикона да и речь сейчас о другом. Я уверен, что съезд начнем с того, что возьмем власть в свои депутатские руки. Народ интуитивно чувствует, что власть может остаться в руках аппаратчиков, если каждого пятого члена Верховного Совета через год сменят на его державном посту. Значит, кто-то будет решать, кого на кого поменять? Одних «уйдут» через год, других через два; счастливчики поработают три, а то и четыре года... Кто они, эти счастливчики? Кто их будет назначать в долгожители советского парламента? От чего это зависит — работать в постоянном органе высшей власти год или пять? От активности или от послушания, от нетерпения, от решимости действовать фракционно или от твердолобости и готовности проголосовать хоть за новую коллективизацию, хоть за новый Афганистан?..

Народовластие должно стать реальностью. На местах и в центре. Народ должен знать отныне и навсегда: судьбы страны решают его депутаты.

Ь ПЕРЕМЕН

экологическую и социальную ситуацию.

Во многих выступлениях секретари областных комитетов партии провалы в экономике своих областей пытались объяснить слабой работой центрального аппарата партии в Москве: не дали вовремя совета, не спустили директиву, не сориентировали. Спрашивается: а где же инициатива? Ведь экономика — это творческий процесс, а не слепое следование «армейскому уставу».

Во многих докладах звучала мысль о малом количестве рабочих, выбранных в народные депутаты. Это верно. Однако мне кажется, что наша партия, являясь партией рабочего класса, плохо и недостаточно активно повышает политическую культуру рабочих, экономическое их образование. По-видимому, из этого надо сделать практический вывод и усилить работу в данном направлении. Но ни в коем случае не снижать требования к эрудиции народных депутатов из-за их социального положения. Ведь Верховный Совет страны должен быть «народным мозгом», работающим творчески и эффективно.

Я полностью согласен с тезисом выступившего на Пленуме Г. В. Колбина, который видит выход в изменении курса партии на политическое руководство: «отрешиться от въевшейся в плоть и кровь привычки к подмене различных органов и перейти на политические методы руководства».

Ведь действительно партия — не хозяйственная надстройка общества. Зачем же партии взваливать на себя все экономические проблемы и нести ответственность за возникающие сложности?

Именно в этом и заключается, на мой взгляд, проблема забаллотирования многих партийных руководителей.

В Заключительном слове М. С. Горбачев очень четко показал главные причины наших трудностей и пути выхода из них. Ведь все причины в нас самих, в нашем отношении к делу, в нашей инициативе, гражданской позиции, нравственности идеалов. И в наше перестроечное время, когда еще не заработали новые производственные отношения, не созданы Советы народных депутатов, обладающие достаточными экономическими правами, роль областных комитетов партии и райкомов невероятно велика.

Скорость перестройки зависит от творческой работы именно этих организаций. Мудры и прекрасны слова В. И. Ленина о том, что коммунисты должны жить в гуще жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь в любой момент безошибочно определять настроение людей, их действительные потребности, стремления и мысли, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд.

Так хочется прийти как-нибудь к райкому партии и увидеть объявление: «Райком закрыт. Все ушли на перестройку».

В ЖИЗНИ ВСЁ СЛОЖНЕЕ...

Евдокия ГАЕР,
научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения АН СССР

Я — депутат, за меня отдали голоса большинство пришедших на участки Дальневосточного национально - территориального избирательного округа № 8. Я, аборигенка, нанайка, избрана в основном русскими, украинцами, людьми многих национальностей, населяющими наш край, где среди миллионов человек лишь десятки тысяч, практически единицы таких, как я, аборигенов — орочей, чукчей, нивхов, нанайцев... И все же люди отдали голоса за меня, женщину немолодую, младшего научного сотрудника, этнографа, специалиста по шаманизму. Почему? Почему я, а не генерал, командующий нашим Дальневосточным округом?

Вопросы, вопросы... Чувствую, что произошло в моей жизни нечто необыкновенное, из ряда вон!.. И ведь должно же быть такому исходу выборной кампании весомое объяснение! Какое?.. Избиратели свою волю изъявили, я приняла немало поздравлений, но среди поздравивших не было ни одного представителя партийных, советских, каких-либо общественных организаций. Не поздравил с победой и альтернативный кандидат — генерал В. И. Новожилов, и это огорчительная неожиданность. Я бы, качнись чаша весов в другую сторону, его бы поздравила!.. А как я получила временное удостоверение народного депутата СССР? Мне его «вручили» мимоходом — при встрече в... переулке.

Может быть, начальствующие обижены на меня? Но если уж и уместны обиды в такой ситуации, то обижаться надо не на меня, и даже не на избирателей, а на себя. Конечно, этнограф, нанайка в Кремле вместо командующего — это кое для кого шок. Он вызван, очевидно, страхом за собственную репутацию, собственную судьбу. Конечно, и начальники — люди обыкновенные, постепенно они смирятся с моим появлением в их среде, и тогда дадут мне и телефон, и, может быть, выделят помещение для приема посетителей... А пока ни того, ни другого...

Так что же произошло? Почему те же руководители края поддержали мою кандидатуру? Может быть, надеясь на мой провал в ходе кампании? Готовили беспроигрышные выборы для генерала? Может быть, может быть...

Что я противопоставила доводам своего соперника в ходе агитационной кампании? Национальным вопросам, судьбе малых народностей Дальнего Востока, естественно, уделила особое внимание. Это не могло не взволновать моих слушателей. Выделяя различия в проблемах, стоящих перед всеми нами — малыми и большими по численности народами,— я настаивала на общих проблемах повышения качества жизни дальневосточников.

Прежде я мало занималась общественной деятельностью, много времени проводила в полевых этнографических исследованиях. Будучи экспертом по социальным вопросам традиционной культуры народностей Дальнего Востока, получила высокую оценку и на международных конференциях. Но моя научная карьера не была такой гладкой, хотя обо мне много писали. Очень важно развенчать стереотип, сложившийся по отношению к ученым — представителям национальных меньшинств. Будто их «тянут за уши», насильно толкают в науку, а потом продвигают для демонстрации живого примера успешного решения национального вопроса в стране... В жизни все куда сложнее, драматичнее. Кого-то действительно насильно тянут за уши, но большинство чаще тормозят. Что ждет малые народы завтра? Моя жизнь, отчасти благодаря научным интересам, и сейчас тесно связана с моим народом.

Жизнь нанайцев, да и других аборигенов Дальнего Востока, теснее связана с природой, теснее, чем жизнь других жителей края. Можно ли рассматривать мою победу на выборах как свидетельство явного или скрытого стремления людей вернуться назад к природе? Как проявление нового, быть может, экологического утопизма? Вряд ли. Я не сторонница теории возврата назад к природе. Повернуть стрелки часов истории назад нельзя. К прошлому не вернуться. И не следует его идеализировать, даже в плане отношений с природой. Но я твердо убеждена в том, что нам нужна новая этика природы. Новая этика окружающей среды! Я вижу, что ныне существующая этика природы ведет нас к гибели! Она должна быть пересмотрена. Конечно, создать новую этику природы нелегко. И еще труднее будет внедрить ее в сознание обитателей Земли. Придется и перестроить сознание, и нашу экономику, и переосмыслить пути социального развития. Но сделать это необходимо. Приступить к этой работе надо немедленно, иначе нас ждет гибель.

А нынешнее отношение к природе — варварское по своей сути. Огромное влияние на всех нас оказала атмосфера тоталитаризма. Сейчас, как принято говорить, начался процесс демонтажа сталинщины. Но этот демонтаж относится прежде всего ко всем нам, к нашим правам и нравам. А потребительское отношение к природе продолжает действовать! Да и вопрос этот еще не поставлен... Нам нужно защитить право всего живого на жизнь, на существование. Без этого любые завоеванные права человека окажутся просто бесполезными.

ЧТО РЕШАТЬ ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР ●
«ИСТОРИКИ СПОРЯТ»? ●
ПЕСТИЦИДЫ. ЧЕСТЬ МУНДИРА ИЛИ ЗДОРОВЬЕ ●

■

После многолетних поисков моя семья узнала, что отец мужа Теплов Борис захоронен в селе Куликовка Могилевской области. Отправились мы в глубинку, хотя были уверены, что не только памятника, но и могилы-то нет. По дороге заехали в Могилев, купили памятник, высекли на нем фамилии всех двенадцати бойцов, которые, как указано в справке, были захоронены вместе с отцом мужа, наняли машину... Подъезжая к селу, в березовой роще увидели памятник: простенький, из кирпича, покрашен белой краской, а черной — длинная надпись. Вокруг цветы. Подошли и... остолбенели, увидев двенадцать знакомых фамилий и среди них фамилию Теплова Бориса. Так и стояли мы — муж, я и сын (тоже Теплов Борис), стояли и плакали, пока не подошли сельчане.

Установили вместе привезенный памятник, но и старый не снесли. Так и стоят в селе Куликовке два памятника на одной братской могиле. Низкий поклон вам, добрые люди!

И вот совсем недавно мне пришлось еще раз убедиться в милосердии белорусов: программа «Маяк» передала, что работники собесов Белоруссии заняты пересчетом пенсий инвалидам-афганцам — всем им назначены персональные пенсии. Мне бы хотелось знать, такое решение принято только в Белоруссии? Неужели они богаче остальных?

Будучи членом Одесского городского общества милосердия имени Гааза, я занимаюсь помощью инвалидам-афганцам и знаю, как плохо живется этим ребятам. Теперь мы говорим, что война эта была ошибкой. Но те, кто совершил эту ошибку, и те, с молчаливого согласия которых она стала возможной, своих детей в Афганистан не посылали. Так давайте обеспечим нормальные условия тем, кто почти из детства шагнул в инвалиды, став жертвой этой ошибки: персональные пенсии, внеочередное жилье, импортное протезирование, лучшие санатории, а главное — ежедневную заботу и доброту, какую мы встретили в Куликовке. Уверена, что это — одна из важнейших задач нового Верховного Совета СССР.

Л. П. ТЕПЛОВА,
инженер судоремонтного завода
Одесса

■

С огромным удовлетворением прочитал беседу Л. Плешакова с академиком Л. И. Абалкиным («Огонек» № 13). Полагаю, что эту беседу правомерно рассматривать как публичное программное выступление Леонида Ивановича, несомненно, стоящего сейчас во главе одного из направлений в нашей научной экономике. Программа, разумеется, не бесспорна, но сам факт ее появления в печати отрадный.

Однако академик, на мой взгляд, много внимания уделяет проблеме монополизма и его преодолению в производстве, распределении, словом, во всех сферах нашей экономики. В частности, приводит высказывание В. И. Ленина о том, что «любая монополия (подчеркиваю — ЛЮБАЯ!) порождает неизбежно тенденции к застою и загниванию». И затем говорит: «Я предлагаю альтернативный вариант — отказ от монополии на подготовку управленческих решений... Готовятся три концепции пятилетнего плана: одна — Госпланом, вторая — Академией наук, третья — ВЦСПС. Повторяю, без детальных расчетов, только концепции. Представляем все три политическому руководству, и оно выбирает, какую взять за основу...» А далее — о плачевном состоянии нашей экономики и чрезвычайно печальные тенденциях ее развития, о том, что крупнейшие ошибки в этой области совершались не только «тогда», но и в самые последние годы. И тем не менее концепции экономического развития (альтернативные!) предлагается представлять для выбора ПОЛИТИЧЕСКОМУ РУКОВОДСТВУ.

Решать вопросы, касающиеся всего населения, правомочен исключительно Верховный Совет СССР (или Съезд народных депутатов), так как он выбирается всем населением, ему подотчетен, а следовательно, является его полномочным представительством. Монополия же политического руководства на решение всех важнейших вопросов жизни страны уже привела нашу экономику на грань развала, и до сих пор ему не удалось исправить положение ни в одной области. Монополия всегда означает бесконтрольность, а бесконтрольность и демократия (в отличие от «демократизации») несовместимы.

А. КАТИЛЮС,
младший научный сотрудник
Ленинград

■

Поделюсь некоторыми мыслями о сокращении наших Вооруженных Сил.

Офицер — это человек, который должен служить делу обеспечения защиты Родины непосредственно, выполнять армейский Устав. Словом, он обязан служить, где прикажут, и делать все по приказу: нести боевое дежурство, командовать подразделением, работать с боевой техникой и т. д. Нелегкое дело, поэтому офицер и имеет определенные льготы, и это никого не удивляет.

Удивляет другое. Наряду с «обычными» живет огромная «армия» офицеров, существующая как бы для нужд армии, но непосредственно боевой задачи не выполняющая. Это — научные работники различных НИИ и КБ Министерства обороны, преподаватели технических и гуманитарных дисциплин в военных учебных заведениях, военные представители на промышленных предприятиях, профессиональные спортсмены и артисты, работники спортивно-оздоровительных учреждений, расположенных в курортных зонах страны, и т. д. Все эти люди носят офицерские погоны, «проходят воинскую службу» и пользуются льготами. Почему и за что?

Попасть служить в такие места довольно сложно, так как ясно, что указанная категория во многом избавлена от тягот и лишений воинской службы, вместе с тем сохраняет все льготы военного человека. Уже само наличие таких должностей в армии дает широкие возможности для протекционизма.

Все мы за сокращение огромных ассигнований на военные нужды. Вместе с тем понимаем, что не должна страдать обороноспособность. И сокращение небоеспособного балласта, на мой взгляд,— один из путей к решению этой задачи.

А. А. КОНОВАЛЕНКО,
майор

■

Среди множества газетных жанров существует особый, который не изучают на факультетах журналистики. Те, кому он по вкусу, овладевают им на практике.

Собственно говоря, и не жанр вовсе, так, некоторое своеобразие, которое можно привнести в любой материал. Написано вроде об одном, подразумевается, в сущности, совершенно иное.

Корреспондент «Правды» Виктор Артеменко опубликовал обзор местных газет, озаглавив его «В погоне за чтивом». Корреспондент озабочен, что «Правда Востока» и «Вечерний Ташкент» «недодают читателям злободневных материалов о сегодняшней жизни республики». Упрек серьезный и вполне, возможно, справедлив.

Нельзя, однако, не приметить, что в действительности собкора волнует другое — эти газеты «повсюду ищут материалы о жизни Сталина и его окружения».

Весьма показательно, что в разряд «чтива», которое «в погоне за повышением читабельности» перепечатывают эти газеты, В. Артеменко отнес и прекрасное публицистическое выступление писателя Бориса Васильева «Люби Россию в непогоду», опубликованное в «Известиях».

В. Артеменко категоричен. «Читатели Узбекистана единодушны...,— пишет он.— Читатели не понимают...»

Думаю, собкор ошибается. Читатели Узбекистана понимают. И не только они.

Тимур ГАЙДАР

■

Недавно были на экскурсии в Эстонии. Оставалось свободное время, и нам, как и всем женщинам на свете, захотелось взглянуть, а что у них есть в магазинах, тем более что раньше всегда получали удовольствие от высокого уровня обслуживания населения в Эстонии. В пос. Усть-Нарва в магазине «Галантерея» мы обнаружили две витрины: одна — с товаром для гостей, вторая, что получше,— для хозяев. Когда мы захотели купить крем для рук, продавщица потребовала с нас паспорта, сославшись на постановление продавать определенные товары лицам с эстонской пропиской. Стыд за это постановление заставил местных жителей предложить нам свои паспорта. Однако настроение было испорчено, было одно желание — поскорее убраться восвояси.

Мы соседи, поезда и автобусы из Эстонии никто не отменял, на рынках у нас торгует много эстонцев, приезжают в Ленинград на своем личном транспорте, но трудно даже представить, что ленинградцы будут требовать паспорта с ленинградской пропиской.

И. А. МАРКОВА
и еще восемь
сотрудников НИИ ЛПЭО
«Электросила»

■

Всемирно известная в годы Великой Отечественной войны битва на Огненной дуге уже увековечена музеями-диорамами в городах Орле и Белгороде, со стороны которых развернулось немецко-фашистское наступление летом 1943 года и в честь освобождения которых прозвучали первые салюты. Однако продолжает действовать решение, принятое более двадцати лет назад, о сооружении в Курске монумента в честь Победы Советской Армии на Курской дуге — в тыловом городе, находившемся за сто километров от линии фронта и давшем просто название Курскому выступу на военных картах. Более того, три года назад был утвержден проект этого монумента, и теперь на его сооружение должно быть израсходовано 16 миллионов народных денег.

Пришло время пересмотреть принятое решение: не нужно сегодня такое расточительство. Средства, выделенные на строительство монумента, необходимо передать ЦК ВЛКСМ для создания специальных отрядов, чтобы захоронить десятки тысяч наших солдат и офицеров, лежащих незахороненными на землях Смоленщины, Псковщины, Новгородчины, Карелии, Мурманской, Калининской, Калужской областей, под Москвой и т. д. Это они, до сих пор по-людски не преданные земле, защитили революцию, показали нам пример стойкости.

Ю. Н. ШМЕЛЕВ,
краевед,
участник
Великой Отечественной войны
Белгород

■

Все мы с большим интересом прочитали недавно вышедший сборник «Историки спорят» (М., «Политиздат», 1988 г.), содержащий беседы видных специалистов по ряду кардинальных проблем исторической науки, прежде всего по истории советского общества. Новые подходы и оценки, важные фактические данные, со значительной частью которых и мы, профессионалы, ранее не были знакомы, свидетельствуют, что вслед за публицистами и писателями ученые включаются в переосмысливание недавнего прошлого нашей страны на основе всестороннего и честного анализа, без умолчаний и кривотолков. Но по мере знакомства с книгой каждый из нас постепенно убеждался, что название ее скорее служит привлечению читательского внимания, чем соответствует содержанию.

Дело в том, что за исключением отдельных второстепенных моментов участники бесед стоят на одних и тех же позициях — все они решительные сторонники перестройки исторической науки, отказа от стереотипов, пересмотра устаревших догм. Это, безусловно, хорошо. Но, увы, получилась «игра в одни ворота», спора не вышло. Между тем мы убеждены, что среди историков найдутся и те, кто и по кардинальным вопросам стоит на иных позициях — вроде химика Андреевой и бывшего работника прокуратуры Шеховцова. В том, что это так, нас убедил изданный незадолго до сборника «Историки спорят» двухтомник мемуаров бывшего Пред-

седателя Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко «Памятное». Автор, правда, не историк, но он доктор экономических наук, одна из его монографий удостоена Государственной премии. В двухтомнике мы обнаружили высказывания и общий настрой, которые зачастую диссонируют с новыми подходами к истории советского общества, да и зарубежного мира. Вот с кем интересно было бы подискутировать!

Мы хотели бы через «Огонек» обратиться к центральным издательствам с просьбой продолжить выпуск дискуссионных сборников по истории советского общества, но теперь уже привлечь к спору тех, кто действительно стоит на разных позициях. В таком споре каждый из нас, убежденных в необходимости поворота исторической науки к правде, готов принять участие.

Сотрудники Харьковского государственного института культуры: Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ, доктор исторических наук, профессор; В. В. ЗИНЧЕНКО, А. А. КОМШУКОВ, И. С. ПЛАХТИЙ, В. З. ФРАДКИН, В. Н. ШЕЙКО, кандидаты исторических наук, доценты; Н. Н. КАНИСТРАТЕНКО, ассистент

■

Андрей Вознесенский в своей статье и стихах («Огонек» № 16) выразил и мою озабоченность относительно влияния пестицидов и нитратов на человеческий организм. Специалистам в области детской неврологии хорошо известно, что токсические вещества губительно сказываются на развитии высшей нервной деятельности. Человеческий эмбрион, особенно развивающийся мозг, чрезвычайно чувствителен к вредоносному действию недопустимых доз химических соединений. Сегодняшние злоупотребления ими переходят опасную грань. Необнаруживаемые внешне в раннем детстве отклонения в последующем выявляются в виде задержки развития психики, аномального поведения, школьной неуспеваемости. Нередко в них заложены и корни асоциального поведения.

Отсюда острота постановки вопроса. Поэт правильно бьет тревогу. Уверен, что ответственные руководители на местах столь же озабочены грозящей опасностью. Речь идет о нервнопсихическом здоровье детей. Нельзя, чтобы самоуверенная беспечность, защита чести мундира, узковедомственные выгоды грозили существованию будущих поколений. Все это в конечном счете может привести к вырождению нации. Давно пора сесть за «круглый стол» и найти путь, как защититься от бездумности в этом вопросе.

Л. О. БАДАЛЯН, академик АМН СССР, председатель ассоциации «Здоровье мира» Советского комитета защиты мира

■

Мой сын проходил службу в Афганистане. Сколько бессонных ночей и сколько здоровья я потеряла за это время, голова моя поседела.

В январе сын вернулся домой. Нам не верилось, что мы вместе. Он сразу рассказал, что за два месяца до вывода у него в казарме украли бушлат и что ему нужно выплатить за него 160 рублей. Но в тот момент я не обратила на это внимания, мне было ни до чего — сын был с нами.

Через два месяца после демобилизации, когда сын только что устроился на работу, мы получили письмо с предложением явиться в народный суд Выборгского района к судебному исполнителю. На каком основании мой сын, пришедший с войны живым, должен выплачивать 160 рублей за украденный бушлат? Кто ответит, сколько нужно выплатить за погибших и оставшихся в живых инвалидов?

Наши дети участвовали в войне. Наверное, нужно высчитывать за сохраненную жизнь. А если бы он погиб в бушлате или сгорел бы в машине? Как тогда, кто бы за это платил? Если бы он погиб, бушлат бы списали, а раз он вернулся и остался жив, значит, надо выплачивать.

Р. Л. ГЕНФОН
Ленинград

■

Академиков у нас принято всетаки относить к разряду интеллигенции. Интеллигентом считает себя, по-видимому, и академик З. М. Буниятов, опубликовавший 15 апреля памфлет «Тунеядствующие «неформалы» в газете Азербайджанской академии наук. Поводом для памфлета послужил приезд в Азербайджан другого, всем известного академика А. Д. Сахарова. Но не в этом дело. Прежде всего потому не в этом, что о самой поездке, о деле, которое привело А. Д. Сахарова, его жену и еще двух сопровождавших его лиц в Закавказье, в памфлете не говорится. Зато в каждой строчке — разнузданные характеристики самому Сахарову и всем, кто сопровождал его. Судите о них сами: «Из толкового ученого он превратился в заурядного научного сотрудника, получающего пенсион за безделье и болтовню»; «сахаровский вояж был спланирован аганбегянствующими дашнаками... а чтобы команда выглядела внушительней, к бывшей акуле подключили прилипал...»; «наука тю-тю, и Сахаров превращается в борца за мир и перестройку и одновременно в клевещущего против всего происходящего у нас в стране и в клеврета межнациональной розни. Через свою сподвижницу Алиханян-Боннэр Сахаров переправляет за кордон записи своих гнусностей и пошлятины, нацеленных против всего советского. Он-де не вмешивается во внутренние дела Советского правительства! Да кто ты такой? Пролепетал бы ты такое в иные времена...»

Проговорился З. М. Буниятов: вот о чем он тоскует — о былых временах! И стиль характеристик почерпнут оттуда, и «факты» тоже. Впрочем, он и сам не скрывает своих источников, упоминая небезызвестные «Записки следователя» Л. Шейнина, родной сестры другой книги — «ЦРУ против СССР», за которую с ее автором Н. Яковлевым совершенно справедливо рассчитались публичной пощечиной.

Хочет ли и Буниятов разделить боль от этой пощечины? Не знаю. Но уверен в другом: если бы, не оспаривая фактов и высказанных мыслей, по отношению к Буниятову применить ярлыки из его собственного «интеллигентского» арсенала («кликуша, этнографирующий... на подмостках», «прилипала», «бывшая акула», «антисоветчик» и т. д.), он бы по крайней мере возмутился.

Хотелось бы знать: те ли стиль, язык и аргументация, что характерны для памфлета, использованы и в научных трудах академика Буниятова, в его диссертациях? Положительный ответ на этот вопрос серьезно бы подорвал авторитет той академии, членом которой он является, дискредитировал бы ее.

Евгений МЯГКОВ, журналист

Наш адрес:
101456, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

22 мая 1989 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум рассмотрел вопросы, связанные с проведением Съезда народных депутатов СССР.

С докладом по этим вопросам выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На Пленуме выступили: Г. П. Богомяков — первый секретарь Тюменского обкома КПСС, Ю. А. Манаенков — первый секретарь Липецкого обкома КПСС, Я. П. Погребняк — первый секретарь Львовского обкома Компартии Украины, А. С. Дзасохов — первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС, Б. Н. Ельцин — первый заместитель председателя Государственного строительного комитета СССР, министр СССР, А. А. Логунов — вице-президент Академии наук СССР, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, А.-Р. Х. Везиров — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, В. И. Потапов — первый секретарь Иркутского обкома КПСС, К. Махкамов — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, В. И. Мироненко — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, В. В. Карпов — первый секретарь правления Союза писателей СССР, Р. Н. Нишанов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, И. К. Полозков — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, А.-М. К. Бразаускас — первый секретарь ЦК Компартии Литвы, А. Г. Басистов — генеральный конструктор Научно-исследовательского института радиоприборостроения Министерства радиопромышленности СССР, В. М. Фалин — заведующий Международным отделом ЦК КПСС, А. А. Малофеев — первый секретарь Минского обкома Компартии Белоруссии, Л. М. Замятин — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании, Ю. Г. Самсонов — первый секретарь Ульяновского обкома КПСС, Е. Д. Похитайло — первый секретарь Омского обкома КПСС, С. Г. Арутюнян — первый секретарь ЦК Компартии Армении, Н. А. Назарбаев — Председатель Совета Министров Казахской ССР, В. А. Масол — Председатель Совета Министров Украинской ССР, А. П. Думачев — член Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, Ю. Н. Прокопьев — первый секретарь Якутского обкома КПСС, Н. И. Рыжков — Председатель Совета Министров СССР, В. А. Коптюг — вице-президент Академии наук СССР, председатель Сибирского отделения Академии наук СССР, С. В. Колпаков — министр черной металлургии СССР, Е. П. Велихов — вице-президент Академии наук СССР, директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, В. С. Черномырдин — министр газовой промышленности СССР, М. И. Щадов — министр угольной промышленности СССР, Ю. А. Израэль — председатель Государственного комитета СССР по гидрометеорологии, В. Г. Бойко — советник по экономическим вопросам посольства СССР в Социалистической Республике Румынии.

Пленум рекомендовал для избрания Председателем Верховного Совета СССР Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Пленум принял по обсуждавшимся вопросам соответствующие постановления.

В заключение на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На Пленуме было оглашено заявление члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева. (Заявление публикуется в печати.) Пленум принял к сведению, что Прокуратурой СССР ведется рассмотрение вопросов, поставленных в заявлении Е. К. Лигачева, о результатах которого будет доложено.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

Вячеслав КОСТИКОВ

ВРЕМЯ ОТТАЯВШИХ СЛОВ

История знает немало долгих войн: тридцатилетние, столетние. Одна из самых длинных в истории человечества — война за и против свободного слова. Начатая властью еще при императоре Тиберии осуждением писателя и историка Кремуция Корда, она продолжается до сих пор. Но, пожалуй, ни в одной стране война со словом не велась с таким ожесточением, как в России. Не оттого ли, что русское вольное слово испокон веков числилось среди властителей России, бросая вызов не только царской, но и божественной власти. Слово в России всегда было ключом к сердцу, к мысли, к душе. «Сии слова отверзоша мне райские двери» — гласит надпись на одной из фресок церкви Спаса Преображения на Ковалеве под Новгородом. Слово было да и поныне пребывает ключом к власти. И там, где власть не владеет культурой, а следовательно, и словом, она по-прежнему стремится укоротить народный язык.

Традиций на этом поприще России не занимать. Вырывание языка, наказание плетьми колоколов, взывавших к протесту против кривды, как это случилось в Угличе, исправление старых книг, ссылка и казнь писателей являются специфически русскими методами «идеологической работы». Введение цензурного устава в 1826 году придавало словоборчеству более цивилизованные формы, но мало изменило суть: борясь со словом, власть прежде всего боролась с мыслью. Крепостное право на слово в России пало лишь под ударами революции 1905 года. Цензура осталась, но права ее были существенно ограничены. К 1913 году в стране имелось уже 575 независимых издательств. Издавались 1351 журнал и 916 газет (из них 728 на русском языке). Газеты, выходившие в крупных городах — Самаре, Нижнем Новгороде, Казани, Баку, Тифлисе и др.,— стали выразителями независимых культурных и социальных интересов местного населения и местных экономических сил. К 1917 году в России все классы, а следовательно, и партии имели собственные, независимые от правительства газеты. Находившиеся в оппозиции большевики в апреле 1917 года издавали 17 ежедневных газет с тиражом 1.4 миллиона экземпляров.

Историку еще предстоит труд понять и объяснить, почему большевики, так последовательно боровшиеся до революции и за Учредительное собрание, и за свободу партий и прессы, после Октябрьской революции отказали в праве существования и тому, и другому, и третьему. Соображение о том, что это диктовалось условиями трудного периода становления и укрепления новой власти, не исчерпывает всех вопросов. История слова в Советской России свидетельствует о странном и, казалось бы, иррациональном явлении: чем больше укреплялась власть, тем уже становились границы свободы. Уже 27 октября по старому стилю, два дня спустя после Октябрьской революции, выпускается Декрет Совета Народных Комиссаров о печати. «В тяжкий, решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный Революционный Комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков...» По декрету было закрыто большинство буржуазных газет. Выступая на заседании ВЦИК, В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет — значит перестать быть социалистом...»

Декрет, впрочем, оговаривал, что «настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни». Однако «нормальные условия», исключая короткий период нэпа, так и не наступили.

Национализация издательского дела после Октября 1917 года и возобновление отмененной февралем цензуры тем не менее еще не означали жесткого зажима критического слова: правительство, судя по первоначальным намерениям, желало оградить себя не от критики вообще, ибо право на критику в то время никем еще не оспаривалось, а от газет, которые были «коллективным организатором» оппозиции. В 1918 году еще существуют кадетские «Наш век», «Русские ведомости», «Современное слово», эсеровская «Земля и воля», меньшевистские «Новый луч» и «День», горьковская независимая газета «Новая жизнь». Однако дни этих газет уже сочтены. Желая стеснить альтернативную прессу и издательства экономически, правительство издает «Декрет о введении государственной монополии на объявления».

Публикация рекламы и объявлений запрещается во всех периодических изданиях, кроме советских. Но этого оказалось недостаточным. Устоявшие после экономической подножки газеты закрываются одна за другой под новым предлогом: за публикацию «клеветнических сведений». Не избежала этой участи и горьковская «Новая жизнь». После резких протестов Максима Горького в связи с разгоном Учредительного собрания и расстрела демонстрации в Петербурге его газета подвергается систематическим атакам. «Новую жизнь» обвиняют в том, что она продалась империалистам, фабрикантам, банкирам, помещикам. Вскоре газета была закрыта. Имеются свидетельства того, что в судьбе горьковской «Новой жизни» не лучшую роль сыграл Г. Зиновьев, у которого с Горьким были чрезвычайно натянутые отношения. Вспомним, что пьеса М. Горького «Работяга Словотеков», в которой Г. Зиновьев узнал себя, была снята после трех представлений.

Подводя предварительные итоги «упорядочения» политической жизни в стране, Г. Зиновьев говорил на XI съезде РКП(б) весной 1922 года: «...мы имеем «монополию легальности», мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем возможности легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами».

От «монополии легальности» до монополии на слово, а затем и на мысль было уже недалеко. Об этом особенно позаботился Сталин, выбранный в этом же, 1922 году Генеральным секретарем.

ТУПИКИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Разумеется, всякое новое ограничение, шла ли речь об ограничении внутрипартийной демократии, свободы демонстраций, стачек или свободного слова, было, по мнению властей, обусловлено тем или иным часто справедливым рассуждением, «объективными», как у нас стало принято говорить, обстоятельствами. Конституционные демократы (кадеты) были объявлены вне закона потому, что среди них наблюдалось «движение саботажа».

Запрещение в 1922 году журнала «Экономист» тоже как будто бы имело достойную мотивировку. С началом нэпа в стране оживилась частная издательская деятельность, стали выходить независимые журналы — «Былое», «Голос минувшего», «Право и жизнь». Всего, как сообщалось в «Известиях» от 5 февраля 1922 года, в Москве было официально зарегистрировано 143 частных издательства. Вокруг журналов группировались многие из старой интеллигенции. В марте 1922 года в статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин говорит о необходимости вести систематическую, наступательную борьбу с буржуазной идеологией, с философской реакцией и со всеми видами идеализма.

Оживление «буржуазной идеологии» действительно имело место, и противодействие ей воспринималось как «объективная необходимость». Однако введенная в том же году в новый Уголовный кодекс РСФСР формулировка о том, что пропаганда и агитация, «объективно содействующая» буржуазии, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу, уже приоткрывала ту пропасть, которая с середины 30-х годов стала засасывать не «буржуазных философов», а сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Можно спорить о том, была ли высылка в начале 1920-х годов за границу большой группы известнейших русских философов, историков, ученых и публицистов (в их числе Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Шестов, Б. Вышеславцев, Ф. Степун) оправдана стремлением оградить нэп от «идеологического перегрева», но сам факт высылки без суда и следствия, административным решением ГПУ открывал малопочтенные перспективы. За этим решением уже вставала тень «троек» и «особых совещаний», не имевших никакого представления ни о русской философии, ни о правах человека.

Весь трагический опыт советской истории свидетельствует о том, что всякий раз, когда свобода слова, мысли или организаций ограничивалась даже действительно «объективными» соображениями или тактическими обстоятельствами, в перспективе нескольких лет эти меры оборачивались невосполнимыми утратами не только для общества, его культуры и науки, но и для самой правящей партии. Вводя временные, как представлялось, меры ограничений, партия всякий раз как бы подписывала приговор с отсрочкой исполнения для самое себя. Наслоение этих ограничений в конце концов привело к тому, что интеллектуальная жизнь в стране к концу правления Сталина стала лишь иллюзией жизни. Сбылось горькое предостережение Розы Люксембург о том, что «без свободных выборов, без неограниченной свободы печати, собраний, без свободной борьбы мнений жизнь отмирает во всех общественных учреждениях, становится только подобием жизни».

Опасность для общества состояла не только в том,

что в стране была ликвидирована «пресса мнений», но и в том, что из-под критики стали выводить одну сферу за другой. «Зоны безгласия» начали возникать довольно рано. 19 декабря 1918 года по докладу Ф. Э. Дзержинского бюро ЦК РКП(б) принимает решение о запрещении в печати критики ВЧК. Нужно напомнить, что к этому времени оппозиционной прессы уже не существовало. Речь, таким образом, шла об ограничении критики в партийной печати. «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК...» В сущности же, как об этом свидетельствует сборник «В. И. Ленин и ВЧК», речь шла о единичном конфликте между ВЧК и представителем Народного комиссариата юстиции в ВЧК старым большевиком М. Ю. Козловским, который протестовал против репрессий.

Решение о выводе ВЧК из-под критики тоже было продиктовано конкретными обстоятельствами. Но обстоятельства менялись, а запретительные законы, указы, распоряжения оставались, вырастая в ходе лет в устрашающую пирамиду Хеопса. О том, к каким пагубным последствиям привели эти, казалось бы, мотивированные шаги, впервые поведал Н. С. Хрущев на закрытом заседании XX съезда КПСС в феврале 1956 года в докладе «О культе личности и его последствиях». Обреченная на молчание пресса уже не могла выступить в защиту невинных жертв. Попав под контроль «органов», она сама уже участвовала в раздувании кампаний всеобщей ненависти и шпиономании.

Можно предположить, что те люди из руководящего ядра партии, которые в свое время способствовали свертыванию демократии и гласности, впоследствии горько жалели об этом. Но было уже поздно. Характерным примером может служить трагическая судьба Н. И. Бухарина. Как известно, исходя из «партийной этики», Бухарин хранил молчание даже тогда, когда уже убедился в гибельности сталинского курса. Апелляция к народу, к массам посредством широкой печати представлялась ему немыслимой, «антипартийной». И это неудивительно, ведь ранее он тоже санкционировал введение ограничительных норм гласности, сам исключал из партии несогласных. «Трагедия Бухарина заключалась в его нежелании апеллировать к широким массам,— пишет С. Коэн в «Политической биографии Бухарина»,— она проистекала из большевистской догмы, что политическая деятельность вне партии незаконна». Даже будучи главным редактором «Правды», Бухарин не решался говорить откровенно с массами. Догма оборачивалась трагедией не только для Бухарина, но и для партии, для страны, для народа.

Захватив после смерти Ленина аппарат ЦК, Сталин к 1928 году осуществляет «второй переворот» — захватывает партийную прессу. Монополия власти, слова и мысли становится абсолютной.

КОНЕЦ «ТАЙНОЙ СВОБОДЫ»

Русские интеллигенты, даже из тех, которые с восторгом приняли революцию, начинают ощущать симптомы будущего цензурного недуга довольно рано. Уже в 1921 году, выступая на собрании в память 84-й годовщины смерти Пушкина, Александр Блок жалуется, что у него отнимают «тайную свободу» — свободу творчества. Через год предощущение поэта начинает обретать более четкие контуры.

Главное управление по делам печати «в целях объединения всех родов цензуры, существующей в России» было создано решением Совнаркома в 1922 году. На первых порах мало кто разглядел опасность этой объединяющей меры. Цензура существовала всегда и во всех государствах. И действительно, при жизни Ленина и в первые годы после его смерти она, существуя, еще не чинила непреодолимых препятствий для альтернативных мнений. Редакторами газет, журналов, издательств назначались, как правило, известные большевики, интеллигенты с дореволюционным партийным стажем. Такие же люди направляются и на работу в цензурное ведомство. И те, и другие обладали достаточно высоким уровнем культуры и умели находить общий язык. К тому же до начала тридцатых годов само представление о свободах еще оставалось достаточно широким. Партийные газеты и журналы 20-х и начала 30-х годов пестрят острой и бурной полемикой.

Тем не менее уже в это время закладываются основы запретительных структур. При Госиздате создается политотдел; соответствующие политотделы насаждаются и на местах. Пока из сферы идеологии не вытеснены большевики-интеллигенты типа А. К. Воронского (член партии с 1904 года, создатель первого после революции «толстого» журнала «Красная новь»), запретительный зуд мало ощутим. Даже принятие в феврале 1922 года Оргбюро ЦК РКП(б) резолюции «О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской» не слишком стесняет деятельность многочисленных в этот период частных издательств.

Однако мы, имеющие возможность взглянуть на «эволюцию» гласности в исторической перспективе, понимаем, что расплывчатая формула борьбы с «мелкобуржуазной идеологией» оказалась тем медленно действующим ядом, который начал отравлять духовную жизнь советского общества с конца тридцатых. Ведь именно по этой вязкой формуле громились позднее журналы «Звезда» и «Ленинград», шельмовались видные советские писатели, композиторы, историки, ученые. Созданная Сталиным когорта «идеологических авгуров» выискивает малейший намек на свободное слово. В 1939 году один из последних еретиков отловлен среди лесов и болот Коми АССР. Редактор газеты «За новый Север» осмелился покритиковать обком. По случаю столь вопиющего неповиновения принимается грозное постановление ЦК ВКП(б) «О редакторе газеты «За новый Север» т. Задове», который «допустил грубую ошибку, открыв на страницах областной газеты полемику против обкома». Последний борец гласности изгнан из газеты. Постановление разослано во все обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик: важно было, чтобы страх независимого слова проник во все уголки страны, во все поры общества.

Ограничение свободного слова, как правило, оправдывалось ставшей у нас притчей во языцех «заботой о народе». Провозглашая интересы народа высшей мерой всего, конечной целью, власть, в сущности, относилась к народу с подозрительным недоверием. Одной части народа — крестьянству не доверяли оттого, что она была «темна» и неспособна понять высшей правды революции, предпочитая думать о собственном подворье, о том, как накормить своих чад и свою скотину. Другая часть — образованные рабочие, интеллигенция вызывали подозрение тем, что «слишком умны» и могли в силу этого посвоему интерпретировать спускаемые сверху директивы. Объективной информации со временем лишились и партийные кадры. «Известия ЦК РКП(б)», издававшиеся с 1919 года, были прекращены в 1929 году и возобновились лишь шестьдесят лет спустя, в эпоху гласности. От партийных работников требовалась не работа в массах при помощи откровенного свободного слова, а исполнение директив, спускаемых из центра. В годы, когда во главе Советского правительства стоял Ленин, традиции прямого общения с массами сохранялись и поддерживались. В самые трудные, роковые моменты жизни страны и В. И. Ленин, и его соратники шли к народу с живым, непротокольным словом. В 1918 году, когда над страной нависла смертельная угроза голода, лидеры партии, невзирая на должности, вышли на площади. 21 июня 1918 года во всех районах Москвы на митингах на тему борьбы с голодом выступили Ленин, Свердлов, Троцкий, Петровский, Ломов, члены ВЦИК и Московского Совета. Ленин в этот день выступал на многотысячных митингах рабочих в Сокольническом, Пресненском и Бутырском районах. И это несмотря на то, что в те годы имелась реальная угроза покушений. Какой разительный контраст с последующими временами, когда «отцы народа» стали смотреть на народ с высоты президиумов, трибун и мавзолеев, а живое слово было подменено праздничными, протокольными призывами и постановлениями «об освещении вопросов»!

Отмирание демократических традиций начального этапа революции привело к тому, что с народом стали не говорить, а «пущать пропаганду».

«Я — БОЮСЬ»

Подобно тому как в романе Оруэлла «1984 год» существовало особое ведомство по препарированию для народа романов, стихов, истории, старых газет, так и у нас для «общения» с народом были созданы всякого рода секторы, отделы, подотделы, населенные сонмищами инструкторов. Любой, даже самый сдержанный, протест против засилья цензуры забивался камнями. Одной из жертв такого камнепада среди журналистов стал Лен Карпинский, изгнанный при Брежневе за публикацию в «Комсомольской правде» статьи против засилья цензуры. Его изгнали с работы, лишив не только голоса, но и средств к существованию. К счастью, гласность вернула нам многих ошельмованных публицистов, литераторов, мыслителей. Жаль, что до сих пор не названы истинные гонители. А ведь палачи слова заслуживают не меньше презрения, чем те, которые стреляли в затылки людей. Они из одной породы.

Казенный надзор над словом привел к тому, что в стране с глубочайшими традициями языка, давшей миру сокровища литературы и поэзии, стала вырождаться русская речь. В устах официальных ораторов она превратилась в набор бездуховных фраз, в свалку словесного мусора. Во времена Брежнева мне неоднократно приходилось слышать от наших переводчиков в международных организациях и в посольствах сетования на то, что выступления советских официальных лиц, по сути дела, невозможно переводить на нормальный человеческий язык. Гнетущим памятником советскому «новоязу» является сборник «Об идеологической работе КПСС», изданный в 1977 году. Читая эту уникальнейшую в истории человеческой мысли книгу, еще раз убеждаешься в справедливости суждения о том, что язык не терпит фальши и тайное делает явным. Фальшивые мысли порождают фальшивый язык.

Долгое время многие заблуждались по поводу истинных причин сокрытия от народа правды. Иллюзию «благих намерений» разделяли даже выдающиеся люди, например, Евгений Замятин, полагавший, что причина сокрытия правды — в патернализме власти, смотрящей на народ как на недоросля. В памфлете «Я боюсь» он писал:

«Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока не перестанут смотреть на демос российский, как на ребенка, невинность которого надо оберегать. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не меньше старого опасается всякого еретического слова...»

Причина, увы, была иной. Власть не оберегала народ от ереси, она попросту боялась его. Опыт недавно прошедших выборов в народные депутаты со всей очевидностью показал, что советский народ далеко не ребенок, с которым нужно говорить языком сюсюкающей полуправды, а исполин, стоящий головой выше политических карликов, рожденных в казармах демократии. Бояться словесной и духовной ереси — это закрывать тропы в будущее. «Мир жив только еретиками: еретик Христос, еретик Коперник, еретик Толстой,— писал Е. Замятин.— Наш символ веры — ересь: завтра — непременно ересь для сегодня». Добавим от себя, что самое сегодняшнее, хорошее оно или плохое, это ересь великих мыслителей прошлого: Вольтера, Руссо, Робеспьера, Бабефа, Маркса, Энгельса, Кропоткина, Плеханова, Ленина.

Хроническая потребность вычеркивать «несвоевременные мысли» и слова успешно сочеталась с модой на вычеркивание неугодных людей. Наравне со скрытой литературной цензурой существовала еще более скрытая политическая цензура аппарата. Политические цензоры действовали в обстановке непроницаемого инкогнито. Кто может сказать, чья рука вычеркнула из списка кандидатов на XXIII съезд КПСС от Московской парторганизации имя Александра Трифоновича Твардовского? И чья рука вписала в список кандидатов в далекой Удмуртии имя услужливого редактора «Октября» В. Кочетова? И разве не были мы свидетелями того, как в ходе недавней избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР политические цензоры с наглой откровенностью пытались вымарать имена неугодных им кандидатов.

Цензура слова всегда и неминуемо вела и ведет к политическому произволу. Насилие над словом — начало насилия над демократией. Ложь словом ведет ко лжи в политике, в экономике, в морали. Литературная фальшивка в виде «трилогии» — «Целина», «Возрождение», «Малая земля», удостоенная Ленинской премии и способствовавшая раздуванию авторитета Л. Брежнева, привела к вопиющей фальши в советской политике и морали: к вручению ему партбилета за № 2, второго после В. И. Ленина.

«МЫ ЗАПЛАТИЛИ СЛИШКОМ ДОРОГО»

Петр Кропоткин в своих «Записках революционера» вспоминает о том, что заветной мечтой Александра II было основать где-нибудь в степях отделенный город, охраняемый казаками, и ссылать туда всех подозрительных. Этот азиатский план, но только в другом виде был осуществлен идеологами Сталина: вся литературная и журналистская Россия была заполнена «казаками», с той лишь разницей, что вместо пик и сабель у них в руках были цензурный устав и телефонное право. В сущности, административная система возвращала нас к политическим нравам Петра I, о которых писал в свое время великий русский историк Василий Ключевский: «...он хотел, чтоб раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно». Джордж Оруэлл сформулировал идеал идеологического ведомства проще: «Свобода — это рабство», «правда — это ложь».

Для того, чтобы поддерживать эту иллюзию (помните, знаменитое «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»?), требовалась целая армия идеологического казачества. Едва ли будет преувеличением сказать, что идеологическое воинство в СССР во времена застоя не уступало по численности армии, призванной защищать страну от внешнего врага. Идеолог застоя Суслов призывал свою многомиллионную армию идеологических кадров охватить своим влиянием всю массу и в то же время дойти до каждого человека. «Охватить» воспитательной работой пытались не только своих, но и заезжих гостей — туристов, дипломатов. Жители столицы, наверное, помнят, как многие годы на здании гостиницы «Москва» красовался грандиозный — так, чтобы было видно из окон бывшего американ-

ского посольства, — лозунг «Коммунизм — будущее всего человечества». «Господам империалистам» тонко намекали, что и их ждет всеобщее счастье.

Я думаю, что если бы все деньги, что тратились и тратятся в стране на содержание «идеологической армии», на наглядную, устную и письменную пропаганду, пустить на ремонт дорог, то наши трассы стали бы не хуже европейских. Число идеологических кадров в СССР — одно из «белых пятен» статистики. Мы можем судить о нем лишь по косвенным данным. Однажды в ораторском восторге с трибуны очередного идеологического совещания секретарь ЦК Компартии Казахстана отрапортовал, что в уборке урожая 1979 года наряду с колхозниками участвовал «большой отряд идеологических работников — свыше 140 тысяч...» Ведь это только по одной республике!

Чтобы облегчить собственную жизнь, сусловские идеологи и в журналистике, и в литературе на место честных писателей и журналистов повсеместно расставляют людей «юркой школы», легко угадывающих, как писал Е. Замятин, «когда надеть красный колпак и когда его скинуть, когда петь сретение царя и когда серп и молот». В газетах, в литературе, в театре, в кино — повсюду, где позволена речь,— утверждается единый образец творчества: «ежедневные оды Благодетелю». Менялись лица и имена «благодетелей». Из индивидуальных они становились «коллективными», но принцип (если не считать короткой «хрущевской оттепели») оставался прежним.

Апофеозом насилия над словом и правдой можно по праву считать речь Л. Брежнева при закрытии XXVI съезда КПСС. Год и три месяца советские войска уже находились в Афганистане. В города и села России идут «похоронки». Но советская пресса обречена на молчание. Народу каплями отмериватют информацию об «ограниченном контингенте». В мире тем временем нарастает буря протестов. Уже были бойкотированы США Олимпийские игры в Москве. В Тегеране афганские беженцы штурмуют советское посольство. Андрея Сахарова, поднявшего голос против отправки советских солдат в Афганистан, выслали в Горький. Но обо всем этом страна, оглушенная громом «аплодисментов, переходящих в овацию», узнавала по вечерам, вслушиваясь в прорывающиеся сквозь глушилки заморские голоса. Ибо своего голоса у русской правды уже не было. Верховный цензор страны Михаил Суслов мог спать спокойно: в заключительной речи Л. Брежнева на съезде «нет проблем». Слово «Афганистан» в ней отсутствует.

Как явствует из стенограммы съезда, «под сводами зала долго не смолкает овация». После последних слов Брежнева «Да здравствует коммунизм!» все встают. Звучат возгласы: «Да здравствует КПСС! Слава ленинскому Центральному Комитету! Леониду Ильичу Брежневу — ура! Да здравствует нерушимое единство партии и народа! Слава! Слава! Слава! Ура!»

От пламенных этих возгласов веяло мертвящим дыханием, «сном разума, порождающим чудовищ».

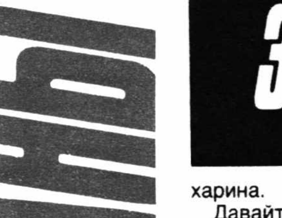
Между прочим, чудовища эти были не фантастическими, как на гравюрах Ф. Гойи, а вполне материальными. В обстановке безгласия, втайне от общественности готовились те самые «проекты века», которые, давая иллюзию могущества властителям страны, для народа оборачивались многомиллиардными затратами, «котлованами счастья». Последствия мы пожинаем до сих пор в виде изнурительных очередей, в виде дефицита самого необходимого и в конечном счете дефицита доверия между народом и властью. Кто подсчитает убытки от гибели Арала, от засоления десятков тысяч гектаров плодородных земель, кто вернет нам затопленные при гробовом молчании прессы деревни, пойменные луга, старинную колокольню под Калязином, стоящую теперь скорбным и молчаливым упреком среди разлившихся волжских вод. Кто, наконец, подсчитает убытки, которые понесли наша наука и экономика от тисков секретности, от той душной атмосферы лжи, в которой могли существовать без масок только чудовища типа Лысенко, Митина, Суслова и иже с ними. Список преступлений против русской природы, русского богатства, русского народа, свершенных во времена информационного затмения, слишком длинен, чтобы вместить его в одну статью. И если мы упоминаем здесь о некоторых из них, то вовсе не для того, чтобы вызвать гнев или ужас читателей: и того, и другого у нас вполне хватает. Мы говорим об этом для того, чтобы всем миром мы поняли наконец, что без свободы слова, без широкой гласности общество теряет реальные ориентиры, чувство меры, утрачивает иммунитет от грозных заболеваний века. Нельзя заморозить язык, не погрузив в сон всего организма. Мы заплатили слишком дорого за навязанную нам немоту. И еще неизвестно, какой катастрофой обернулось бы для нашей страны, а может быть, и для всего мира, наше безгласие, если бы не вечевой колокол XIX партконференции.

ГЛАСНОСТЬ «ПО СУСЛОВУ» ИЛИ «ПО РИШЕЛЬЕ»?

Пока еще короткая, но бурная история ожившей в стране гласности убедительно подтверждает слова великого итальянского революционера Антонио Грамши — «правда всегда революционна». В резолюции XIX партконференции прямо указывалось на связь между гласностью и начавшимся у нас революционным обновлением. «Последовательное расширение гласности является непременным условием развертывания процессов демократизации всех сфер общественной жизни, обновления социализма». Неудивительно, что противники обновления избрали прессу и гласность главной мишенью нападок. Далеко не случайным является тот факт, что содержавшееся в резолюции «О гласности» XIX партконференции требование о создании «правовых гарантий гласности», о «закреплении в конституционном порядке права граждан СССР на информацию» не реализовано до сих пор. А ведь о необходимости Закона о печати говорилось еще на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года, то есть более двух лет назад.

Кроме того, не секрет, что гласность у нас пока еще ограничена несколькими счастливыми анклавами — рядом городов и республик, она похожа на кислородную подушку в привилегированной больнице. На местах, в республиках, областях, районах, люди только мечтают о свободном слове. Власти все еще рассматривают правду в качестве карманной табакерки: хочу — дам понюшку, хочу — нет. Одиозный случай гонений на журналиста Ярошинскую (теперь народного депутата СССР) и на местную прессу в Житомире до сих пор не получил ни партийной, ни юридической оценки. А ведь события в Житомире носили не просто антидемократический, но и антиконституционный характер. Между тем в стране до сих пор нет органа, который бы мог компетентно и непредвзято рассматривать иски о нарушении гласности и гонениях за критику и передавать дела в суд. Напрашивается мысль о необходимости создания при Верховном Совете СССР независимой депутатской комиссии по делам печати. Ее создание необходимо еще и потому, что не родившиеся пока законы о печати и о гласности могут оказаться столь же аморфными и расплывчатыми, как и законы о кооперации, о государственном предприятии. Первый вариант Закона о печати, с которым удалось познакомиться несколько месяцев назад в Союзе журналистов, оказался настолько одиозным, настолько аппаратоугодным, что творцы вынуждены были отозвать его. Более всего меня поразили в нем прямые заимствования из доклада К. Черненко «Актуальные вопросы идеологической работы партии» 1983 года. Все последующие варианты готовятся в обстановке «конфиденциальности». Опубликован лишь «инициативный вариант» независимой группы юристов. Но ведь он не имеет статуса официального проекта. Да и широкой общественности пока недоступен. Нужно подумать и о том, чтобы Закон о печати отвечал международным стандартам и духу документов, подписанных в Вене. Разве нет опасений, что его начинят такими оговорками и уловками, что он окажется не помощником, а барьером в борьбе за правовое государство? Далеко не случайно, что о подготовке этого закона в печать мало что проникает.

ПЕРВЫЕ ПЕРЬЯ СТРАНЫ

Этой карикатуре 66 лет. Напечатал ее в 1923 году «Прожектор» — литературно-художественный и сатирический журнал, выходивший в издании газеты «Правда» под редакцией Николая Ивановича Бухарина.

Давайте рассмотрим отраженных в юмористическом зеркале деятелей, как мы выразились бы сегодня, «средств массовой информации» двадцатых годов, своеобразную страничку истории советской печати.

В левом верхнем углу парит всегда творчески и эмоционально окрыленный Анатолий Васильевич Луначарский, блестящий эрудит и оратор, философ и критик, драматург и нарком. В противоположном, правом углу — полная ему противоположность — Карл Радек, язвительный памфлетист, веселый скептик, мастер парадоксов, автор бесчисленных (большей частью приписываемых ему) анекдотов и острых словечек. Рядом с Луначарским (в виде часового циферблата) Платон Михайлович Керженцев, руководитель РОСТА и основатель нашумевшей в свое время Лиги «Время». Ниже — энергично призывает к организованности партийный пропагандист и литератор Сергей Ингулов, слева от которого внимательно изучает загадочную фигуру «середняка» Яков Аркадьевич Яковлев, будущий нарком земледелия. Еще левее — строго поглядывает вокруг зав. Агитпропом ЦК РКП(б) Андрей Сергеевич Бубнов. А чуть правее удобно восседает грозный редактор и бессменный передовик «Известий» Юрий Михайлович Стеклов. По правую руку и под креслом его помощники — известный китаист В. Д. Виленский-Сибиряков и Р. И. Эрдэ. Правее Стеклова бодро несет нелегкий груз воспитания молодых журналистов ректор Государственного института журналистики Константин Новицкий.

В левом нижнем углу — «Крокодил». Его оседлал Н. И. Смирнов, неожиданно сменивший основателя и первого редактора журнала популярного «дядю Костю» — Константина Степановича Еремеева, вынужденного расстаться со своим зубастым детищем. Правее — утопающий в непрочитанных рукописях и письмах Н. И. Иванов-Грамен, фельетонист, сатирик, один из будущих редакторов «Крокодила». Ходячее «письмо в редакцию» — это неугомонный критик и литературовед Н. Чужак, рядом с которым неколебимо стоит верный своему «На литературном посту» Борис Михайлович Волин, он же редактор «Рабочей Москвы» (ныне «Московская правда»). Чуть повыше, сидя на чемодане, что-то быстро записывает в корреспондентский блокнот Михаил Кольцов. Еще выше — редактор «Правды» Николай Иванович Бухарин, перед которым терпеливо ждет возможности дать на подпись очередной номер «Прожектора» один из редакторов журнала Лазарь Юрьевич Шмидт. Левее — Илларион Виссарионович Вардин занят процедурой кулинарного характера. Над ним задумчиво склонился Евгений Преображенский, теоретик, дипломат, соавтор Н. И. Бухарина по популярному тогда труду «Азбука коммунизма». Выше — горячо рассуждает сам с собой журналист-международник и драматург Михаил Левидов, нисколько не нарушая при этом покой мирно почивающего Николая Леонидовича Мещерякова, главного редактора Госиздата.

Правее Преображенского — Мария Ильинична Ульянова — в ту пору ответственный секретарь «Правды», заботливо пестующая не по дням, а по часам растущего рабкора. Рядом две монументальные фигуры — это неразлучные еще в ту пору друзья — фельетонист Лев Семенович Сосновский и поэт Демьян Бедный. Ниже — с типографскими гранками — один из старейших правдистов Вениамин Серафимович Попов-Дубовской, помощник Марии Ильиничны и одновременно родной брат писателя Александра Серафимовича. С такими же гранками стоит, опираясь на трость, видный партийный деятель и публицист Ю. Ларин. Справа от него высится, энергично «штык приравняв к перу», Лев Давидович Троцкий. В правом нижнем углу — разъездной корреспондент «Правды» А. Сергеев и журналист-международник А. Гай (Меньшой).

Сегодня нельзя смотреть на эти забавные дружеские шаржи без тяжелого, горького чувства. Ведь большинству из шутливо изображенных здесь людей предстояла злая, трагическая участь — тюрьмы, пытки, казни.

И не в результате какого-то контрреволюционного переворота, не вследствие победы интервенции и белогвардейщины, а при родной, ими же завоеванной Советской власти, под сенью реющего над Кремлем красного знамени...

Но кому такое могло прийти в голову тогда, в двадцать третьем?

Бор. ЕФИМОВ

Нужно, наконец, познакомить советскую общественность и с принципами и нормами соответствующего законодательства за рубежом. Чтобы при обсуждении проекта не шарить руками в темноте. Надо вспомнить и о том, что существует такая международная организация, как ЮНЕСКО, где имеется Сектор коммуникации, анализирующий массу мирового опыта в области информации. Полезно вспомнить в этой связи, что конфликт между ЮНЕСКО и Западом, приведший к выходу США из этой организации, возгорелся именно по вопросу о регламентации информации и о «журналистской этике». Мы много лет смотрели на позиции Запада в отношении «свободного потока информации» с предвзятостью. И только теперь сами убеждаемся, что без свободы информации демократия превращается в пустой вздох. Между тем в вопросе о сочетании прав и ответственности журналистов мы все еще находимся в плену представлений времен «постановления о редакторе т. Задове».

Юристам известно, что главным признаком демократичности того или иного закона, в том числе и законов о печати, является его конкретность и детализированность относительно того, что можно и что нельзя. Тоталитарное законодательство предпочитает широкие мазки, расплывчатые и внешне ультрадемократичные формулировки, оставляющие простор для интерпретаций, а следовательно, и для административного произвола. Пример тому — «Сталинская конституция», считавшаяся по внешним признакам самой демократичной конституцией в мире. Что на самом деле происходило за ее частоколом, а точнее сказать, за ее колючей проволокой, мы с ужасом открываем до сих пор. Вот почему для молодой советской демократии так важно обсуждение законов о печати и гласности уже на предварительных стадиях разработки.

Не будем тешить себя иллюзиями: после семидесяти лет информационных сумерек в стране, где демократический процесс начинается с очень низкой отметки, трудно сразу получить идеальный закон. В Англии пресса обрела свободу при Стюартах, во Франции при Людовике XIII и Ришелье, в Германии при Габсбургах. Настоящим монументом юридических норм о печати является закон, принятый во Франции в 1881 году, то есть более ста лет назад. Заглянул ли кто-нибудь из наших составителей в него? Что касается России, то, кроме коротких периодов всплеска свободной печати до первой мировой войны и сразу после Февральской революции, страна, по сути дела, и не жила при гласности.

Пути к ней будут тернисты. Совершенно очевидно, что вокруг готовящегося проекта разгорится острая борьба. От того, в чью пользу она закончится, чем будет новый закон — хлыстом номенклатуры или инструментом демократии,— в значительной степени зависит судьба перестройки. Выступление заместителя министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровского в Лондоне на Международном информационном форуме свидетельствует о том, что Советский Союз готов идти в общий европейский дом с открытым и честным словом. Провозглашенный им от имени Советского правительства принцип — «достичь самых высоких стандартов гласности и информированности людей, чтобы все положения международных документов, участником которых является Советское государство, стали действительностью, претворились в конкретные дела»,— внушает надежды. Важно, чтобы эти принципы не остались в «импортном исполнении», как это случалось в прошлом, а появились на прилавках наших газетных киосков — в Москве, в Минске, в Киеве, в Житомире... далее везде.

И пора наконец прекратить смотреть из окон областных и районных теремов на журналистов, как барин смотрел на Палашку. Не следует делать из них ни святых, ни злодеев, ни героев, ни «подручных» и ни козлов отпущения за проигранную «партию». В свое время, отвечая критикам на нападки в очернительстве (традиция упреков, как видите, идет издалека), великий сын Отечества Петр Яковлевич Чаадаев писал: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами... Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной...»

Да, мы слишком слепо любили. Слепая влюбленность времен революционного романтизма потом была отягощена насильственным ослеплением. Время слепых влюбленностей прошло. Настает час трезвой правды. Возрождающейся советской журналистике вместе с Петром Чаадаевым можно и нужно сказать: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее (если она того заслуживает.— **В. К.**), только бы ее не обманывать».

ПОЛОСАТОЕ СОЛНЦЕ

Мы, взрослые, обожаем что-нибудь необыкновенное. Вот, например, человеку три года. У него много разных дел, а в оставшееся время еще и рисование. Берет карандаши, бумагу и рисует. Но тут прибегаем мы, взрослые, хлопаем от радости в ладоши, берем человека за руку и ведем в изостудию. Через полгода мы развешиваем его картины в клубе под таким объявлением: «МАКСИМ ТАБАКОВ. ТРИ ГОДА — СТО РАБОТ. ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА. 1988 ГОД». Потом мы ходим вокруг, охаем, ахаем, фотографируем и хором говорим волшебные слова «чудо» и «талант». Мы пристаем к человеку с вопросами: «А это что?»

— Это фонариха с фонарятами. А это мама, когда была маленькая. А это солнце,— объясняет он.

— А почему оно полосатое?

Пожимает плечами:

— Я так хочу.

Но это мы лишь сначала умиляемся, а потом-то уж объясним Максиму, что вот тут надо выпрямить, а тут закрасить. Нам мало чуда, мы начинаем воспитывать. Нам, взрослым, надо, чтоб все было по нашим правилам игры. Попробуй не подыграй — обижаемся, как маленькие.

— А кем ты хочешь стать? — с невинным видом начинаем мы.

— Художником, — подхватывает он, но, не выдержав, честно добавляет: — И шофером.

— А что надо, чтоб стать художником? — гнем мы свое.

— Надо много-много работать каждый день (назидательно подняв палец).

Мы в восторге и не замечаем пародии.

Но тут Максиму это надоедает, и он отказывается что-нибудь тут же нарисовать, потому что рисует, только «когда думается». А сейчас он предлагает заняться другим серьезным делом — постучать на барабане. Или, на худой конец, поводить вездеход.

Но мы, взрослые, с головой в своей игре. Мы жарко спорим о природе чуда. Мы прикидываем, не пора ли ребенку писать пастелью. Мы уже не слышим его рассказа про Подземную Машину, которая живет даже глубже, чем метро. Мы не замечаем, что он соорудил из бумаги подзорную трубу и наблюдает в нее море, Африку и деревню одновременно, и, вероятно, это не хуже, чем нарисовать правильное солнце.

Когда Максим важно говорит: «Я — художник», он знает, что это чуть-чуть понарошку. Но мы играем по правде. Это, может быть, наша главная игра. Мы отыгрываемся за несбывшееся с нами, забыв, что вот оно, чудо, с руками, ногами и удивленными глазами. Давайте не заигрываться — его можно спугнуть. Давайте относиться к нему серьезно.

Анна ГОЛУБЕВА

Фото Анатолия БОЧИНИНА

«СТЕРХ» летит в никуда...

Виталий ЗАСЕЕВ,
Павел КРИВЦОВ (фото)

Над Окским заповедником парила «птица», которую местные орнитологи до этого не только не видели, но и не надеялись когда-либо увидеть... «Птица» кружила, приземлялась то в одном, то в другом месте и, ко всеобщей радости наблюдавших, давала возможность приблизиться к себе и сфотографироваться рядом. Специалисты понимают, что с помощью такой «птицы» можно было бы сделать немало полезного в заповеднике: пересчитать гнездовья журавлей, не спугивая их с насиженных мест, вовремя заметить браконьера, предотвратить начинающийся пожар от брошенного окурка или костра, прийти на помощь пострадавшему зверю или, если понадобится, отстрелять серого нарушителя заповедного покоя...

— Во всем мире такие легкие самолеты используются давным-давно,— рассказал один из ведущих орнитологов Окского заповедника, Юрий Маркин.— А вот у нас, увы...

— Теперь есть и у нас,— возражали коллеги.

— Есть, да не про нашу честь,— горячился Юрий.— Несколько дней помашет крыльями, и больше мы ее никогда не увидим. И вновь бери резиновые сапоги, блокнот, карандаш, бинокль... Хотя орнитологи всего мира решают свои проблемы с помощью радиотелеметрии, компьютеров и таких вот самолетов...

Совместной советско-американской программе «Стерх» (белый журавль) уже несколько лет. Цель — сохранить и приумножить редкую ныне популяцию журавля, внесенного в Красную книгу. Для этого в первую очередь нужно знать про стерха все: места гнездовий, миграционные линии, количество птенцов, появившихся за сезон и благополучно выживших после первого перелета за многие тысячи километров... Для этого нужна техника. В США любители природы создали фонд охраны журавлей. На собранные пожертвования ученые купили новейшую аппаратуру, транспорт и даже легкие самолеты! Журавль, как известно, гнездится на болотах, в труднодоступных местах и, будучи птицей чрезвычайно осторожной, не подпускает к себе человека. Теперь для американских ученых нет недоступных мест даже в топях Невольничьего озера, торфяниках Вуд-Баффало и нескончаемых просторах Арансасского национального парка на юге Техаса. Проследив за миграцией птиц и выяснив истинное их количество, орнитологи США принялись за восстановление популяции.

Для участия в совместной программе пригласили и советских специалистов. Вскоре в Окский заповедник была доставлена и первая посылка из США со специальными радиопередатчиками, которые крепятся на лапки птиц. Теперь на всем протяжении полета стерха транслируется научная информация!..

— Однако,— заметил Юрий Маркин,— даже в сапогах прославленной фирмы «Скороход» за летящей птицей не угнаться...

Вернемся на зеленую лужайку, где все еще пока стоит не виданный в наших краях легкий самолет, предназначенный для работы естествоиспытателей. Его сконструировали и построили энтузиасты экспериментального общественного молодежного конструкторского бюро под руководством Ованеса Микояна. Узнав, что «Огонек» побывал в Окском заповеднике и заинтересовался проблемой легкой авиации, О. Микоян приехал в редакцию. И с порога заговорил о наболевшем:

— Считаю своим долгом заметить, что наше детище дает возможность более продуктивно работать не только орнитологам. Но и геологам, и службе «Скорой помощи», и сельской почте. И, конечно, ГАИ. А сколько пользы она принесет работникам сельского хозяйства!

Признаться, я не смог представить себе такую картину: возле тока стоит самолет агронома, и агроном, переговорив с механизаторами, тут же взмывает в небо...

— А что здесь необычного? — спросил О. Микоян.— Чтобы овладеть навыками пилотирования на нашем «Стерхе», понадобятся считанные дни. И воздушный помощник, неприхотливый и экономичный, станет служить людям самых разных профессий!..

Ованес Микоян с детства впитал любовь к профессии. Говорит убедительно и смело:

— Возможно, мне и не пристало хвалить детище нашего конструкторского бюро, но о характеристиках самолета я должен сказать. Самолет может быть одноместным и двухместным. Его потолок две тысячи метров. Он легко разбирается и укладывается в три небольших ящика, а собирается меньше чем за час. На нем можно патрулировать леса, газопроводы, речные караваны. Сегодня для этого используют вертолеты, но один час работы, например, Ми-8 стоит пятьсот рублей. Час полета на нашем «Стерхе» обходится в пятерку! Есть разница?

— В чем же проблема? — спрашиваю конструктора.

— Главная проблема — серийный выпуск самолета. Солидные фирмы за это браться не хотят. В ширпотреб тоже его не отдашь... Вот и получается, что «Стерх» пока летит в никуда...

Шесть лет молодые авиаконструкторы и инженеры из группы Ованеса Микояна в свободное от работы время конструировали столь необходимый в народном хозяйстве самолет. Ради снижения себестоимости использовали самые что ни на есть «бросовые» материалы. Трубки и тросики подбирали стандартные, колеса приспособили от обычных картов, а двигатель взяли от снегохода «Буран». И получился самолет. Надежный, неприхотливый. Достаточно сказать, что «Стерх» развивает скорость более ста километров в час.

— Летом надеемся отправиться с ним на Камчатку считать котиков,— говорит О. Микоян.

А пока изящный «Стерх» разместился в трех ящиках из-под сигарет. Когда он полетит, никто не знает.

МИНУТА НЕМОЛЧАНИЯ

Поговорим о генах.

На сегодняшних молодых вернисажах победоносно процветает генотип Малевича и Филонова.

А как в поэзии? Вдруг и впрямь правы те, кто говорит, что поэзия ныне зацвела застойной водой? Да, застойная ряска подзатянула горизонты, но при чем тут поэзия? И как обстоит дело с генами Велемира Хлебникова и «Столбцов»?

Когда группа молодых поэтов попросила меня провести вечер «новой волны» во Дворце молодежи, я сомневался: а какой силы будет эта волнá?

На открытии первого вечера стояли в проходах. Зал явно не вместил желающих. Он взрывался аплодисментами и три часа внимал труднейшим текстам.

Это вечера непечатавшихся стихов.

Каждый начинается минутой памяти погибших строк. Не минутой молчания, нет — слишком долго молчали. Минуту все кричат в честь погибших строк. И так будет каждый раз, пока поэзия не сможет печататься так, как это нужно ей, и только ей.

Чтение — это публикация ненапечатанных стихов на воздухе.

Если в шестидесятые и семидесятые мы читали, потому что не могли напечатать по политическим причинам, то теперь новые поэты не могут пройти в дверь издательства сквозь толпу профессиональных стихотворцев. («Вы тут стояли? А мы — стояли!..»)

Я думал о генах авангарда: на вечере могли быть не только москвичи. С нами могли бы быть певцы невских берегов. С нами барнаульцы, где есть яркие, непривычные поэты, объединенные эпатирующим именем ЭРА — «эпицентр российского авангарда». Мог бы читать и Вагрич Бахчинян, прекрасный поэт-художник, живущий в Нью-Йорке.

Искусство — сообщающиеся сосуды. На берегах Москвы-реки и Сены поэты находят подобное. Мог бы читать здесь и Алексей Цветков, ныне живущий на берегах Потомака. И мне казалось, что его крик я слышал в зале.

Он пришел ко мне со стихами в 1972 году. Тогда он был студентом МГУ. В его походке была основательность римского легионера. Тот же металл, позвякивающий иронией, был в его тяжеловатых ритмах.

Ныне, за океаном, он защитил диссертацию по Платонову, выпустил две книги, которые показали его как одного из сильнейших поэтов русского зарубежья.

Прошлой осенью он был в Москве — публика принимала его в Доме медика. Принимала тепло.

Не думаю, что органично для его стихов отсутствие знаков препинания (при классической метрике!), но это дело вкуса.

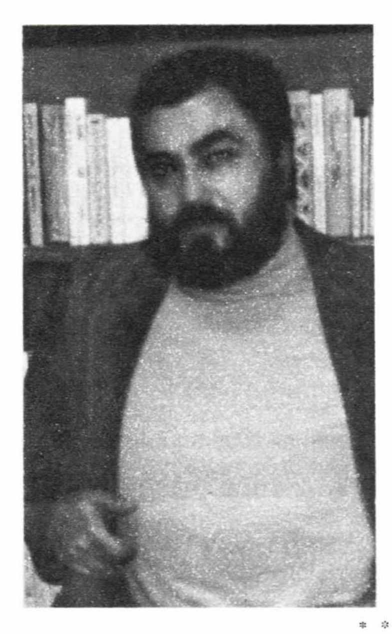
И как бы он и другие поэты ни придыхали согласные, прижимая язык к небу на англоязычный манер, стихи остаются русскими, сегодняшними — таков генетический код.

Минута крика кончилась.

Давайте почитаем стихи.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Алексей ЦВЕТКОВ

* * *

мы стихи возвели через силу
как рабы адриановы рим
чтоб грядущему грубому сыну
обходиться умелось без рифм
мозг насквозь пропряла ариадна
били скифа до спазма в ружье
чтоб наследным рабам адриана
развиваться без рима уже
кругозор населения ýже
и не каждая баба при муже
но бесспорный аларих орел
он штаны нам носить изобрел

в наши годы бои не стихали
но в невинной мечте доползти
мы полки поднимали стихами
в кровь сбивая шрифты до кости
звезды в реках текли недвижимы
степь текла под копыта коней
и враждебные наши режимы
доживали в обнимку на ней
ночь была без имен и названий
мы следили за ней из развалин
отличать не по рангу смелы
римский меч от парфянской стрелы

протяни онемевшему небу
тишины неуместную весть
святый боже которого нету
страшный вечный которого есть
оделú моисеевой кашей
посвети в неживые глаза
пуст ковчег зоологии нашей
начинать тебе отче с аза
на постройку ассирий и греций
в хороводе других парамеций
возводить карфаген и шумер
вот такие стихи например

* * *

помню пепельное утро
вязы в воздухе пестро
журавлей в лазури утло
ассирийское письмо

в хрустале как приступ астмы
сквер под бременем росы
ослепительные астры
напоследок там росли

очевидно есть причина
вечность прочная одна
что любовь неизлечима
до финального одра

лишь бы поступью обратной
проступала на траве
в сланце рыбой аккуратной
четкой мухой в янтаре

* * *

в парке дубовая роща
очередь точно струна
на обнищание ропща
брали по кружке с утра
прочь из отцовского плена
вынесла нас навсегда
кружек ажурная пена
ржавая жертва сельдя

в сумерки вновь на природу
нас поневоле вело
выучил шурик приему
пить в винтовую вино
игорь читал из бодлера
голосом гневно дрожа

завистью печень болела
жизнь оставалась должна
логач желтея от жажды
долгие дни голодал
мы с ним в зарнице однажды
пропили мой гонорар

в высшей судебной палате
участью горше щенка
логач предъявит к оплате
общие наши счета
там на посмертной странице
спишет любые долги
жажда которой в зарнице
мы утолить не могли

* * *

в старости блуждать и не бояться
в заповедной впадине реки
ситцевые бабочки двоятся
бронзовые тикают жуки
оползнем разорванный проселок
памяти плакучая лоза
жизнь в стенах пропетая спросонок
наяву не значит ни аза

навзничь всплыть на зеркале багровом
царственной сторицей за труды
в заболоченном краю бобровом
проплутать до ангельской трубы
певчий голос угасает тонко
жизнь прошла остановилась пленка
в дебрях день играет молодой
сизые стрекозы над водой

* * *

так близок лес так сон перед рассветом
из мира птиц очами посвети
усердьем риз и крюковым распевом
ольховый бог устроен посреди

здесь летой лес сплавляют без убытка
в ботве улитка липкая слепа
правь бог травы твой кроткий век улыбка
когда нас всех уже смахнут с листка

так канет бук уже ростки ранимы
страх жизни вхож в зеленое нутро
так лес велик так робок бог рябины
он дым едва а больше бог никто

нам нежен дым но нет простоя страху
правь звездосплав от северной страды
пока в лесу весь род пернатый сразу
кладет на музыку его стволы

* * *

сколько мне лет спрашивал старших
они отвечали четыре с половиной
примерял этот возраст как дивное платье
сравнивать было не с чем

весной воробьи под карнизом веранды
мастерили неказистые гнезда
был долго и привычно болен
годами не поднимался с койки
узнавал устройство растений
из прутьев роняемых воробьями

к лету перевезли в павильон
с перил свисали едкие ягоды паслена
на горизонте вертикально стояло море
крутили китайское кино смелая разведка
ранняя зависть к этим героям гор
узнавал из кино устройство смерти
серая и длинная вроде крысы
приходилось бояться темноты
четырех с половиной уже не доставало
хотелось быть всегда

* * *

быть учителем химии где-то в ялуторовске
сорок лет садясь к жухлой глазунье
видеть прежнюю жену с циферблатом лица
нерушимо верить в амфотерность железа
в журнал здоровье в заповеди района

реже задумываться над загадкой жизни
шамкая и шелестя страницами
внушать питомцам инцеста и авитаминоза
правило замещения водородного катиона
считать что зуева засиделась в завучах
и что электрон неисчерпаем как и атом

в августе по пути с методического совещания
замечать как осели стены поднялись липы
как выцвел и съежился двумерный мир
в ялуторовске или даже в тобольске
где давно на ущербе скудный серп солнца

умереть судорожно поджав колени
под звон жены под ее скрипучий вздох
предстать перед первым законом термодинамики

* * *

чем выйти возразить рослой лозе изюма
вольный перечень животных солнце дневного света
человеку настает его жаркое лето жизнь
переходящее знамя всей федеративной погоды
гроб груб гриб граб

вот трава имени товарища тимофеева
хлипкая но с мандатом выйти в колос
над которой все облака доброй воли
пронзает коленвалом молнии
подари своим немногим сверху
светлая государыня птица

и я дитя больной но понимаю
невелика тень и умирать напрасно
предметы коленопреклонения зелень и зной
пора в гербарий мое маленькое тело
добрый вечен говорит луг
спокойного всегда

милые божьи коровки и лошадки
резвые лугом адáмовичи впереди их отчий адам
идем домой
эдем

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

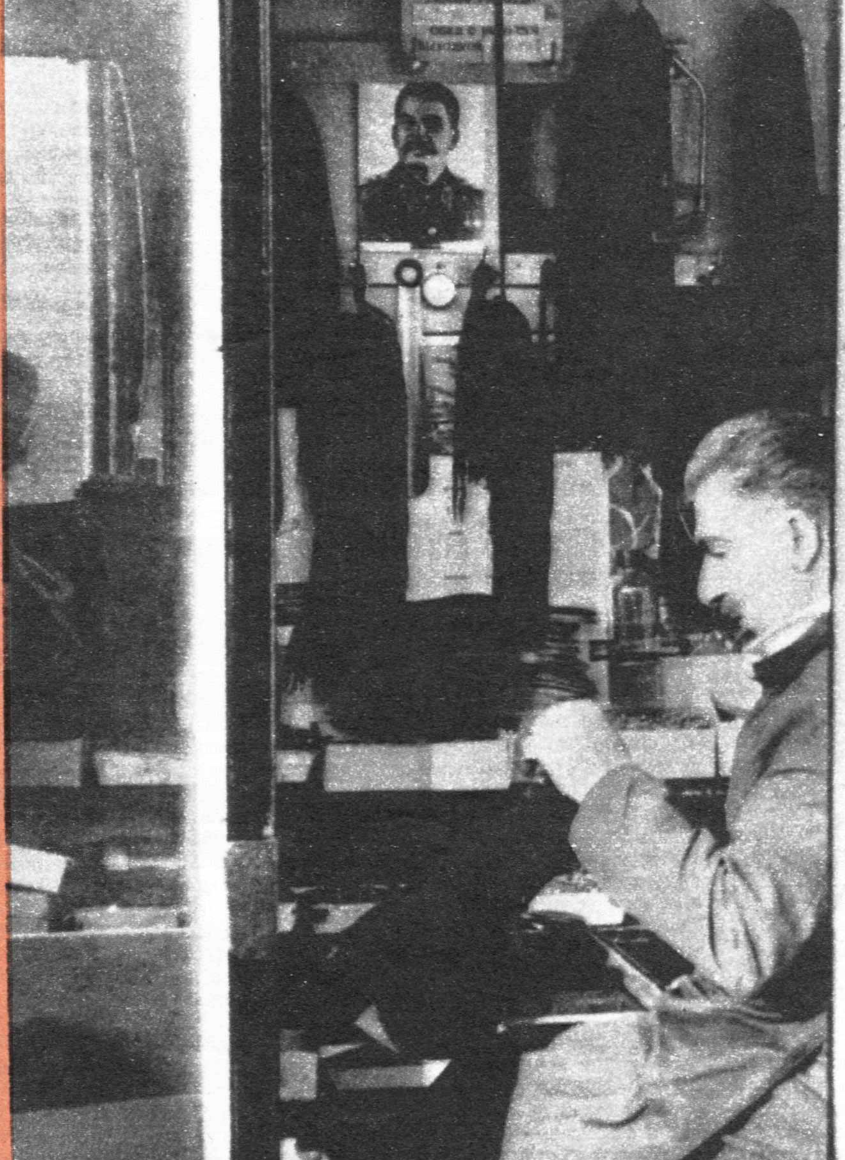

Фото
Сергея СУПИНСКОГО
(гор. Киев).

Фото
Юрия ЕРМОЛИНА
(гор. Челябинск).

Фото
Сергея КОРОЛЕВА
(гор. Ленинград).

Фото
Дмитрия ГРАФОВА
(гор. Челябинск).

Алла БОССАРТ

Борьба классическая и вольная

Праздный ум придумал поговорку: «Красиво жить — не запретишь». Давно ищу в ней смысл — и не нахожу. Почему не запретишь? Кому не запретишь? Да и как это — не запретишь, если тут — государственная политика, направленная именно на то, чтобы запретить, искоренить, обесточить красивую жизнь, оградить людей и общество от ее заразы.

В школе нас учили, что социализм уничтожил разногласия между классами: содружество рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции развивается с неуклонной тенденцией стирания граней, и не сегодня-завтра мы придем вовсе к бесклассовому обществу. А вот поди ж ты какой резкий крен в диалектике произвела перестройка. Вместо того чтобы укреплять советский конгломерат, она вызвала к жизни натурального врага рода человеческого, расколовшего почти бесклассовое общество на неприятные такие, неравные части, чтобы не сказать лагери (избежим этого слова всуе). Эти части — хрестоматийные богатые и бедные. Этот враг — кооператор.

Сколь мудрыми были компромиссы, допущенные финансовыми органами в части налогообложения и других позиций! Борцы с красивой жизнью ничего не потеряли. Они надежно обезопасили себя одним-единственным пунктом, сводящим на нет все словопрения: это пункт о полномочиях местных органов, полномочиях вплоть до закрытия кооператива, если он не соответствует целям и задачам советского общества. Ибо кому решать, что соответствует целям и задачам — кому, как не бдительной власти на местах?

В Краснодарском крае, например, решают круто. Таксомоторный кооператив «Экспресс» закрыли. На кооперативные видеосалоны устраивают облавы. Пищевиков парализовали проверками и штрафами, при этом абсолютно произвольно установив им перечень товаров, которые кооператоры могут свободно (я подчеркиваю эту обаятельную уступку демократизации) — свободно приобретать в розничной сети госторговли. Хозяйки животики надорвут над этим списком: мука первого и второго сорта, крýпы (кроме гречневой), жиры животные, томат-паста, сок яблочный, повидло яблочное, соль, крахмал маисовый. Остальные продовольственные товары продавать кооперативам запрещается. Я спросила местную власть, председателя Краснодарского крайисполкома Н. И. Кондратенко, что можно приготовить из этого джентльменского набора. Он вполне серьезно мне ответил: «Вареники». Приятного аппетита.

Можно, конечно, покупать непосредственно в хозяйствах и в потребсоюзах. Так и поступали многие кооперативы. Но и тут их настиг шлагбаум финоргнов. Заготконтору Горячеключевского райпо заставили расторгнуть договор с кооператорами, а заведующего сняли с работы. Колхоз «Искра», продававший мясо и молоко кооперативу «Иль», видя такое дело, сам поспешил прервать дружбу. А вот какой изысканный документ сочинил Краснодарский горфинотдел в лице своего начальника (извините, стилистика заразительна) тов. В. И. Матеюка по поводу порочащих связей все того же кооператива «Иль» с опытно-производственным хозяйством «Рассвет»: «Производственной проверкой финансовым отделом горисполкома по вопросам производства и реализации мяса и мясопродуктов установлены серьезные недостатки, выразившиеся в реализации мясопродуктов кооперативам ниже цен с учетом 50 процентов надбавки к закупочным ценам сверх среднего уровня, достигнутого в 11-й пятилетке, в результате хозяйство недополучило 7,3 тысячи рублей прибыли. Не имея гарантии перевыполнения плана производства и реализации продукции на 1988 год, уже заключен договор на 1988 год с кооперативом «Иль» Северского района на 20,0 тонны. Учитывая изложенное и то, что не определено ожидаемое перевыполнение плана производства и сдачи его государству в 1988 году, а также поскольку этот вопрос не решен в горисполкоме, финансовый отдел горисполкома предлагает расторгнуть договор со всеми кооперативами, в том числе «Иль» Северского района, на поставку мяса в 1988 году».

Вы что-нибудь поняли? Не огорчайтесь, я тоже долго вдумывалась в сокровенный смысл сказанного. Если перевести на человеческий русский язык, то дело вот в чем. ОПХ «Рассвет», которое занимается научными исследованиями по линии Северокавказского НИИ животноводства, продавало свинину общепитовскому кооперативу «Иль». Кооперативу это было выгодно, потому что «Рассвет» продавал ему мясо в два раза дешевле, чем на рынке (по 2 рубля 60 копеек), хозяйству — потому что кооператив покупал у него мясо в три раза дороже, чем мясокомбинат. ОПХ было заинтересовано в кооперативе еще и потому, что не знало забот с транспортировкой. В научных целях сотрудники рубили половину туши в лаборатории, куда и приезжали кооператоры и забирали некондиционный, но вполне качественный забой (заготконтора не берет мясо в кусках) — ко всеобщему удовлетворению. Однако происходил парадокс: хотя живых денег хозяйство получало больше, так называемой прибыли оно получало меньше. Ибо несданное государству мясо в выполнение плана ему не шло. «Предложение» расторгнуть договор с кооперативом носило, надо полагать, вполне категорический характер, потому что директор ОПХ «Рассвет» после всех набегов горфинотдела слег с сердечным приступом. Теперь ОПХ «Рассвет» вынуждено вести свою лабораторную работу непосредственно на конвейере мясокомбината, потому что своих рефрижераторов у хозяйства нет и поставлять свинину государству оно может только живьем, четвертуя подопытных чушек уже на месте: мясокомбинат как учреждение государственное больше заинтересован в процентах, чем в свежем мясе, и в отличие от кооператоров за сырьем не ездит. В результате уже дважды исследования НИИ животноводства были сорваны.

Надо заметить, что оборотистые ребята из кооператива «Иль» (классная кубанская кухня в сочетании со студенческими ценами) выкрутились. Они построили свинарник, где будут выращивать отбивные и шашлыки; они строят коровник, где будут доить свое молоко-сметану-масло; они арендовали землю, где будут собирать свою свеклу на сахар, обложенный в крае жесткой карточной блокадой. Хорошо, что из троих предпринимателей, собравших верную дружину поваров, строителей, рабочих, пекарей и т. д., запустивших на месте грязной придорожной забегаловки красивое и экономичное производство с чистой бойней, чистым колбасным цехом, с кондитерским цехом, лавашной, с чистыми кафельно-никелированными службами, душевыми для персонала, летним и крытым торговыми залами и даже со своим маленьким автосервисом («Иль» стоит на оживленной Новороссийской трассе) — хорошо, что из трех товарищей только один, Валерий Мурадян, был собственно поваром. А двое-то — отпетые коммерсанты. Что Валентин Литовченко, «бытовик», бывший работник автосервиса, что Семен Прус, бывший начальник колбасного цеха мясокомбината. О нем председатель крайисполкома Кондратенко с нескрываемым восхищением сказал: «Ну, мужик! Мне бы такого — я бы живо край накормил!»

Но это теперь «Иль» — маяк, на который следует равняться краевой кооперации. А ведь до того, как перейти на замкнутый цикл, он был бельмом на глазу у всего краевого начальства. Фирменные торты делает — а государственные кондитерские мощности стоят, сахара нет. Где достают? Колбасу, ветчину коптят, шашлыки жарят — воруют! Деньги гребут, оклады себе положили по шесть сотен, бухгалтерша молоденькая в золотых серьгах, мясо по дешевке скупают — к ногтю! По радио ворами назвали. В прессе тиснули. Шашлыки запретили: нарушают своим ядовитым дымом экологическое равновесие...

Напрасно Николай Игнатович строит иллюзии насчет того, что он с чьей-то помощью, хоть с божьей, хоть прусовой, накормил бы край. Никакая сила нынче не даст нам хлеба, если сами не будем поворачиваться. А что могли бы сделать Семен Прус, Валентин Литовченко, Валерий Мурадян и тысячи других кооператоров, дай им кресло и забери инициативу?

Когда в Краснодаре закрыли кооператив «Экспресс», таксисты подали в суд на райисполком — и выиграли дело. Новое правовое мышление — само по себе процесс интересный, но еще интересней другое: почему новый кооператив встал такой костью в горле Советской власти, что в дело включилось краевое начальство и передало дело на кассацию в краевой суд? В борьбе с пищевыми кооперативами партийно-советские органы изобрели универсальный жупел: настроение рабочего класса, которому суп не из чего сварить, потому что все мясо скупают коммерсанты. Совершенно забыв о том, что три года назад никаких кооперативов не было, а рабочие (и служащие, между прочим, тоже) сильно не жировали, управленцы подняли мученический образ рабочего человека и с этой хоругвью пошли крестным ходом на хозяина и предпринимателя. У Николая Игнатовича Кондратенко рабочий человек с его голодной диетой с языка не сходил, пока с помощью трех ответственных работников аппарата он полтора часа бил меня цифрами и фактами злоупотреблений и подрывной деятельности краевой кооперации. Так что же в этом контексте таксисты? Они-то кусок мяса, хлеба или сахара ни у кого изо рта не вытаскивают? Нет. Тут кооператорам предъявили неожиданного оппонента — не обездоленное население, а... своего же брата, предпринимателя. Таксиста-индивидуальщика. Налог у того больше плюс патент, а работает точно так же. Переквалифицировать в частники, и пусть тоже покупают патент. Интересы ИТД защищают райсовет, крайисполком, горфинотдел — вот какая высокая адвокатура.

Позиция городских и краевых властей объяснима. Обидно, что коммерсанты платят меньше, чем могли бы платить. Но как же закон? Разве он не оберегает права кооперации, предусматривая в то же время строгий круг обязанностей? В частности, обязанность отчитываться в своих доходах, от которой свободны индивидуальщики. Но тут вступает в силу знаменитая поправка — о полномочиях местных органов. А местные органы выдвигают непобедимое соображение: «кооператор тоже может укрыть доходы, что он и делает». Тут не нужны доказательства. Во всем многообразии наших общественных отношений мы привыкли исходить из того, что все воруют, обманывают, фальсифицируют, подтасовывают и срывают куш. Председатель крайисполкома Кондратенко и мэр Краснодара Самойленко даже мысли не допускают, что у таксистов чисто. Что зарабатывают они столько, сколько пишут. Потому что это не укладывается в голове.

В этом смысле вульгарная спекуляция гораздо милее сердцу властей, чем партизанщина кооператоров, за которыми нужен глаз да глаз.

С начальником горфинотдела В. И. Матеюком мы проезжали мимо Краснодарского Дома книги, на ступенях которого, как всегда, шла бойкая и поразительно наглая торговля дефицитом. Как раз накануне я не удержалась и вступила в преступный сговор, купив искомое у вальяжного брадатого миляги — за два червонца. «Как же вы допускаете у себя под носом такую циничную спекуляцию?» — обратилась я к Василию Ильичу скорее как бы риторически, для завязки разговора (ну где нет в конце-то концов черного рынка, с нашим-то книгоизданием просто грех его не иметь! в Краснодаре меня смутила единственно открытость, гласность, спокойная деловитость черной торговли книгами — а так, ну что ж, дело житейское...). Однако ответ Матеюка поразил: «Это не спекуляция. Люди продают свои книги. Имеют право».

— Но продают-то за пять, шесть, семь номиналов!

— Ну и что, это их книги, как хотят, так и продают.

Я внимательно посмотрела в лицо Василию Ильи-

чу Матеюку, начальнику горфинотдела, автору замечательной бумаги о гарантии ожидаемого перевыполнения плана, ревнителю государственной прибыли: не шутит ли? Но солидное это лицо не выражало склонности к юмору.

— Это же называется в Уголовном кодексе «спекуляция» — купля-продажа с целью наживы! — тупо настаивала я.

— А это не установлено, что с целью наживы. Может, у них нет что кушать утром, у этих старушек, и они вышли продать свое единственное имущество — антикварную книгу.

— Каких старушек? — обалдела я. Он что, там ни разу не был, что ли? Какой антиквариат? Румяные коробейники стоят там в богатых кожаных кафтанах, выложив на парапете свой товар: Булгакова да Рыбакова, Пикуля да Конан Дойля, Дрюона да Цветаеву... В этот день до вечера я ходила озадаченная: отчего же загадочный Матеюк так энергично встал на защиту книжных жучков, никакой маскировкой себя не утруждающих? А вечером в редакции молодежной газеты мне все прояснили: «Со спекуляцией же ничего нельзя поделать, вот им и приходится ее оправдывать...»

Гениально! Спекуляцию, как и воровство на мясокомбинатах, как самогонку, как взятки, как продажу дипломов, проституцию, наркоманию, мафию, нельзя реально **запретить,** потому что эти явления никем **не разрешены.** Против лома нет приема — такого, как инструкция, указ, приказ, предписание. А поскольку другие методы борьбы не освоены, удобнее делать вид, что зла нету вовсе. Зато где можно власть употребить — приемами знакомыми, испытанными нас валят на лопатки в командно-административной классической борьбе. естественно переходящей в вольную. И выстраиваются очереди за спиртным, вводятся карточки под кокетливым названием «приглашение» на сахар и мясо, конфискуются видеозаписи с диагнозом «порнография», перекрывается кислород кооперативам.

В многострадальное ОПХ «Рассвет» вскоре после его драматического романа с кооперативом «Иль» пришли еще одни апологеты красивой жизни: скорняки. «Рассвету» было сделано в высшей степени выгодное предложение: сдать в аренду небольшой цех, где кооператоры из опытных овечьих шкур (которые пропадают) будут шить дубленки и продавать их населению и со скидкой сотрудникам ОПХ. Кооператорам отказали. Почему?!

— Боимся,— честно ответила главный зоотехник З. Ф. Пугачева.

«То ли еще будет»,— как с угрозой поет ее однофамилица.

— Рабочий класс к кооператорам относится неоднозначно. Да и далеки еще наши люди от цивилизованных кооператоров. Надо их еще воспитывать. Поэтому пока кооператив выступает как производитель, как тот же «Иль», я буду всесторонне его поддерживать. А полезут к столу рабочего человека — для таких потребителей я буду ярый враг! — пообещал Н. И. Кондратенко.

Интересно, чем он собирается поддерживать «Иль», по его милости перешедший в эпоху Узкой Специализации — на полное натуральное хозяйство? И что делать в этой ситуации, допустим, швейникам, что выращивать: хлопок или лучше лен?

Из окна моей гостиницы в Краснодаре видны были большие башенные часы. Однако проверять по ним время я не могла: на циферблате отсутствовали стрелки. Я бы не стала прибегать к столь избитому символу, но уж больно намозолил он глаз за неделю. И как не вспомнить об этом кастрированном времени за таким разговором с краевым главой Советской власти:

— Где вы видели партию, которая добровольно сдавала бы свои позиции? Почему мы должны мириться с той подрывной работой, которая ведется в недрах кооперативов против нас? Это очень правильно чувствуют рабочие. А если масса рабочего класса что-то не одобряет — мы будем с рабочим классом. Рабочий класс — это барометр. Без этого барометра нам не обойтись.

— А как относится барометр к работникам государственной торговли?

— Тоже негативно. Но рабочие прощают им воровство за их невысокую зарплату. С ними свыклись. А кооператор — новый враг. Потому что он нарушает принцип равного деления. Когда у нас чего-то нет — надо делить принародно. Равная дележка сохраняет морально-психологическое равновесие людей. Трудящегося человека возмущают не сам дефицит и не сама низкая зарплата. Его возмущает: а у тебя откуда деньги? А ты где достал? Это правомерно.

Что толковать о рынке, о благополучии, если благосостояние, «красивая жизнь» в управленческих умах решительно не связываются с прогрессом, а связываются только с идеологической диверсией? Что спорить о прогрессе с теми, для которых все общественные болезни привычно и надежно лечить голоданием?

О ВАРЛАМЕ ШАЛАМОВЕ И ЕГО ПРОЗЕ

«Колымская» проза Варлама Тихоновича Шаламова потрясает.

Я долго думал: в чем дело? Не в материале же только. Был уже и «Один день Ивана Денисовича», и «Архипелаг ГУЛАГ», и многое другое — воспоминания, письма, повести, стихи о сталинских лагерях, созданные бывшими «Иван Ивановичами», как называли интеллигентов в тех гибельных краях. Был и фольклор о «чудной планете», сказовый и песенный; были проклятья и упорное молчание очевидцев. Отчего же рассказы Шаламова так переворачивают читательскую душу и так укрепляют в человеческом праве быть свободной и мыслящей личностью?

Все дело, думаю, в удивительной высоте, с которой это написано. В той свободе авторского взгляда, стиля, которая сродни эпическому постижению жизни. «Этот мир — реальней, чем гомеровские небеса»,— пишет Шаламов. Не из центра ада идет воспаленное свидетельство — такое вообще невозможно, и когда тот или иной литератор пытался это сделать, неправда невольно подстерегала его.

Шаламов-повествователь эпически «спокоен»; он знает про это всё и всё помнит; он лишен каких-либо иллюзий, и тем убедительнее, тем неотразимее действует на наше чувство, на наше сознание его объективный голос. Кто измерит меру страдания миллионов людей подобной судьбы? Нет такой меры, отвечает автор, но можно и нужно рассказать об этом так, как рассказывают вообще о жизни (антижизни) с ее установившимся «бытом», рабским трудом, борьбой за пайку хлеба, драмами и предательствами, с беседами о смысле существования, с лагерной моралью и лагерными законами, с национальной и классовой рознью, с миром «блатарей» и «фрайеров», с болезнями, смертями, расстрелами. Двадцать лет провел писатель в советских тюрьмах, лагерях и ссылках, и этот архипелаг нашел в его лице летописца, художника, создателя огромной трагической фрески, в которой нет открытого гнева и бессильного разоблачительства, а есть мощная правда страшной нормы, вдохновившей и организовавшей этот адский эксперимент.

«Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели — инженеры, геологи, врачи,— ни начальники, ни подчиненные.

Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута.

Там много такого, что человек не должен знать, а если видел — лучше ему умереть».

Шаламов не умер, чтобы написать эти страницы и оставить их нам. Его правда о человеке в лагере жестока. По сравнению с ней Достоевский с его «Записками из мертвого дома» кажется буколическим писателем. XX век дал быт Освенцима и Колымы, который и не снился героям великого русского писателя в их самых апокалипсических снах.

«Заключенный приучается там ненавидеть труд — ничему другому и не может он там научиться.

Он обучается там лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом.

Возвратившись на волю, он видит, что не только не вырос за время лагеря, но что интересы его сузились, стали бедными и грубыми.

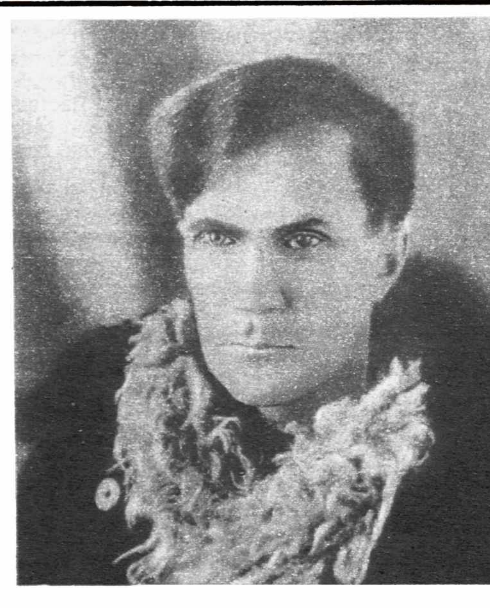
Моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону.

Оказывается, можно делать подлости и всё же жить...

Оказывается, человек, совершивший подлость, не умирает...

Он чересчур высоко ценит свои страдания, забывая, что у каждого человека есть свое горе. К чужому горю он разучился относиться сочувственно — он просто его не понимает, не хочет понимать...

Он приучается ненавидеть людей».

Я привел эти рассуждения как достаточно редкие для Шаламова, где писатель прямо говорит от своего имени, осмысливая лагерный опыт. Это очень важное место. Без него не понять шаламовской прозы. Смысл лагеря (как и любой организованной государственной преступности) в том и состоит, что он цинично меняет все социальные и моральные знаки на обратные. Другого смысла в лагере для политических нет, как бы они сами искренне ни заблуждались на этот счет. Не случайно уголовники постоянно привлекались властью к усмирению сидевших по пятьдесят восьмой статье, к управлению ими. Добро и зло — достаточно наивные категории, когда речь идет о преступной, хорошо организованной системе.

И все же были, были те, кто оставался людьми. Иначе не было бы этих рассказов, где поведана глубинная правда о безвинном человеке, доведенном почти до скотского состояния. Мораль в истинном объеме будет потихоньку возвращаться к нему на свободе, но понесенные потери уже до конца невосполнимы. Никто не стал моральнее и чище после испытаний ГУЛАГом. Только здоровье и нравственная норма, только социальная и духовная свобода делают человека человеком. Все остальное — от лукавого. В том числе и героический стоицизм, который хорош как абстракция, как философская проблема, но который по меньшей мере некорректен, когда речь идет о миллионах рабов и их лагерном быте. Впрочем, Шаламов оговаривает специально, что он пишет о людях (и о себе в том числе), «не бывших, не умевших и не ставших героями». Поэтому его лагерный эпос поистине народен, пусть и в чудовищно искаженном, обратном смысле этого понятия.

Варлам Тихонович Шаламов родился в 1907 году в семье вологодского священника. Уже в ранней юности он обратился к литературному творчеству, писал стихи и прозу. Будучи студентом Московского государственного университета, был впервые арестован в 1929 году по обвинению в распространении якобы фальшивого политического завещания В. И. Ленина. Это было знаменитое письмо XII съезду партии. Около трех лет молодой писатель провел на Вишере, в лагерях Западного Урала. В 1937 году его вновь арестовали и отправили на Колыму. Был полностью реабилитирован вскоре после XX съезда КПСС.

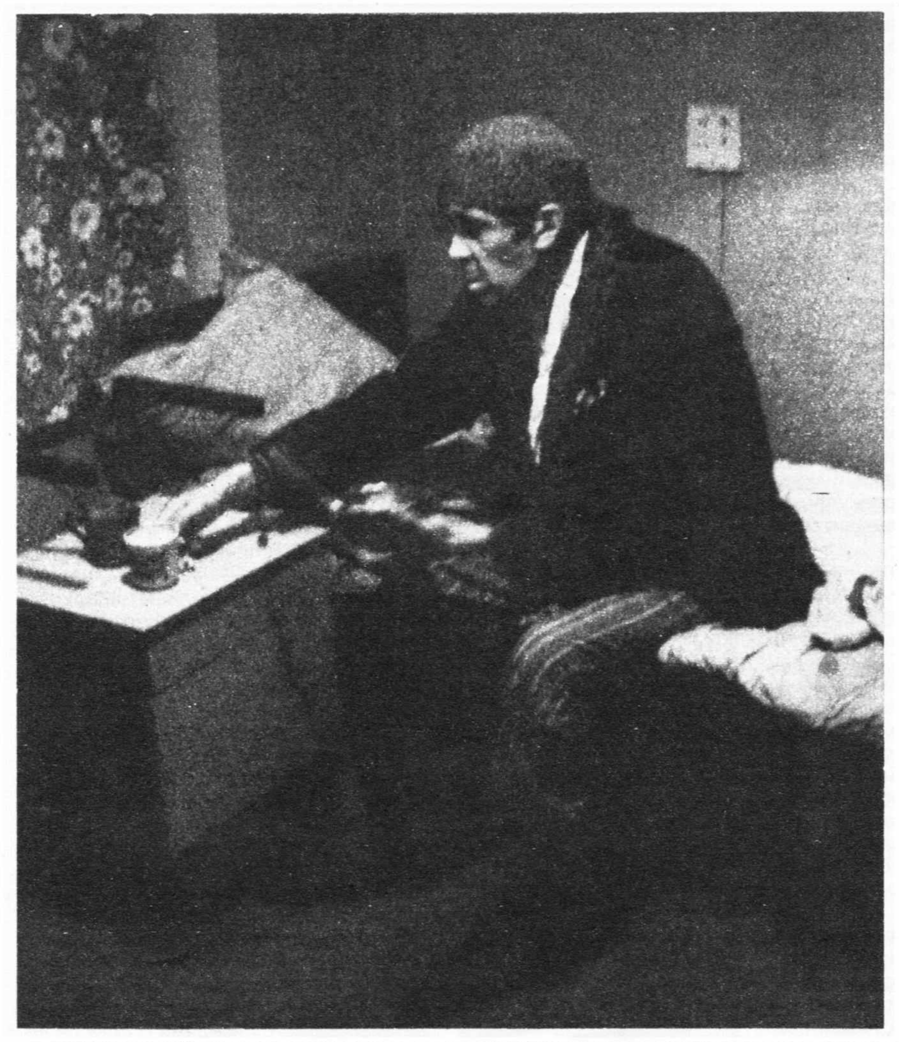
Свои колымские рассказы Шаламов начал писать уже в ссылке, выйдя из лагерей, в начале пятидесятых. Все попытки опубликовать их на Родине ни к чему не привели. Рассказы выходили за границей, на Западе, но Шаламов никогда в этом не участвовал, разрешения на печатание там не давал. Стихи его публиковались в советских журна-

лах, при жизни вышло пять сборников, но и поэзию Шаламова читатель знает недостаточно, очень многое осталось неизданным. Поэт он замечательный, его стихи высоко ценил Борис Пастернак, которому Шаламов отправил свои рукописи из ссылки. Несколько лет спустя они встретились и подружились.

Именно поэзия и спасла Шаламова, по его собственному признанию: «...чужой всем окружающим, затерянный в зиме, зиме, которой вовсе и нет дела до людей, вырвавших у нее какие-то уголочки с печурками, какие-то избушки среди неизбывного камня и леса, среди чужих пьяных людей, которым нет дела ни до жизни, ни до смерти, я пытался то робко, то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей душу силы этого мира, к которому я так и не привык за семнадцать лет». (Из письма Б. Л. Пастернаку.)

Шаламов обрел спасение в поэтическом слове и в свободной мысли. Его колымская проза резко выделяется из потока правдивых лагерных свидетельств искусством самого высокого толка. Поэт, художник побеждает и здесь, и потому читатель не просто содрогается от ужаса, гнева или сострадания, но получает огромный заряд эстетического переживания, просветляющего душу, как и бывает всегда при встрече с подлинно трагическим искусством. И душа воскресает для добра и смысла, словно мятая, изломанная ветка колымской лиственницы, о которой так проникновенно рассказал нам писатель.

В автобиографической повести Шаламова «Четвертая Вологда» читаем: «Границы поэзии и прозы, особенно в собственной душе, очень приблизительны. Проза переходит в поэзию и обратно очень часто. Проза даже прикидывается поэзией, а поэзия — прозой». Отточенность стиля, высокая духовнословесная культура — и в прозе, и в поэзии — характернейшая черта шаламовского творчества. Это большой писатель, один из немногих действительных восприемников классических традиций русского XIX века, художник, который, столкнувшись с трагедиями советского времени, остался верен высокому достоинству Слова, подчинив ему неслыханной новизны сопротивляющийся материал.

Варлам Шаламов в доме престарелых. 1981 г.

Отпевание в храме Николы в Кузнецах. Москва. 1982 г.

Фото Олега КАПЛИНА

Но он же и восстал против литературных уроков гуманизма. «Русские писатели-гуманисты второй половины XIX века несут на душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в XX веке. Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики — ученики русских гуманистов. Этот грех им не замолить...» Отсюда и шаламовская нетерпимость к проповеди, к указующему персту, к иллюзиям, что искусство может облагородить или научить человека добру и счастью. Отсюда поиски лаконизма, устранение всего лишнего, всего канонизированного в форме литературного письма.

В некоторых рассказах Шаламов безжалостно сталкивает романтическую интеллигентскую жажду добра и свободы с миром блатарей. Герой одной из

Варлам ШАЛАМОВ — **РАССКАЗЫ**

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Две белки небесного цвета, черномордые, чернохвостые, увлеченно вглядывались в то, что творилось за серебряными лиственницами. Я подошел к дереву, на ветвях которого они сидели, почти вплотную, и только тогда белки заметили меня. Бельчьи когти зашуршали по коре дерева, синие тела зверьков метнулись вверх и где-то высоко-высоко затихли. Крошки коры перестали сыпаться на снег. Я увидел то, что разглядывали белки.

На лесной поляне молился человек. Матерчатая шапка-ушанка комочком лежала у его ног, иней успел уже выбелить стриженую голову. На лице его было выражение удивительное — то самое, что бывает на лицах людей, вспоминающих детство или что-либо равноценно дорогое. Человек крестился размашисто и быстро: тремя сложенными пальцами правой руки он будто тянул вниз свою собственную голову. Я не сразу узнал его — так много нового было в чертах его лица. Это был заключенный Замятин — священник из одного барака со мной.

Все еще не видя меня, он выговаривал негромко и торжественно немеющими от холода губами привычные, запомненные мной с детства слова. Это были славянские формулы литургийной службы — Замятин служил обедню в серебряном лесу.

Он медленно перекрестился, выпрямился — и увидел меня. Торжественность и умиленность исчезли с его лица, и привычные складки на переносице сблизили его брови. Замятин не любил насмешек. Он поднял шапку, встряхнул и надел ее.

— Вы служили литургию,— начал я.

— Нет, нет,— сказал Замятин, улыбаясь моей невежественности.— Как я могу служить обедню? У меня ведь нет ни даров, ни епитрахили. Это — казенное полотенце.

И он поправил грязную «вафельную» тряпку, висевшую у него на шее и в самом деле напоминавшую епитрахиль. Мороз покрыл полотенце снежным хрусталем, хрусталь радужно сверкал на солнце, как расшитая церковная ткань.

— Кроме того, мне стыдно — я не знаю, где восток. Солнце сейчас встает на два часа и заходит за ту же гору, из-за которой выходило. Где же восток?

— Разве это так важно,— восток?

— Нет, конечно. Не уходите. Говорю же вам, что я не служу и не могу служить. Я просто повторяю, вспоминаю, повторяю воскресную службу. И я не знаю, воскресенье ли сегодня?

— Четверг,— сказал я.— Надзиратель утром говорил.

— Вот видите, четверг. Нет, нет, я не служу. Мне просто легче так. И меньше есть хочется,— улыбнулся Замятин.

Я знаю, что у каждого человека здесь было свое самое последнее, самое важное — то, что помогало жить, цепляться за жизнь, которую так настойчиво и упорно у нас отнимали. Если у Замятина этим последним была литургия Иоанна Златоуста, то моим спасительным «последним» были стихи — чужие любимые стихи, которые удивительным образом помнились там, где все остальное было давно забыто, выброшено, изгнано из памяти. Единственное, что еще не было подавлено усталостью, морозом, голодом и бесконечными унижениями.

Солнце зашло. Стремительная мгла зимнего раннего вечера уже заполнила пространство между деревьями. Я побрел в барак, где мы жили,— низенькую продолговатую избушку с маленькими окнами, похожую на крошечную конюшню. Ухватясь обеими руками за тяжелую, обледенелую дверь, я услышал шорох в соседней избушке. Там была «инструменталка» — кладовая, где хранился инструмент — пилы, лопаты, топоры, ломы, кайла горнорабочих.

По выходным дням «инструменталка» была на замке, но сейчас замка не было. Я шагнул через порог инструменталки, и тяжелая дверь чуть не прихлопнула меня. Щелей в кладовой было столько, что глаза быстро привыкли к полумраку.

Два блатаря щекотали большого щенка — овчарку месяцев четырех. Щенок лежал на спине, повизгивал и махал всеми четырьмя лапами. Блатарь постарше придерживал щенка за ошейник. Мой приход не смутил блатарей — мы были из одной бригады.

— Эй, ты, на улице кто есть?

— Никого нету,— ответил я.

— Ну, давай,— сказал блатарь постарше.

— Подожди, дай я поиграюсь еще маленько,— отвечал молодой.

— Ишь, как бьется.— Он ощупал теплый щенячий бок близ сердца и пощекотал щенка.

Щенок доверчиво взвизгнул и лизнул человечью руку.

— А, ты лизаться... Так не будешь лизаться. Сеня...

Семен, левой рукой удерживая щенка за ошейник, правой вытащил из-за спины топор и быстрым коротким взмахом опустил его на голову собаки. Щенок рванулся, кровь брызнула на ледяной пол «инструменталки».

— Держи его крепче,— закричал Семен, поднимая топор вторично.

— Чего его держать, не петух,— сказал молодой.

— Шкуру-то сними, пока теплая,— учил Семен.— И зарой ее в снег.

Вечером запах мясного супа не давал никому спать в бараке, пока все было съедено блатарями. Но блатарей у нас было слишком мало в бараке, чтоб съесть целого щенка. В котелке еще оставалось мясо.

Семен пальцем поманил меня.

— Забери.

— Не хочу,— сказал я.

— Ну, тогда,— Семен обвел нары глазами.— Тогда попу отдадим. Э, батя, вот прими от нас бараминки. Только котелок вымой...

Замятин явился из темноты на желтый свет коптилки-бензинки, взял котелок и исчез. Через пять минут он вернулся с вымытым котелком.

— Уже? — спросил Сеня с интересом.— Быстро ты глотаешь... Как чайка. Это, батя, не баранинка, а псина. Собачка тут к тебе ходила — «Норд» называется.

Замятин молча глядел на Семена. Потом повернулся и вышел. Вслед за ним вышел и я. Замятин стоял за дверьми на снегу. Его рвало. Лицо его в лунном свете казалось свинцовым. Липкая клейкая слюна свисала с его синих губ. Замятин вытерся рукавом и сердито посмотрел на меня.

— Вот мерзавцы,— сказал я.

— Да, конечно,— сказал Замятин.— Но мясо было вкусное. Не хуже баранины.

1959 г.

сательский подвиг. Мысли, идущей до края, не останавливающейся перед пропастью, перед бездной, и потому дающей свободную силу нам, ныне живущим и мучительно размышляющим над смыслом отечественной истории.

Эти рассказы надо читать вместе, один за одним, большой книгой. Отдельные журнальные подборки дают лишь приблизительное представление о шаламовской прозе.

Шаламов был тяжело болен и одинок последние годы жизни, получал пенсию от государства — семьдесят два рубля. Короткая оттепель не привела к лету, весна резко поворотила назад, к новым заморозкам. «Затерянный в зиме», ослепший и оглохший писатель медленно угасал в доме престарелых. В 1982 году его не стало.

В 1964 году А. И. Солженицын писал В. Т. Шаламову: «И я твердо верю, что мы доживем до дня, когда и «Колымская тетрадь», и «Колымские рассказы» тоже будут напечатаны. Я твердо в это верю! И тогда-то узнают, кто такой есть Варлам Шаламов».

Предсказание сбылось лишь наполовину. Сам автор «Колымских рассказов» не дожил до этого дня. В этом году в издательствах «Художественная литература» и «Современник» выходит наконец шаламовская проза.

новелл — прямой потомок революционеров-землевольцев — отказывается верить, что девятнадцатый век обманул его. Он находит надежду в уголовниках, которые смело противопоставляют себя государству. Какая жалкая иллюзия и какой жуткий финал ожидают его!

Девятнадцатый век предал, обманул как этого, так и сотни тысяч других русских интеллигентов, партийных и беспартийных, не отделявших демократию от социализма, совесть от общественного долга, веру в идеалы отцов от социальной практики. Но и сама интеллигенция разве не несет своей доли вины за то, что произошло с ней и с русским народом? Колыма — это ад на земле, построенный руками не одного какого-нибудь злодея или хорошо организованной шайкой государственных преступников, а, по сути, коллективной волей, железной логикой исторического безумия. Только сейчас наше общество начинает это осознавать вполне отчетливо, и в этом трезвом знании есть надежда на возрождение и реализацию бессмертной идеи подлинного народовластия, которое невозможно без постепенного восстановления и развития великой русской культуры, так безжалостно разрушенной потомками Шигалева и Петра Верховенского.

Вот о чем думаешь, читая колымские рассказы. Бесстрашие мысли — главная победа Варлама Шаламова, его писательский подвиг.

Такие личности, такие художники, как Варлам Тихонович Шаламов, рождаются крайне редко и оказывают сильное влияние на духовный, литературный климат общества. Его посмертная — настоящая жизнь в нашей культуре только начинается. И хотя сам он всегда отрицательно относился к любому проявлению моральной дидактики, нравственный урок его писательства велик и неоспорим.

Евгений СИДОРОВ

Васька Денисов, похититель свиней

Для вечерней поездки пришлось одолжить бушлат у товарища. Васькин бушлат был слишком грязен и рван — в нем нельзя было пройти по поселку и двух шагов — сразу бы сцапал любой «вольняшка».

По поселку таких, как Васька, водят только с конвоем, в рядах. Ни военные, ни штатские вольные жители не любят, чтобы по улицам поселка ходили подобные Ваське в одиночку. Они не вызывают подозрения только тогда, когда несут дрова — небольшое бревнышко, или, как здесь говорят, «палку дров» на плече.

Такая «палка» была зарыта в снегу недалеко от гаража — шестой телеграфный столб от поворота, в кювете. Это было сделано еще вчера после работы.

Сейчас знакомый шофер придержал машину, и Денисов перегнулся через борт и сполз на землю. Он сразу нашел место, где закопал бревно,— синеватый снег здесь был чуть потемнее, был примят — это было видно в начинавшихся сумерках. Васька спрыгнул в кювет и расшвырял снег ногами. Показалось бревно серое, крутобокое, как большая замороженная рыба. Васька вытащил бревно на дорогу, поставил его стоймя, постучал, чтоб сбить с бревна снег, и согнулся, подставляя плечо и приподнимая бревно руками. Бревно качнулось и легло на плечо. Васька зашагал в поселок, время от времени меняя плечо. Он был слаб и истощен — поэтому быстро согрелся, но тепло держалось недолго — как ни ощутителен был вес бревна, Васька не согревался. Сумерки сгустились белой мглой, поселок зажег все желтые электрические огни. Васька усмехнулся, довольный своим расчетом,— в белом тумане он легко доберется до цели своей незамеченным. Вот сломанная огромная лиственница, серебряный в инее пень — значит, в следующий дом.

Васька бросил бревно у крыльца, оббил рукавицами снег с валенок и постучался в квартиру. Дверь приоткрылась и пропустила Ваську. Пожилая простоволосая женщина в расстегнутом нагольном полушубке вопросительно и испуганно смотрела на Ваську.

— Дровишек вам принес,— сказал Васька, с трудом раздвигая замерзшую кожу лица в складки улыбки.— Мне бы Ивана Петровича.

Но Иван Петрович сам уже выходил, приподнимая рукой занавеску.

— Это добре,— сказал он.— Где они?

— На дворе,— сказал Васька.

— Так ты подожди, мы попилим, сейчас я оденусь.— Иван Петрович долго искал рукавицы. Они вышли на крыльцо и без козел, прижимая бревно ногами, приподнимая его, распилили. Пила была неточенная, с плохим разводом.

— После зайдешь,— сказал Иван Петрович.— Направившись. А теперь — вот колун... И потом сложишь, только не в коридоре, а прямо в квартиру тащи.

Голова у Васьки кружилась от голода, но он переколол все дрова и перетащил в квартиру.

— Ну, все,— сказала женщина, вылезая из-под занавески.— Все.

Но Васька не уходил и топтался у двери. Иван Петрович появился снова.

— Слушай,— сказал он,— хлеба у меня сейчас нет, суп тоже весь поросятам отнесли, нечего мне тебе сейчас дать. Зайдешь на той неделе...

Васька молчал и не уходил.

Иван Петрович порылся в бумажнике.

— Вот тебе три рубля. Только для тебя за такие дрова, а табачку — сам понимаешь! — табачок ныне дорог.

Васька спрятал мятую бумажку за пазуху и вышел. За три рубля он не купил бы и щепотку махорки.

Он все еще стоял на крыльце. Его тошнило от голода. Поросята съели Васькин хлеб и суп. Васька вынул зеленую бумажку, разорвал ее намелко. Клочки бумаги, подхваченные ветром, долго катились по отполированному, блестящему насту. И когда последние обрывки скрылись в белом тумане, Васька сошел с крыльца. Чуть покачиваясь от слабости, он шел, но не домой, а в глубь поселка, все шел и шел — к одноэтажным, двухэтажным, трехэтажным деревянным дворцам...

Он вошел на первое же крыльцо и дернул ручку двери. Дверь скрипнула и тяжело отошла. Васька вошел в темный коридор, слабо освещенный тусклой электрической лампочкой. Он шел мимо квартирных дверей. В конце коридора был чулан, и Васька, навалившись на дверь, открыл ее и переступил через порог. В чулане стояли мешки с луком, может быть, с солью. Васька разорвал один из мешков — крупа. В досаде он, снова разгорячаясь, налег плечом и отвалил мешок в сторону — под мешками лежали мерзлые свиные туши. Васька закричал от злости — не хватило силы оторвать от туши хоть кусок. Но дальше под мешками лежали мороженые поросята, и Васька уже больше ничего не видел. Он оторвал примерзшего поросенка и, держа его в руках, как куклу, как ребенка, пошел к выходу. Но уже из комнат выходили люди, белый жар наполнял коридор. Кто-то крикнул «стой!» и кинулся в ноги Ваське. Васька подпрыгнул, крепко держа поросенка в руках, и выбежал на улицу. За ним помчались обитатели дома. Кто-то стрелял вслед, кто-то ревел по-звериному, но Васька мчался, ничего не видя. И через несколько минут он увидел, что ноги сами его несут в единственный казенный дом, который он знал в поселке,— в Управление витаминных командировок, на одной из которых и работал Васька сборщиком стланика.

Погоня была близка. Васька взбежал на крыльцо, оттолкнул дежурного и помчался по коридору. Толпа преследователей грохотала сзади. Васька кинулся в кабинет заведующего культурной работой и выскочил в другую дверь — в красный уголок. Дальше бежать было некуда. Васька сейчас только увидел, что потерял шапку. Мерзлый поросенок все еще был в его руках. Васька положил поросенка на пол, своротил массивные скамейки и заложил ими дверь. Кафедру-трибуну он подтащил туда же. Кто-то потряс дверь, и наступила тишина.

Тогда Васька сел на пол, взял в обе руки поросенка, сырого, мороженого поросенка и грыз, грыз...

Когда вызван был отряд стрелков, и двери были открыты, и баррикада разобрана, Васька успел съесть половину поросенка...

1958 г.

Публикация И. СИРОТИНСКОЙ

Рядовой Александр Гладышев.

**Александр БОЛОТИН,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Границу надо выстрадать, тогда она останется в тебе навсегда. Сегодня повод сверить биение сердца с частотой биения ее пульса.

Граница — особое понятие. Гаденькое, поганенькое чувство настороженности, недоверия, подозрительности, как правило, рожденное страхом и высокопарно именуемое иногда по привычке повышенной бдительностью, ничего не имеет общего с высоким человеческим предназначением ощутить себя впереди, в первом окопе, на самом переднем фланге, когда приходит сознание личной ответственности за тех, кто у тебя за спиной, тех, кого ты надежно прикрыл и защитил. Состояние границы — это твоя боль и неудовлетворенность, твое беспокойство ради спокойствия других.

Каюсь, довлело известное предубеждение, когда однажды в канун профессионального праздника Политическое управление пограничных войск КГБ организовало поездку журналистов на северо-запад страны, в одну из образцовых застав Краснознаменного пограничного отряда имени С. М. Кирова, расположенного в городе Выборге (кому придет в голову показывать не образцовую), а если так, то, естественно, думалось: не на сеанс ли показного благополучия получено приглашение? Увы, тривиальное понятие «показуха» берет свое происхождение от глагола «показать». Думаю, не

СПОКОЙС

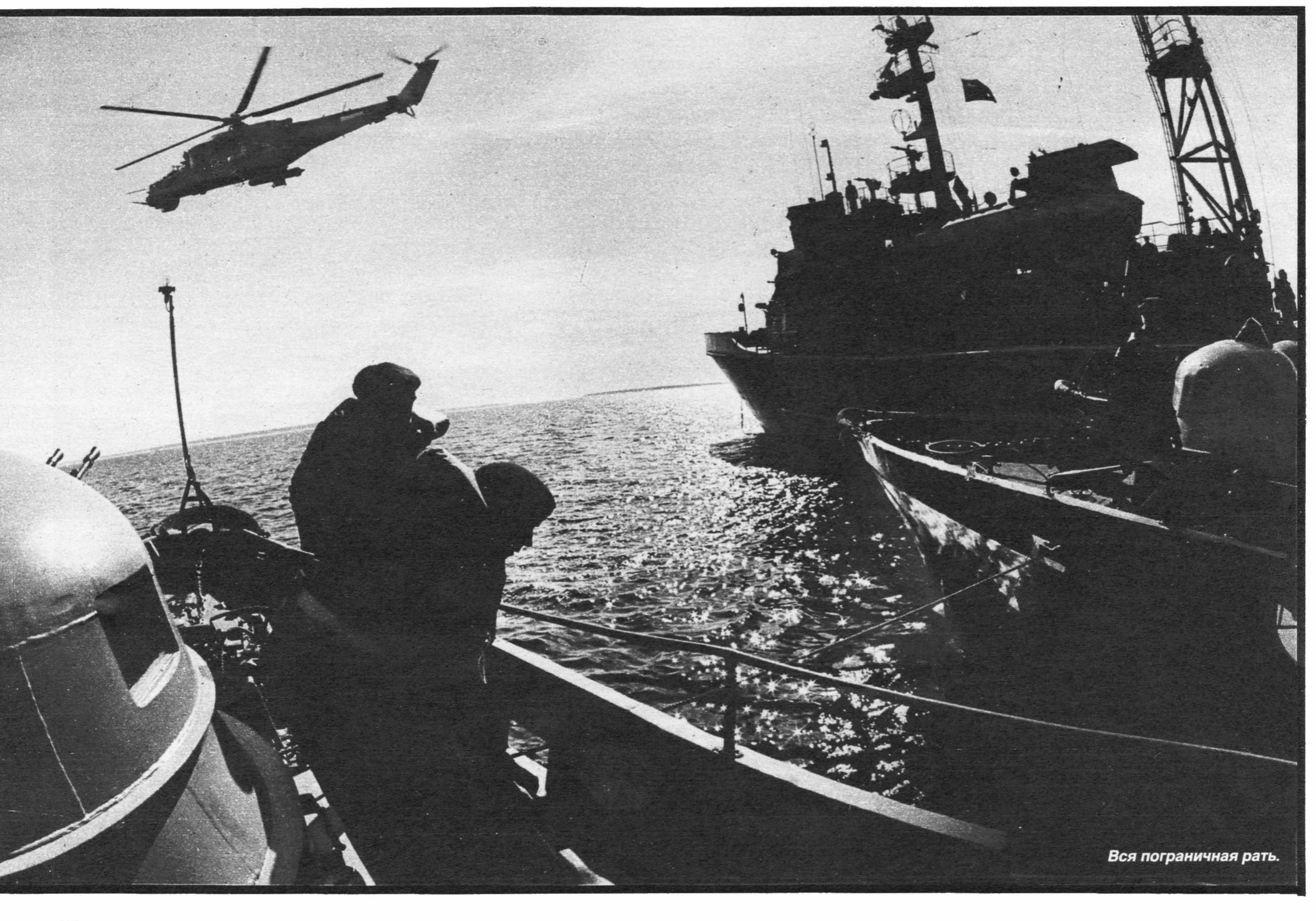

Тяжело в учении...

В роли нарушителя.

За спиной — Родина!

...твие, только спокойствие

я один был так настроен, когда десант, насчитывающий несколько десятков пишущих, фотографирующих, снимающих на кинопленку, за какой-то час был переброшен на самолете пограничной авиации из Москвы в самый центр Карельского перешейка, к берегам, омываемым Финским заливом и Ладожским озером, где в окружении лесных озер дремлют гранитные валуны и простираются болотные топи.
К счастью, предположение не подтвердилось. Было мало оркестров — было много оружия. Конечно, если считать, что оружие пограничника не только пулемет и граната.
Средневековый Выборг — «дверь» на советскую землю со стороны Финляндии. Ежегодно через эту дверь «проходит» полтора миллиона иностранных граждан, представляющих 126 стран мира. Естественно, в этом огромном потоке легко затеряться недругу. Оружие пограничника — цепкость взгляда, профессионализм, позволяющий по одним, известным только ему приметам безошибочно выявить враждебно настроенного лазутчика или искусно замаскированный тайник контрабандиста. Как тонкий хозяин дома, он приветлив и вежлив с гостями и так же тактично, но непреклонно умеет показать на дверь тому, кто решил злоупотребить гостеприимством.
А вот и застава, носящая имя коменданта пограничного участка старшего политрука А. Гарькавого, павшего смертью храбрых в дни тяжелых оборонительных боев на правом берегу Невы осенью 1941 года. Здесь совсем иные аккорды...
Музыка заставы — это зуммер тревоги, клацание затворов, хриплый лай розыскной собаки, гулкий топот сапог и ботинок по дощатым полам казармы, свистящее шипение вспарывающей ночной мрак ракеты. Пограничники работают на страну — страна работает на пограничников. У этих парней в пятнистом, под цвет местности, обмундировании все под рукой для возможной схватки с врагом. Нам, штатским, и невдомек, что есть приборы, позволяющие услышать шаги на расстоянии многих километров, так же далеко сквозь ночную тьму увидеть цель. Удобные, облегченные автоматы созданы оборонной промышленностью для многих родов войск, в том числе и для пограничников. Гостям показывают грозный пулемет, различную боевую технику... Несколько лет — и вооружение полностью заменяется на более новое, современное.
В окуляры прибора хорошо видна желтая пограничная вышка по ту сторону границы, за рекой Вуоксой густо дымит завод, расположенный на территории Финляндии.
Сегодняшний пограничник — политик. Он обязан хорошо знать сопредельное государство — его политический строй, основные отрасли промышленности, структуру вооруженных сил. С Финляндией у нас в общем-то добрососедские отношения, но кто поручится, что относительное спокойствие на границе не захотят использовать в своих целях недоброжелатели из «третьих» стран.
У всех на слуху здесь очень точные слова: «Самое опасное — это недооценивать противника и успокаиваться на том, что мы сильнее...» Шоковый удар от печально известного демарша Руста еще не прошел, к чести пограничников, хотя их прямой вины нет, они остро переживают случившееся, как, впрочем, и все мы, годами копившие в себе арсеналы беспечности и легкомыслия. Настал момент, когда пришлось за это жестоко расплачиваться.
Говорят, что граница сильна традициями. Одна из них передается из поколения в поколение. «Границу СССР охраняет весь народ» — это не лозунг, это естественная необходимость: в пограничной зоне каждый житель чувствует себя солдатом, каждый собран и внимателен, у каждого хорошее зрение... В шеренге воинов в зеленых фуражках мы видим сугубо гражданских людей — энергетика, слесаря-ремонтника, механика с местных предприятий. Представители мирных профессий, они имеют на своем счету несколько задержаний нарушителей.
Застава имени А. Гарькавого — одна из многих в Краснознаменном Северо-Западном пограничном округе. Не мне судить, образцовая она или самая что ни есть рядовая... Могу засвидетельствовать только одно: порядок здесь железный, уровень надежности высокий. Похоже, это мнение разделяют профессионалы. 78-летний полковник в отставке Герой Советского Союза легендарный Никита Федорович Карацюпа, принимавший участие в нашей поездке, благожелательно улыбается: «Хорошо хлопцы несут службу — грамотно и усердно».
...Потом на быстрых пограничных катерах мы выходим в море. Стоит и сейчас закрыть глаза, как невольно ощущаешь на лице бронзовую упругость набирающих силу солнечных лучей и пока еще ледяное дыхание балтийской зыби. С палубы сторожевого корабля «Карелия» наблюдаем учебный перехват «нарушителя» на акватории Финского залива, атаку глубинными бомбами «зашедшей» в наши воды подводной лодки. Как много самых разнообразных и необычных впечатлений вместил тот погожий, солнечный день.
Весна струится в сердце каждого пограничника, она шагает по параллелям и меридианам, добираясь до самых отдаленных застав. Это весна обновленного творческого мышления, весна наших надежд, весна настроя на разумные и добрые дела. «Работы у нас непочатый край,— говорит, энергично потирая руки, генерал Георгий Куц, член Военного совета, начальник политотдела округа.— Нынешняя обстановка в стране заставила увидеть нашу привычную службу под совершенно иным углом зрения. Меньше слов — больше дела. Изживаем пустые, казенные, ничего не дающие ни уму, ни сердцу мероприятия, освобождаемся от ретроградов и солдафонов, которых еще немало в наших рядах. Каждый пограничник должен осознать: за его спиной трудится, решает свои проблемы большая Советская страна. Его каждодневный ратный подвиг — ради спокойствия людей. Спокойствие, но не самоуспокоенность — вот формула, по которой сегодня живет и работает Граница.

Вся пограничная рать.

Александр МИНКИН,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

СТАЛИНСКИЙ БОЛЬШОЙ ТЕРРОР, ЕЖОВЩИНА — СЛЕДОВАТЕЛИ, ПЫТКИ, ТЮРЬМЫ, ЛАГЕРЯ — ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ. ОБ ЭТОМ КНИГА «КРУТОЙ МАРШРУТ» ЕВГЕНИИ ГИНЗБУРГ. ОБ ЭТОМ СПЕКТАКЛЬ «КРУТОЙ МАРШРУТ» В ТЕАТРЕ «СОВРЕМЕННИК».

КРУТОЙ МАРШРУТ

В 1975-м главный режиссер театра Галина Волчек поставила «Эшелон» М. Рощина — показала женщин-беженок — жертв войны Гитлера против нашего народа. Сегодня на этой сцене женщины-арестантки — жертвы войны Сталина против собственного народа.

Я жалею, что не написал рецензию сразу же после премьеры. Рецензия была бы восторженная.

Я написал бы, как всю жизнь испытывал тяжелую неприязнь к спектаклям «на тему» — к юбилею, к съезду... Неприязнь к тому, что не рождалось на сцене — изнутри, от художника,— а навязывалось извне, от власти. Название — «конъюнктура».

Теперь диктат власти уменьшился, но резко возрос диктат рынка. Теперь не министерство, а обывательский спрос диктует репертуарную политику. Повсюду спектакли и фильмы о проституции, мафии, наркомании и — о лагерях. Название — «конъюнктура».

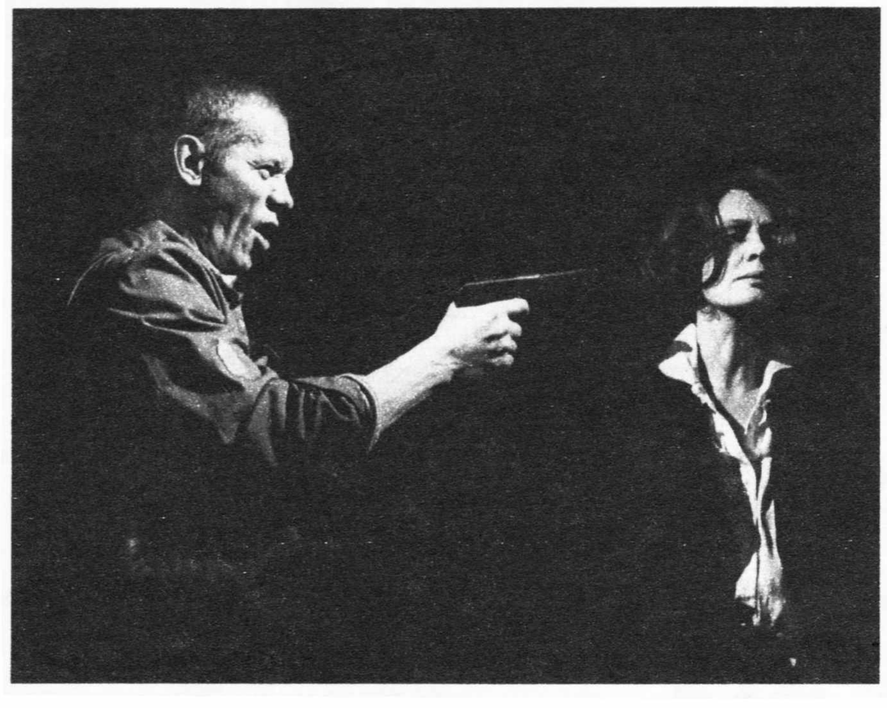
«Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?..»

Прав Пушкин — и то, и другое равно чуждо искусству.

На премьеру в «Современник» я шел, как на плаху — вот еще один театр «откликнулся» на лагерную тему. Шел и думал: художник, рисуй, а не откликайся! театр, играй, а не откликайся!

С таким мощным предубеждением прийти в театр и... Какие сильные сцены! Какое разнообразие женских типов! Давнее знакомство с самиздатскими листочками, недавно возобновленное в открытой печати, не мешало смотреть на сцену с интересом. Что произойдет, я знал. Как это происходит — видел впервые. Недаром в консультантах режиссера Галины Волчек были старые зечки Зоя Марченко (тюрьмы, лагеря, ссылки с 1925-го по 1956 год), Надежда Иоффе (сроки с 1929-го по 1956-й), Паулина Мясникова (сроки с 1927-го по 1956-й).

Огромная роль Марины Нееловой, сыгравшей и жертву, и летописца террора! Потрясающие эпизоды Лии Ахеджаковой!.. Ахеджакова играет неграмотную татарку: вчера — всесильная жена самого большого начальника Казани (первая леди местного масштаба), сегодня — арестантка, жена врага народа. Сперва она не хочет даже разговаривать с сокамерницами. Они враги, а она по ошибке. Но вот ее увели на допрос, а потом приволокли с допроса избитую, изуродованную, тронувшуюся...

В камере русские, еврейки, татарки, польская актриса, немки-коминтерновки. Боль, ужас, отчаяние. И вдруг — радость? Ежова сняли! Они ликуют! Они кричат:

— Берия! Какое у него интеллигентное лицо!

— Какие тонкие черты! Пенсне!

— Уж он-то наведет порядок!

— Да здравствует товарищ Берия! Ура!

Они счастливы, они уже чувствуют себя на свободе, они уже поют: «Кипучая! Могучая! Никем не победимая!..» Они уже забыли оскорбления и пытки. Забыли погибших подруг и погибших мужей. Забыли предателей, доносчиков, палачей. Они верят в торжество идей коммунизма, в светлое будущее одной, отдельно взятой страны. Они — партийки и комсомолки — опять полны энтузиазма.

Проклятый энтузиазм! Ослепивший целое поколение горожан (в деревне смертельная нищета была очевидна, энтузиазма не было).

Они поют, они маршируют — сверкающие глаза, сияющие улыбки! И — гениальная деталь: в шеренге ликующих — одно скорбное лицо, в шеренге поющих — один горько сжатый рот. Она в их строю, но она не с ними. Ахеджакова! Безграмотная баба ничего не забыла и ничему больше не верит. И правильно делает.

Сильный спектакль. Но прошло время, и восторги сменились угрюмыми мыслями. Миллионы зеков надо было выслеживать, арестовывать, допрашивать, гонять по этапу, стеречь, стрелять за шаг в сторону, разбивать мертвецам голову молотком... Если не миллионы, то уж наверняка сотни тысяч зарабатывали на жизнь борьбой с «врагами народа». Сотни тысяч! Как же быстро, как ужасающе быстро удалось сыскать такую армию. Вот уж где мы перекрыли показатели 1913 года. Не только по страдальцам, но и по палачам. Да взберись на трон сам Сатана со своими присными — ничего бы не сумели они без неисчислимого (и никто не торопится исчислять) сонма бесов — простых исполнителей. Как тонка, как ничтожна оболочка морали, если власть нигде и никогда не испытывала недостатка в палачах!

Ссылаются на приказ. Мне, мол, приказывали — я исполнял. На это ответили международные трибуналы: выполнять преступный приказ — преступление. И срока давности нет. Но и без юристов ясно: исполнители были не глупы. «Бездумный исполнитель» — удобная, но неверная, бездумная формула. О себе они, эти исполнители, думали. И, убивая других, свою шкуру очень берегли.

Призывая «всех поименно назвать», хотим уяснить себе и миру масштаб национальной трагедии. Желая всех назвать с «той», с карательной стороны, представляем ли себе масштабы национального позора?

Конечно, не один Корифей. Конечно, не только железные наркомы. Конечно, не только республиканские, городские, районные начальники органов... А вохра? Та, которая стерегла, била, ловила, стреляла? Они бездумные исполнители? По приказу? Лишь на днях я узнал от сотрудников Музея внутренних войск (есть у нас и такой), что охрана лагерей была не армейская, а вольнонаемная. По собственной воле. Не по приказу. За оклад жалованья, за паек.

Энтузиасты идеи? О, нет. Фанатиков, верящих, что строят светлое будущее, загоняя иголки под ногти старикам, избивая ногами беременных женщин, расстреливая детей,— таких фанатиков мало. Единицы. А вот сотни тысяч. Сотни тысяч крестьянских и рабочих парней, что вчера с ужасом отвергли бы мысль о палачестве, а сегодня без сопротивления стали вохрой...

И еще. Смогут ли сегодня жены партработников, оказавшись — упаси Бог — в камере, день за днем читать друг другу стихи наизусть?

И еще. Что осталось бы от Франции, от Англии, от европейской цивилизации, если бы там был «снят» такой слой писателей, ученых, лучших крестьян?..

ГИМН ЗАБОРУ

КЛИНИЧЕСКАЯ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ
БОЛЬНИЦА №8
ИМ. СОЛОВЬЁВА —
КЛИНИКА
НЕВРОЗОВ

Андрей МАКАРЕВИЧ

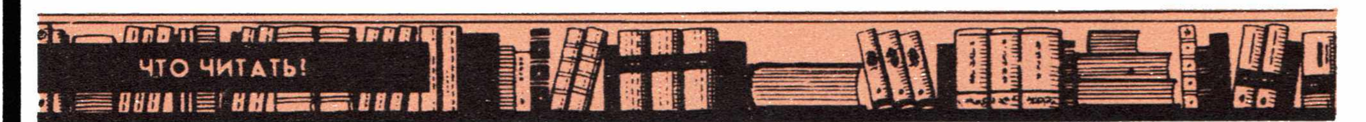
Душой и сердцем я горю —
Забору славу я пою,
Который стойкостью своей
Являет нам пример,
Который крепок и силен,
Который верен, словно слон,
Надежен, словно милиционер.

Снимите шляпу с головы:
Перед забором все равны,
И если дверь найдете в нем —
Заприте на запор!
И днем, и ночью, в час любой,
Храня священный наш покой,
Стоит Его Величество Забор.

Забор спасет от разных бед,
Он на любой вопрос — ответ,
Он вечно делит все на две
Различных стороны,
И если мы протянем в ряд
Заборы, что кругом стоят,
Они легко достанут до луны.

Забор всегда непобедим,
Сердца трепещут перед ним,
Он — наша слава и позор
Векам наперекор,
И если хочешь на земле
Оставить память о себе,
Тогда построй еще один забор...

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

У КОГО ЧТО БОЛИТ

Татьяна **ИВАНОВА**

Ответственно заявляю — культура дискуссий у нас значительно возросла.

Не верите? Тогда подключаем к восприятию прочитанного и пережитого чувство сравнения (какое оно по счету среди человеческих чувств? восьмое? десятое?). Открываем первый номер журнала «Театр» и, единым духом пережив пьесу Варлама Шаламова «Анна Ивановна» (оказывается, не только поэтом и прозаиком, но и драматургом был он прекрасным...), обратимся к продолжению документального повествования Александра Борщаговского «Записки баловня судьбы».

«Пигмей Юзовский посягал на титана Горького, пытался извратить его творчество в своих клеветнических книжонках» — вот образчик полемики, заимствованный из «Литературной газеты» 1949 года. «Диверсант от театральной критики, литературный подонок Борщаговский,— говорил на писательском собрании в Центральном Доме литераторов А. Софронов 18 февраля 1949 года,— долгое время наносил вред советскому искусству и драматургии. Разбойник пера, подвизавшийся во многих литературных, театральных организациях, был членом редколлегии журнала «Новый мир», заведовал литературной частью Центрального театра Красной Армии».

Вот так с ними, «безродными космополитами», разговаривали коллеги-писатели... Они, по слову Борщаговского, «мечтали единственно о расправе, о костоломстве, о превращении в «лагерную пыль» всех, кто не преклонил коленей перед их сочинениями».

Теперь Борщаговский кается (а вы думали Софронов?). «И поделом мне... Если я и заслуживал наказания, то не за клеветы — их не было! — не за «оплевывание», «шельмование», «травлю» и так далее, а за ничтожные потуги всерьез, «аналитически», вслух размышлять о суррогатах, мимо которых серьезная, уважающая себя критика пройдет молча».

Прочесть произведение Борщаговского очень полезно. Потому что «погромы критики — явление закономерное». Сполна переживший один из этих погромов, автор считает, что они неизбежно случаются при следующих обстоятельствах: «по мере умножения услужающей посредственности становится недостаточно создавать нестерпимые условия для существования высокой и честной литературы», в этом случае возникает потребность «непременно взнуздать, образумить критику». Дело обыкновенно не может замкнуться на театральной или, к примеру, литературной критике. «К ногтю» прибирают любое критическое перо — от столичных знаменитостей до безвестных рецензентов из районных газет, недохваливших местных корифеев архитектуры, музыки, живописи...

Но не только затем, чтобы из прошлого извлечь урок для настоящего, советую прочесть «Записки баловня судьбы». И не за одним тем, чтобы убедиться: лексика помягчала. Не лексикой единой живы наши «дискуссии». «Санкционировать выселение в административном порядке гр-на Борщаговского А. М. с проживающими с ним лицами из квартиры № 13»... Вот видите, товарищи читатели, к чему приводила критиков их многогрешная писанина. Посягнул критик на величие Софронова, Сурова, Ромашова — убирайся из квартиры вместе с матерью и двумя маленькими дочками. Да благодари судьбу, что остался на воле.

Сейчас все, конечно, куда культурнее...

Так что прогресс налицо!

Не закрывайте первый номер «Невы», пока не прочтете «Пятый угол» — повесть И. Меттера... Пожилой человек осмысливает в ней собственную жизнь... Если как ключ к этому осмыслению взять такой, например, кусочек: «Молодым людям проще — они идут налегке, не обремененные соучастием. Я говорю о соучастии не криминальном. Молекулярный уровень анализа позволяет мне рассматривать соучастие даже в мыслях. «Это было при мне, и я был с этим согласен» — вот что я имею в виду. Вот тот пункт, подле которого замедляется шаг, когда мы бредем назад, в собственную жизнь. Подле этого пункта мы занимаем круговую оборону и отстреливаемся до предпоследнего патрона, потому что последний бережем для себя»...

Когда будете читать «Пятый угол», вспоминайте, что это написал тот самый Меттер, который на собрании, где клеймили позором Зощенко, решился аплодировать уничтожаемому. Вы читали об этом у Гранина, читали и саму речь. Одиноко, заметно прозвучали тогда в писательском зале аплодисменты И. Меттера...

Не пропустите короткий, всего два с половиной листочка, рассказ М. И. Стеблина-Каменского «Дракон». Надеюсь, мы с вами одинаково понимаем, что всякое знакомство с талантливым соотечественником не только расширяет наш кругозор, но и укрепляет уверенность в лучших качествах своего народа. Надеюсь, бедным критикам из некоторых журналов-заединщиков не удалось нам внушить, что знакомства подобного рода — сплошное зло, пагуба и расшатывание основ... Почему я сказала про критиков «бедные»? Потому что многих из них мне очень жаль. Конечно, там публикуются и люди, живущие в полном ладу со своей совестью, искренне считающие, что «Вечный зов» интереснее, чем «Жизнь и судьба»... Но есть и хорошо образованные люди, начитанные, грамотные филологи. Понимаете, не может знаток, ценитель и публикатор Бунина высоко оценивать, например, роман «Порог любви». Не может. Он, кстати, и не оценивает. Он «Порог любви» скорее всего вообще не читает. Но создает произведение, где рассуждает о романе вообще, о русском романе в частности, вспоминает лучшие романы — и равномерно, не слишком часто вставляет то имя Проскурина, то название «Порог любви». И получается, что знаток Бунина хвалит роман Проскурина.

Понимаете, не может знаток Тютчева и Баратынского громить Бродского. Может не любить, не принимать поэтику, но громить не может: потому что понимает, отличает поэзию от непоэзии. А Бродский — поэт. Но, повинуясь каким-то иным, очень далеким от литературы, от поэзии, от истины, благородства, совсем иным зовам, эти бедные люди, выросшие с книгами, среди книг и прекрасно отличающие хорошее от плохого, притворяются, изощряются, лгут. И все «развенчивают», «развенчивают» «новоявленных гениев», все хотят доказать, что без них лучше, что от них один вред, что плохо они пишут, нехудожественно.

Такая из их странных сочинений вычитывается идея, можно сказать, генеральная: чем меньше в отечественной литературе гениев и талантов, тем для литературы лучше и для народа полезнее, а кто новых гениев открывает и им рукоплещет, тот непатриот. На чем же держится это «заединство»? На невежестве и дурном вкусе, на малой образованности? А какие же нити прикрепляют к тройственному союзу знатоков Бунина и Тютчева?

Многие считают, что наиболее прочная из связующих нитей — недоверие к инородцам. В ноябрьском номере журнала «Радуга», например (благодарю корреспондента, приславшего мне этот номер,— я не подписчик журнала), публикуются материалы чтений «Этнография Петербурга-Ленинграда», проводимых Институтом этнографии АН СССР. Говоря о «скрытых формах антисемитизма в обществе», докладчик сказал: «Следует назвать... поток, который питал и питает антисемитизм... Он идет от писателей, журналистов, публицистов, группировавшихся с шестидесятых годов и до сегодняшнего дня вокруг «Молодой гвардии», а теперь также и вокруг «Нашего современника». Выспренние фразы о патриотизме, русском духе, почве и народности сопровождаются нетерпимостью, шовинизмом, более или менее замаскированным антисемитизмом».

(Отступление. «Радуга» — ежемесячник ЦК ЛКСМ и Союза писателей Эстонии. Тираж номера, на который я ссылаюсь, всего семь тысяч экземпляров, по теперешним временам библиографическая редкость. Одновременно ежемесячник с таким же названием выходит как орган Союза писателей Украины. Словарь беден, что ли?)

Оспаривать утверждение специалистов-этнографов о «шовинизме» и более или менее «замаскированном антисемитизме» — дело вполне бессмысленное. Потому что «Наш современник» простодушно подбирает в антигерои людей с нерусскими фамилиями, когда, например, хочет доказать, что не Сталин и не сталинизм виноваты в массовых репрессиях. При этом журнал даже не утруждает себя таким элементарным вопросом: могли ли хватить всех евреев мира, если бы все они только тем и занимались, чтобы не только создать и отладить, но и заставить бесперебойно функционировать в течение многих десятилетий систему ГУЛАГа...

Была бы у руководителя сельского наркомата русская фамилия, не было бы голода 1933 года... Он, оказывается, не Яковлев, а Эпштейн! Ах, Эпштейн!.. Ну, тогда все ясно. Может ли Эпштейн не вредить русскому народу?!

Даже самые умные и образованные из заединщиков играют в эту игру: выявляют Эпштейна. Зачем? Разве у такого занятия может быть гуманная цель? Почему отказывают и разум, и образованность, и начитанность, когда перо начинает блудить по таким позорным тропам? Позорным не только потому, что позорен шовинизм для интеллигента, хотя эта причина и сама по себе вполне уважительна. Позорным — потому, что хуже водки, страшнее вранья и лицемерия шовинизм дурит головы, льстя русским, развращая иллюзией, что зло очень близко, легко распознаваемо и не в нас, а в них, в инородцах. Позорным потому, что хуже водки, лицемерия и вранья национализм отвлекает нас от мыслей о реальных причинах и носителях зла, разумеется, общих для русских, эстонцев, евреев, грузин, чукчей, татар, ингушей и прочих советских народов,— отвлекает, избавляя от необходимости всматриваться в самих себя, спрашивать с себя, пытаться усовершенствовать себя. Отвлекает от необходимости читать трудное и думать над трудным — над статьей Н. Шмеле-

ва «Либо сила, либо рубль», над статьей Ю. Черниченко «Кто виноват, или Что делать» (обе опубликованы в первом номере «Знамени»).

Я не о том, что статьи эти трудно написаны,— нет, они написаны превосходно. Но думать заставляют о реальном, заставляют определиться, выявить собственное отношение ко всему происходящему, заставляют во имя перестройки идти на поступки, на ответственные решения. Подталкивают к новому мышлению. А человеку, в особенности усталому, свойственно не хотеть усилий, стремиться избежать их. Стремиться к усилиям заставляют совесть, воля, честь... А без этих качеств антисемитизм человеку куда как будет мил. Потому что в таком случае все мы чем должны заниматься, чтобы «спасать Россию»? Кто вверг нашу страну в преждевременную революцию, не дав ей естественно развиваться? Кто устроил голод, репрессии, саму гражданскую войну, расказачивание, раскрестьянивание? Кто хочет повернуть вспять наши реки? Кто убил нашего Пушкина? Чье иго было страшнее татаро-монгольского? Ух, злодеи!

Думаете, я цитирую прокламации общества «Память»? Нет. Я привожу квинтэссенции из гуманитарных и ученых статей, опубликованных гуманитарными, учеными людьми, нашими коллегами из журналов, сплоченных «заединством». Да еще прибавила сюда статью из недавно обретенного заединщиками альманаха — из «Кубани», где теперь регулярны публикации о вреде евреев для нашего общества. В одиннадцатом номере за прошлый год, например, можно почитать не только про «небезызвестную Коллонтай» и ее масонские штучки, но и про события пятого года, имевшие для нашей родины самые серьезные последствия. Но не те, что вы думаете. «Кубань» тоже зовет нас к «новому мышлению», только на иной лад.

Итак, обратимся к 1905 году, когда «особо опасный характер приняли волнения в Одессе, где к рабочим лозунгам примешивались и национально-религиозные, сионистско-масонские». Войдем в положение «взбешенного царя», до тех пор во всем поощрявшего Одесскую общину. Ясно же, что такие лозунги взбесят кого хочешь, потому царь и «приказал ввести в город и прилегающий округ с «особыми полномочиями» именно казачью дивизию». Стоит ли удивляться, что «волнения были подавлены с кровью»? «Но в дальнейшем эти сугубо местные события,— элегически повествует автор, не находящий в своей писательской душе тени сомнения в связи с тем, что слова «подавлены с кровью» и «сугубо местные события» стоят в опасной, в непозволительной близости; впрочем, это еще что в сравнении с дальнейшими рассуждениями,— эти сугубо местные события приобрели несоразмерно громкий резонанс как в рабочей печати, так и в литературе». Интересно было бы узнать, сугубо местное пролитие крови казачьей дивизией, наделенной особыми полномочиями, по мнению писателя (выразителя народной совести и воплотителя народной нравственности, как нам все время внушают), какую реакцию должно было вызвать у печати и литературы?..

Впрочем, и это «еще что». Не угодно ли узнать, почему печать и литература так несоразмерно отреагировали на пролитие казачьей дивизией крови во время подавления волнений? А потому, что «после Октябрьского переворота (именно так — не революции, а переворота) весь высший агитационно-пропагандистский эшелон Советов составили выходцы из Одессы».

А вы говорите «Память»... Да «Память»-то только повторяет за нашими заединщиками.

Ставшая в их строй многотиражная газета «Московский литератор» оповестила о создании «Товарищества русских художников», опубликовала его Обращение и рабочие программы: «Братья по духу и соратники!..», «Великое историческое Отечество», «Соотечественники!..», «За нами стоят дела и подвиги великих предков, сумевших объединить в единое народное государство земли от Балтики и до Тихого океана...», «Собравшись в решающее для судьбы России время...», «Превращение родного Отечества в систему зависимых от прочих великих держав мелких государств...», «Слишком дорогой ценой заплачено нашими предками за создание государственной твердыни, во все времена носившей гордое имя — Россия и Советский Союз!»

Вот такая лексика, такая поэтика.

Множество проблем более чем существенно сегодня для русского народа. Экологические проблемы трагичны, положение деревни в самом центре России бедственно. Низка рождаемость, высока смертность, рушатся памятники культуры. Слишком много пьянства, лени, халтуры, нежелания работать... Что говорить!

Но верно ведь и то, что именно наш язык обязателен для изучения во всех республиках страны. И слово «перестройка», как и слово «гласность», звучит для всех по-русски, и на русском языке программа «Время» рассказывает всей стране то о событиях в Сумгаите, то о событиях в Прибалтике, то о землетрясении в Армении, то о кровопролитии в Грузии...

Русским ли художникам в дни, когда так болезненно звучат национальные проблемы в других республиках, вместо слова «братство» восклицать о русофобии? Русским ли людям, «сумевшим объединить в единое народное государство земли от Балтики и до Тихого океана», в момент, когда в разных концах этих «земель» вспоминают обиды, вместо того чтобы всех стараться помирить и успокоить, подливать в огонь свое масло? Это перед превратившейся в кровавую рану Арменией мы решили так отдаться собственным проблемам? Ведь эти «земли» от Балтики до Тихого океана населены людьми — представителями разных национальностей. Не сомневаюсь, что они с готовностью будут защищать Советский Союз от любых напастей, но в том, что они не только с восхищением и благодарностью вспоминают наших предков и моменты «присоединения», сомневаться нет оснований. Моменты бывали разные. И не во все времена наша страна называлась «Советский Союз».

Не знаю, существует ли для перестройки большая преграда и опасность, чем националистические, шовинистские идеи. Ибо не существует идей, которые основательнее, решительнее националистических работали бы на разобщенность, на разъединение. Приверженцы этих идей живут, как бездетные. Словосочетание «живут, как бездетные» заимствовано мною из славной повести Владимира Пшеничникова «Лопуховские мужские игры», опубликованной в последнем номере «Нового мира» за прошлый год. Это «новая деревенская проза» — так я бы определила. Было немножко удивительно, что в предисловии к публикации говорится: «В глубинке... московские-ленинградские споры-разговоры совсем не слышны». По-моему, как раз все там слышно. И повесть была мне интересна именно и в первую очередь тем, что показала, насколько мы близки сегодня — деревенские и городские жители,— как схожи наши надежды, печали, радости. « — Вот так мы воспитываем молодежь,— проговорил Чилигин печально.— Кого тут винить? — Винить некого,— согласился посетитель.— Не мериканцы их испортили, да...»

С большим удовольствием я почитала бы Владимира Пшеничникова еще. Что там, в его письменном столе, дома, в селе Курманаевка Оренбургской области?

А прочли ли вы стихи Ивана Елагина в том же номере? «Еще жив человек, расстрелявший отца моего летом в Киеве, в тридцать восьмом. Вероятно, на пенсию вышел. Живет на покое и дело привычное бросил. Ну, а если он умер, наверное, жив человек, что перед самым расстрелом толстою проволокой закручивал руки отцу моему за спиной. Верно, тоже на пенсию вышел. А если он умер, то, наверное, жив человек, что пытал на допросах отца. Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел. Может быть, конвоир еще жив, что отца выводил на расстрел. Если бы я захотел, я на родину мог бы вернуться. Я слышал, что все эти люди простили меня».

Но вернемся к нашему разговору. Так вот, люди, подверженные националистическим идеям, живут, как бездетные, не слишком заботясь о будущем своего дома.

«Мир через полвека» — так называется статья академика Андрея Сахарова в журнале «Вопросы философии» № 1. (Стопа журналов на моем столе сейчас, когда я пишу этот обзор, с трудом удерживается в вертикальном положении — очень велика. И очень много в журналах интересного. Но этот первый номер журнала «Вопросы философии», быть может, лучше всех.

Если из других журналов я сохраню и отдам в переплет одну, две, три публикации, то этот номер сохраню целиком. Его надо читать долго, не спеша, многое захочется перечитать, и не по одному разу... Нашелся, наконец, журнал, который думает вместе с нами, в чем смысл жизни, размышляет о жизни и смерти, о добре и зле... Да как! На такую глубину проникая, на такие поднимаясь высоты! Долго пришлось нам ждать, пока заговорят наши философы. Но они заговорили, и теперь ясно, что не только дельными экономистами, не только умными юристами, талантливыми публицистами, великими писателями и поэтами, прекрасными художниками, кинематографистами и музыкантами, но и настоящими мыслителями мы богаты. Наконец они заговорили — и теперь ясно, что журнал «Вопросы философии» сделается одним из любимых журналов, потому что мы хотим овладевать новым мышлением, а так, как философы, нам тут никто помочь не сумеет. Откройте номер хоть на статье Н. Н. Трубникова «Притча о Белом Ките» — вы поймете все мои восторги. Вам будет ясно, что публикации такого уровня ума, глубины, свободы и культуры мысли случайными не бывают.)

Статья Сахарова была бы похожа на фантастическое эссе, если бы не представляла собой плод работы жесткого, абсолютно реалистического ума, если бы не являла собой строгий прогноз великого ученого. Здесь есть и летающие города, и Луна, втянутая в «орбиту земледелия». Здесь есть «аккумуляторная повозка на шагающих «ногах», не нарушающих травяного покрова и не требующих асфальтовых дорог», и «всемирная информационная система»... И есть здесь книга, личная библиотека, несущие в себе результат личного, индивидуального выбора. Именно потому, что книги и личные библиотеки несут на себе печать личного выбора, а еще в силу их «красоты и традиционности в хорошем смысле этого слова», они сохранятся, по мнению ученого, навсегда. «Общение с искусством и книгой навсегда останется праздником»,— пишет Сахаров.

...Вы, конечно, уже отсмеялись над романом-анекдотом Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» в «Юности»? Люди смеются, читая в метро, в электричках... Какой это радостный факт, какой повод для оптимизма: смеемся и расстаемся с прошлым. Но, может быть, вы пропустили совсем не такую смешную повесть Войновича? Она называется «Путем взаимной переписки» и опубликована в первом номере «Дружбы народов». Я не предлагаю записать ее в шедевры, однако не сомневаюсь, что это добротное, хорошее чтение, это настоящая литература, ей стоит обрадоваться.

Как стоит обрадоваться публикации повести «Красное дерево» Бориса Пильняка в том же номере «Дружбы», приветствовать «Лето господне» И. С. Шмелева в «Волге», поздравить друг друга с повестью Александра Куприна «Купол св. Исаакия Далматского» в десятом номере «Нёмана»... Все это русская литература, все это наше несметное богатство.

Рассуждая по-прежнему, конечно, нельзя смеяться над такими величественными учреждениями, над которыми хохочет Войнович,— перед ними можно только благоговеть и трепетать. И надо бы его спросить, где это он видел таких чудовищ среди наших советских женщин-тружениц, каковое чудовище и описано в «Путем взаимной переписки». И незачем было бы публиковать И. С. Шмелева, явно идеализирующего былую жизнь. И уж конечно, нечего делать на наших страницах Пильняку, а тем более Куприну... Забавно об этом думать, но я не сомневаюсь, что скоро у нас с вами будет возможность прочесть в периодике статьи обо всех этих публикациях как раз и именно с этими мыслями в центре. Неминуемо. Мы с вами даже знаем, какие нужно открывать журналы, чтобы найти эти статьи, мы даже заранее можем назвать фамилии критиков, которые вдохновятся на сии гуманитарные подвиги.

Мы можем даже предсказать, что слов типа «оплевывание», «очернение» в этих статьях не будет. А нам будут доказывать, что все это «маловысокохудожественно». Как неутомимо доказывают, что «маловысокохудожественны» «Ночевала тучка золотая» Приставкина, «Белые одежды» Дудинцева, «Зубр» Гранина, произведения Замятина, Ямпольского, Домбровского, Трифонова, Тендрякова, Гроссмана. Один критик недавно написал, что его единомышленники к Гроссману несправедливы, в романе есть «горсточка правды» — про жизнь евреев в гетто. Вот какую проявил широту взглядов.

Можно с точностью до журнального номера и автора предсказать и развенчание повести Вячеслава Пьецуха «Новая московская философия» из первого номера «Нового мира». Потому что это очень современная, добрая, умная повесть, написанная с так презираемым некоторыми критиками остроумием, так ненавидимой ими иронией, потому еще, что Пьецух, как и в других своих произведениях, как в книге «Веселые времена», любит порассуждать о русском национальном характере, не впадая в пафос, в придыхания, в лесть, самообольщения, не выдавая желаемое за действительное.

Впрочем, для чего я так много об этом говорю? Судя по тиражам, тройственный союз журналов не слишком много обрел единомышленников. Значит, и их моноидея вычеркнуть из отечественной литературы многих, кого другие журналы публикуют сегодня,— эта моноидея непопулярна. Люди хотят узнавать свою литературу, хотят чи-

тать, хотят ею гордиться, люди счастливы, что дети узнают свою литературу не в виде жесткого списка дозволенных к печати и всеми способами пропагандируемых произведений и вырастут лучше нас, добрее, чище, умнее.

А я так долго об этом говорю, потому что, знаете, до конца не теряю надежды дозваться до кого-нибудь из коллег, из тех, кого жалею, кто, как я говорила в самом начале, не может не понимать достоинств романа «Жизнь и судьба» или стихов Бродского. Иных, полуграмотных, прочитавших полторы книжки в жизни, конечно, не дозовешься. Их прозевала семья и школа, это случай безнадежный. Но филологи... Но однокашники по университету... Но знатоки Бунина и Тютчева...

Не одна я не теряю надежды дозвать. Вот и Сергей Сергеевич Аверинцев, предваряя публикацию статей и писем Владимира Соловьева (все в том же, замечательно богатом январском «Новом мире», статью С. Залыгина «К вопросу о бессмертии» вы, надеюсь, не пропустили), говорит о том же, о «недоверчивом идеологизме», и, по-моему, взывает к тем же людям. «...Постановка вопроса не о русской мысли, но об «истинно» русской мысли, с неизбежным отлучением «неистинных». Такое занятие приводит к оскудению панорамы отечественной философии. Первыми отпадают западники; затем наступает черед для филокатолика и филосемита Владимира Соловьева; плохи шансы у либерала Федотова... Кто остается? Мне довелось слышать от одного совсем неглупого собеседника, державшегося таких мыслей,— остаются Н. Федоров и о. Павел Флоренский... Но вот в томах «Богословских трудов» одна за другой появляются статьи, изобличающие и Федорова, и Флоренского, между прочим, в нерусском качестве мысли, в податливости к западным влияниям. Круг замкнулся; русская философия исчезает на глазах, как от пассов факира...»

Конечно, Аверинцев очень деликатен, да и его собеседники, видать, не смогли бы собственной рукой вывести, скажем, такое: «В романе Гроссмана есть горсточка правды...» Но самое существо спора то же. Говоря попросту, одна сторона выявляет инородцев и «неистинно русских», обвиняет их во всех бедах и отказывает им в праве представлять русскую культуру. А другая сторона — наша — изо всей мочи кричит: это безнравственно, это не похристиански, это зоология, это невозможно для коммуниста, это немыслимо для интеллигента. И — последний аргумент — это не по-русски...

К счастью, с каждым днем у дела борьбы за нашу возрождающуюся культуру все больше друзей. Без помощи читателя я бы пропустила «Письмо Чарской Чуковскому», опубликованное в журнале «Русская литература» (второй номер прошлого года). Между тем письмо (публикация В. И. Глоцера) интересно не только тем, кто интересуется, например, биографией одной из самых популярных писательниц не такого уж и давнего прошлого. И не только тем, кто хотел бы прочесть прелюбопытную страницу из биографии Корнея Чуковского. Его с пользой для себя прочтут исследователи русско-американских отношений (деятельность АРА — организации, помогавшей нам, когда мы голодали,— весьма примечательная веха в них). Но поистине бесценным чтением эта публикация станет для тех, кто исследует (или хотел бы усовершенствовать) стиль литературных дискуссий. Если кто-нибудь, писал Чуковский, захочет написать философский трактат «О пошлости», «рекомендую ему сорок томов сочинений Лидии Чарской. Лучшего материала ему не найти. Здесь так полно и богато представлены все оттенки и переливы этого мало исследованного социального явления: банальность, вульгарность, тривиальность, безвкусица, фарисейство, ханжество, филистерство, косность (огромная коллекция! великолепный музей!), что наука должна быть благодарна трудолюбивой писательнице».

Да, что говорить, Чуковский не оставил камня на камне от обожаемой Лидии Алексеевны, он, грубо говоря, сделал из нее отбивную котлету и смахнул со стола...

«Корней Чуковский участвовал в судьбе многих литераторов,— пишет В. Глоцер.— Но что он хлопотал о Лидии Чарской, против которой была направлена одна из самых гневных и острых его критических статей, предположить было трудно». Однако он помогал писательнице, причем, похоже, единственный он и помогал. Он понимал, что она труженица, что она бедствует... «У Вас есть дети, и за то доброе, что Вы делаете другим, они должны быть счастливы и будут, если существует справедливость на земле,— писала Чарская Чуковскому.— За весь этот год... я впервые почувствовала, узнав о Ваших хлопотах, что свет не так уж плох, раз на земле живут такие светлые люди, как Вы и Вам подобные...»

«У Вас есть дети, и они будут счастливы, если существует справедливость на земле»... Вспомним: «Борщаговский вместе с проживающими с ним лицами выселяется из квартиры № 13». Согласитесь, отношения между глубоко несогласными между собой литераторами могут строиться по-разному при любой остроте споров.

Сергей Новиков из Ялты пишет, что в таллиннской «Радуге» в октябре прошлого года был блестящий рассказ Бориса Крячко «Журналист», он считает, что просто должен порекомендовать его «многомиллионным читателям «Огонька». «Наверное, только так, совместными усилиями, делясь друг с другом, можно сейчас пытаться уследить за всем интересным, что появляется в периодике»,— пишет С. Новиков, и я с ним больше чем согласна.

«Журнал «Дальний Восток» вы обходите. А зря,— пишет В. Камышев, сотрудник Иркутского университета.— Да, журнал этот неровный, а еще вчера, то есть совсем недавно, просто серый. Но он меняется к лучшему. Вот посылаю Вам номер с повестью В. Илюшина «Глиняный человек». Обратите внимание на это имя: «Илюшину нет еще и тридцати лет, а он серьезно шагнул. Обратите внимание и на статью А. Козлова о Берзине... Здесь есть и моя статья — я не считаю ее такой уж удачной, но попытка рассмотреть тему молодой прозы в каком-то ином ракурсе была предпринята».

Я прочла журнал и свидетельствую, что восприятие В. Камышева, включая и самооценочное суждение, адекватно. Спасибо, буду внимательнее к «Дальнему Востоку», поверю корреспонденту.

Три номера «Литературного Киргизстана» прислала Светлана Умаровна Алиева. «Посылаю журналы не только потому, что солидарна с Вашими суждениями в огоньковских обзорах. И не только потому, что болею за хороший, ставший неузнаваемым по сравнению с «софроновским», ставший таким же популярным в Киргизии, как и в Москве, «Огонек». Посылаю потому, что «Литературный Киргизстан» последовательно, взвешенно, систематично с партийных позиций занимается межнациональными отношениями. А это так важно сейчас. И в каждом номере у них открытия. Прочтите очерк Григория Вольтера о трудовом фронте — я была потрясена... А какая у них превосходная публицистика!»

Прочла. Все, что пишет С. Алиева, верно и справедливо. Да еще нашла «Бахиану» — фрагмент из нового романа Чингиза Айтматова. И информацию, что весь роман будет скоро опубликован именно в этом журнале. Что ж, значит, и на «Литературный Киргизстан» придется подписываться.

Некто неизвестный выслал первый номер «Даугавы». Спасибо, я получаю... Письмо не приложено. Но над заметками Лидии Яковлевны Гинзбург стоит три восклицательных знака и написано: «Господи, какой это блеск! Бывают же мудрецы на свете!»

И с этим темпераментным умозаключением я полностью согласна. И если бы о заметках Л. Гинзбург писала сама, написала бы именно этими словами...

В первых двух номерах «Волги» — Рой Медведев, «Трудная весна 1918 года». И замечательная повесть Евгения Попова «Душа патриота...» Может быть, это новая исповедь сына века. Если считать «веком» времена застоя, а «сыновьями» нас с вами, Евгений Попов смеется над временем, над собой, над нами. И я уверена, что прочесть эту очень свободную повесть не только интересно, но и полезно. Смеяться — полезно.

Рассказчик в повести Фазиля Искандера «Кутеж трех князей в зеленом дворике» (мартовская «Нева») говорит, что один на всем свете постиг причины бед нашей жизни. «Все это идет от того, что на местах и отчасти даже в центре нашим руководителям не хватает чувства юмора». Рассказчик предлагает всеми средствами печати и устного воздействия развивать по всей стране чувство юмора у руководителей всех рангов. «Это поистине героическое занятие, вероятно, первое время не обойдется без жертв»,— пишет Искандер. (Он, видимо, имеет в виду «первое время» после введения в строй нового Указа и особенно оригинальнейшей статьи 11 [1] об ответственности «за дискредитацию».) Но согласитесь: «развивать по всей стране чувство юмора» — интересное начинание, между прочим.

С января по март «Аврора» публиковала повесть Николая Иовлева «Я ничего не боюсь...». Более внятного повествования о комсомоле я что-то не припоминаю (хотя «ЧП районного масштаба» — в памяти). Если у вас есть желание не по догадке, не по интуиции понять, каковы реальные отношения аппарата с перестройкой,— читайте Иовлева. Понятие «номенклатура» раскроется перед вами во всей своей загадочной полноте. Потому что комсомол всегда был у нас «кузницей кадров». И остается поныне. Николай Иовлев показывает всю технологию, всю практику «ковки».

«Юность» сейчас приходится читать всю подряд, пустых страниц в журнале не стало. Но не сказать (вдруг да кто-то еще не знает), что в марте здесь опубликовали повесть Бориса Савинкова «Конь вороной», просто не могу. Жесткая она и страшная — видимо, как ее автор. Но вряд ли вы читывали до сих пор что-то, яснее отвечающее на вопрос, почему братская кровь не была для нас свята, а пролить ее не считалось грехом.

— Полтораста плетей! — скомандовал Савинков. И Егоров — седобородый крестьянин, псковичч, старовер некурящий, деловито и просто порол Назаренку, как дело делал. Сколько десятилетий с тех пор свистели плети и пули, и слышался из-за переборки грубый голос Егорова: «Ишь, ворочается... На́ голову, Федя, садись...»

В. Захарченко из Киевской области (его письмо публикует мартовский номер «Молодой гвардии», в значительной части посвященный «Огоньку» и его авторам,— это, видимо, самая серьезная проблема и для молодежи сегодня, и для молодой литературы; для журнала, во всяком случае, серьезнее проблем просто нет) пишет: «...о письме Сталина, в котором шла речь о применении мер насилия к нераскаявшимся преступникам... Другое дело, насколько пытки были оправданы морально. Об этом можно спорить. Но, не забывая притом, что у каждого времени свои законы».

Вот вам и естественное продолжение повести «Конь вороной». Вот вам и культура дискуссий. Можно, оказывается, спорить, товарищи читатели, «насколько пытки были оправданы морально»: может быть, пытки были частично оправданы морально, а может быть, пытки были оправданы морально полностью, а может быть, пытки и мораль вообще так отлично сочетаются в том времени, что и спорить нечего. Если вы, конечно, согласитесь с постулатом, что «у каждого времени свои законы». Можно было бы предложить молодежному журналу и такой вопрос: «А у нашего времени какие законы? как по части морального оправдания пыток сегодня?» Ваши письма и предложения шлите по адресу журнала «Молодая гвардия», считающего, что обо всем этом вполне «можно спорить».

Но вернемся к журнальному обзору — и больше не позволим себе уйти в мрак из света...

Довольно любопытны все четыре прочитанные мною к сегодняшнему дню номера «Дружбы народов»... Но особенное внимание я обратила бы на воспоминания Бориса Ямпольского о Василии Гроссмане (февраль) и Лили Брик о Владимире Маяковском (март).

«Знамя» порадовало целой серией великолепных публикаций. Критики уже пишут о многих, особенно охотно о «Верном Руслане» Георгия Владимова, произведении и впрямь во всех отношениях достойном. Ну, а я хочу обратить внимание еще и на «Исторические очерки. О Сталине и «сталинизме» Роя Медведева. Это концентрированная информация об эпохе зла и насилия, написанная суховато, последовательно, перенасыщенная фактами. Тем и бесценная.

Статья Игоря Клямкина «Почему трудно говорить правду» («Новый мир», февраль), как мне кажется, должна быть прочитана после очерков Р. Медведева. В этом случае простор для мысли заметно увеличивается. А мне представляется именно и чрезвычайно важным, чтобы глубокие, выстраданные, чистые, основанные на знаниях, информации и культуре мысли овладевали нами, становились общественным достоянием.

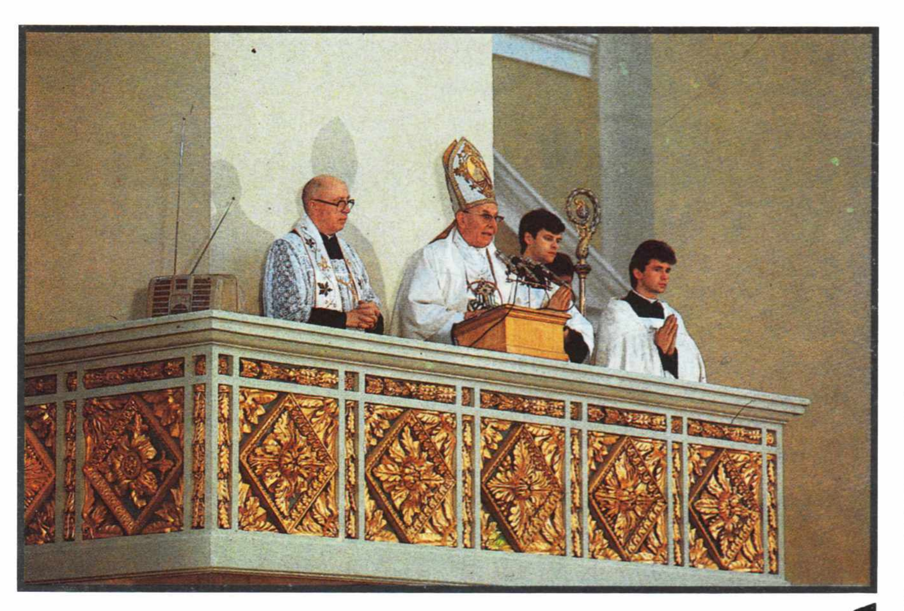
С победы Сталина, пишет И. Клямкин, у нас «началась жизнь, в которой ни у кого нет и не должно быть настоящего: оно приносится в жертву будущему».

Как это в известной пьесе? «Очень хочется, чтобы Сталин ушел... Но он еще здесь...» И свое настоящее мы попрежнему, привычно, всё не живем — переживаем, преодолеваем. Жизнь — переживаем...

«Правда нужна обо всем»,— пишет в статье «Истоки сталинизма» («Наука и жизнь» — 11-й, 12-й номера прошлого и 1-й, 2-й нынешнего года) А. Ципко. Об этой статье много говорят сегодня. Может быть, потому, что она написана с искренностью, с болью — хочется ее и перечитать и пересказать... Она, эта статья, из того же ряда: из тех, что, входя в общественное сознание, цивилизуют его.

Думаю, что наши журналы, которыми мы зачитываемся сегодня, делают дело исторической важности, исполняя эту благороднейшую роль — цивилизуя общественное сознание.

Вы думаете, стопа журналов на моем столе с закладками на тех страницах, о которых я считаю себя обязанной рассказать, иссякла? И вполовину не уменьшилась!

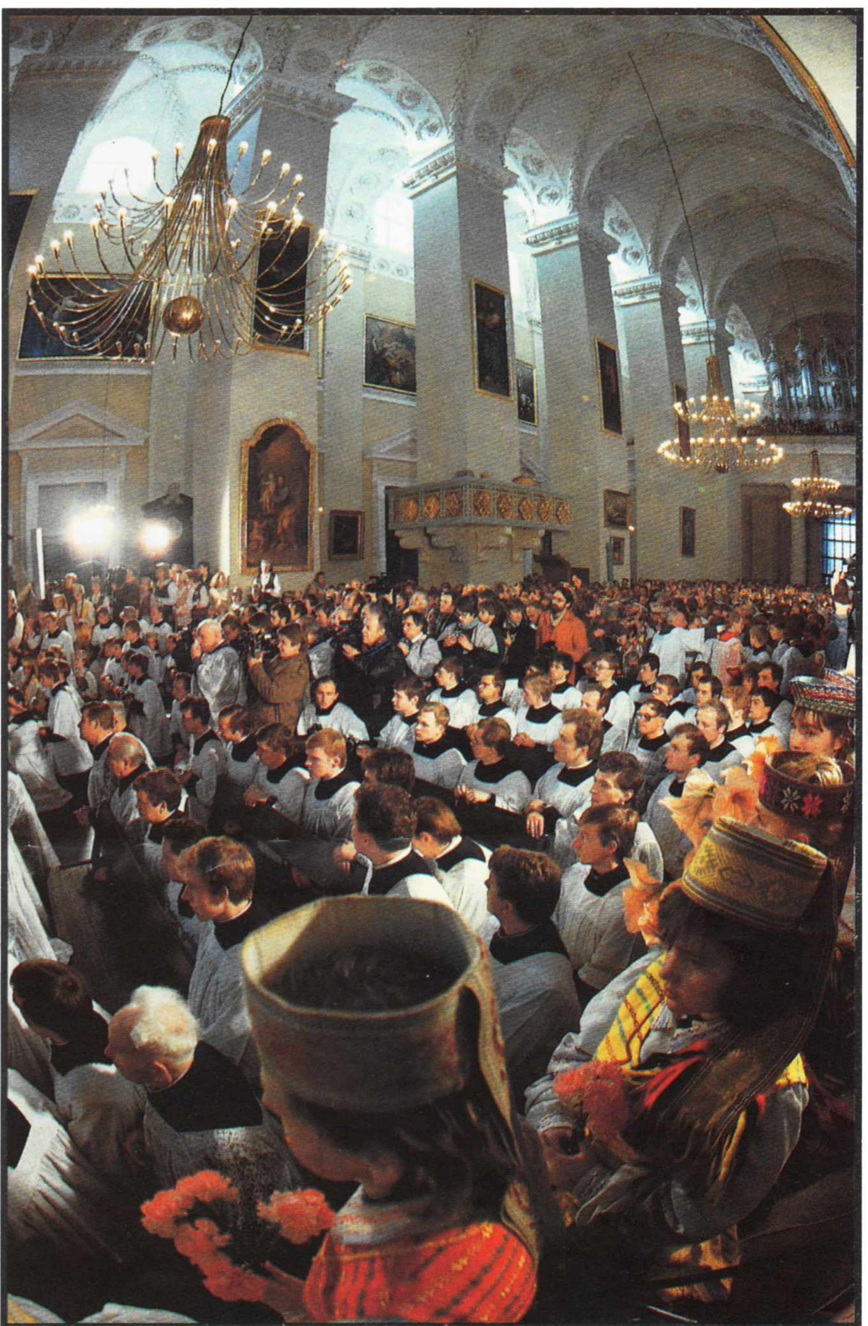

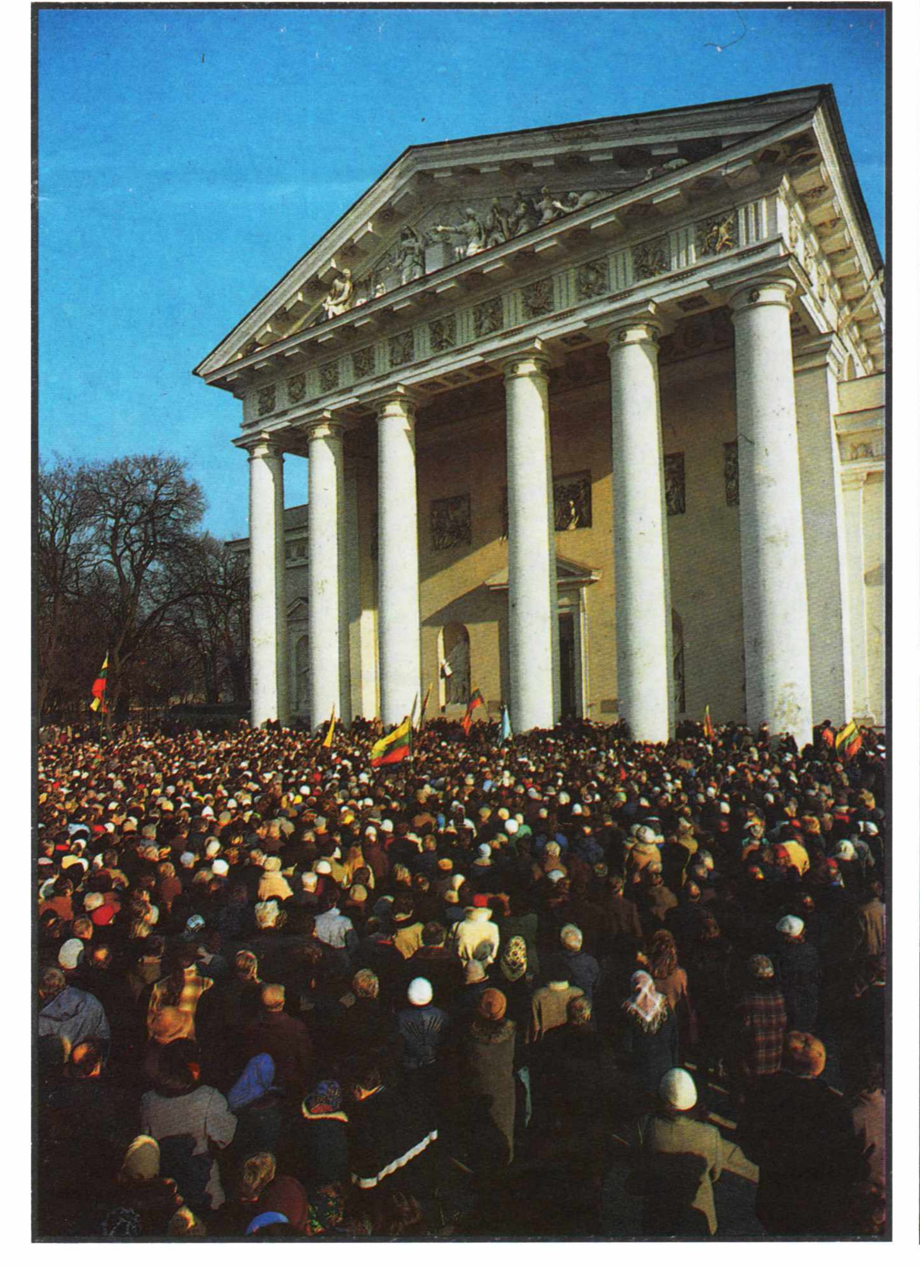
С ВОЗВРАЩЕНИЕМ!

Археологи утверждают, что на месте кафедрального собора в Вильнюсе уже в XIII веке существовало обрядовое строение. Обличье, близкое к современному, собор приобрел в XVII веке. Почти 40 лет под высокими сводами храма молитва не звучала, хотя, может быть, это не такой уж большой срок по сравнению с веками прошлыми и будущими.

В 1956 году здание перешло в ведение Художественного музея Литовской ССР, здесь размещалась картинная галерея. Конечно, были соборы и с более тяжелыми судьбами. Кафедральному, можно сказать, повезло. Тем более что недавно решением правительства республики собор возвращен верующим. Состоялась торжественная церемония освящения храма, епископы Литвы, представители высшего духовенства провели первую мессу. В кафедральном соборе будут проходить также и концерты мастеров музыкального искусства.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ОНА БОЛЬШЕ ИЗВЕСТНА КАК ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦА РУССКИХ И ЦЫГАНСКИХ РОМАНСОВ. ПЕСТРЫЕ ЮБКИ. ГОРЯЧИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ. ОЧИ ЧЕРНЫЕ — ОЧИ СТРАСТНЫЕ. НА ОБРАЗ ИГРАЕТ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ — ЦЫГАНКА, ТОЧНЕЕ, ТОЛЬКО НАПОЛОВИНУ. ИНОГДА, ПРАВДА, ВСПОМИНАЮТ: КАЖЕТСЯ, ПОЕТ ДЖАЗ. НО ЭТА ДЕТАЛЬ МАЛО ВОЛНУЕТ ИСТИННЫХ ЦЕНИТЕЛЕЙ СТАРИННОГО РОМАНСА.

ДАР, КОТОРЫЙ НЕ НУЖЕН?

Но речь пойдет не об этом популярном во все времена жанре, а о том бесценном даре, которым владеет солистка Росконцерта Валентина Пономарева. Даре импровизации, участь которого в ее пестрой творческой биографии — стоять в конце, одной строчкой. Почему так получилось? Кто и зачем взял на себя право решать судьбу молодой цыганки и целого поколения, называемого теперь шестидесятниками? Но пока вернемся на тридцать лет назад: выпускница Хабаровского музыкального училища Валя Пономарева раскладывала пасьянс предложений — местный драмтеатр (там она дебютировала в роли Машеньки в «Живом трупе»), филармония, музыкальная студия. Муки продолжались недолго, помог довоенный радиоприемник, который без труда принимал Японию. Японский эфир был болен джазом и гонял его сутки напролет.

Первое неотправленное письмо Элле Фицджералд

Уважаемая Элла! Я услышала вас, и мне показалось, будто я умерла, а может быть, родилась заново. Трудно собраться с мыслями: одни восторги. Ах, эта музыка! Ах, эта Элла! Спасибо вам за то, что вы есть, за то, что поете, и за то, что помогли мне найти себя. Теперь я записываю на магнитофон все, что ловит мой старенький приемник, а поэтому учу пьесы с голоса. Друзья говорят, что у меня ничего выходит. Жаль, что я не негритянка. Бегаю петь на танцы: у нас в городе только там играют джаз. Мечтаю подкопить денег и летом уехать в Таллинн. Там, я слышала, собираются джазовые музыканты разных стран. Может быть, мне удастся выступить. Теперь джаз — моя религия, мой храм, а я самая верная и трепетная его прихожанка. Помолитесь за меня, если можете. Я тоже хочу стать Эллой Фицджерალд. Я стану Эллой Фицджералд!

Хабаровск. 1966 год.

На первом международном таллиннском фестивале 1967 года (именно о нем шла речь в письме), незаконно возникшем, шумно прошедшем и имевшем далеко идущие последствия для его организаторов, самозванка из Хабаровска, по воспоминаниям его участников, поразила всех. Неожиданно высокий уровень вокала, импровизация оставили впечатление, что никакой другой язык, кроме музыкального, ей незнаком. Контакт с музыкантами, которых она видит в первый раз,— абсолютный. Представители афро-американской культуры решили, что в ее жилах течет негритянская кровь: она не поет — живет в этой музыке.

Мои воспоминания о джазе — чисто детские. Набор открыток: Буратино, Дюймовочка и вдруг странное существо — тонкое, жеваное, как из гуммированной бумаги, с саксофоном на тонкой шее. Только он, как мне тогда казалось, не дает существу упасть: а у него такие ломкие паучьи ножки. Подпись — стиляга. Сказочный он герой или живой, как я? Родные объяснили, что вообще-то он хороший. Но мне не верилось: очень уж он был противный по сравнению с любимым розовощеким Буратино. Уже позже поняла: меня с детства заставляли его не любить. И я не любила. Как и многие взрослые, которые с презрением произносили это свистящее слово «стиляга».

Джазовые времена тридцатилетней давности... Интересно было бы посмотреть на молодых Зубова, Бахолдина, Рычкова, Лукьянова, Гараняна. Этих одержимых парней, сильных своей фанатичной любовью к «музыке толстых».

— *В конце пятидесятых джаз у нас развивался подпольно.*— вспоминает Герман Лукьянов,— *если нам удавалось собраться вместе и выйти на сцену — это уже была удача. А когда в московском кафе «Молодежное», на улице Горького, при открытых дверях зазвучал джаз и милиция нас не разогнала, мы подумали, что это сон, и обнимались, как люди, дожившие до чуда. А потом нас, молодых музыкантов, собрали в клубе мукомолов на встречу с профессионалами дискутировать о джазе. Потом, как сейчас помню, игру нашего саксофониста сравнили с речью Гитлера, а меня назвали двурушником. Лукьянов, сказали, в консерватории у Хачатуряна делает одно, а здесь — совсем другое. Нож у него за пазухой. Страшным было не трудное материальное положение музыкантов (все-таки можно было подработать), а равнодушие вокруг джаза. Молчания не было, нет. Но и поддержки, внимания тоже никаких. По существу, совсем недавно, в 1978 году, мы получили возможность профессионально работать в любимом жанре.*

А пока молодых, одержимых людей сначала выгоняли из аудиторий, а позже снисходительно слушали и милостиво разрешали существовать, мировой джаз не стоял на месте. Он развивался. В США появился, например, фри-джаз (свободный джаз) — музыка произвольная и странная для многих. Он ломал привычные, устоявшиеся рамки традиционного джаза, призывал музыкантов к свободному самовыражению. Появились новые имена — Орнетт Коулмен, Джон Колтрейн, Сесилл Тейлор. Последний уже в 1956 году записал альбом, ставший каноническим для авангарда. Не все принимали и понимали его. Но это нисколько не мешало авангарду существовать, развиваться, быть кем-то поддерживаемым и субсидируемым, а музыкантам экспериментировать, записывать новые пластинки, гастролировать. Никому и присниться не могло устраивать дискуссии на тему «Быть или не быть импровизации в джазе»...

Второе неотправленное письмо Элле Фицджералд

Дорогая Элла! В жизни моей произошло так много всего, что мне теперь трудно понять: для чего я? И нужно ли то, что я люблю и, как мне кажется, умею делать, хоть кому-нибудь? Сначала была Тула. Оркестр Кролла (это очень известный музыкант), где я многому научилась, но работать долго не смогла. Потому что в концертных программах меня с моими скэтами прятали среди эстрадных номеров, чтобы особенно не бросалась в глаза начальству. Потому что получала записки из зала: «Бросай эту чертовщину и пой на русском языке». Потому что на официальных концертах меня вообще не выпускают на сцену. Позвали в Ленинград, в мюзик-холл. Чуткий к новому руководитель сказал: «Я открою тебя миру». Но на первом же выступлении, когда я вышла после русских красавиц и цыган, он понял, что зритель на меня не пойдет, а касса будет пуста. Подалась в Москву. Пообещали взять на работу в кафе, где играют джаз, но для этого нужна — всего-то! — московская прописка. А у меня хабаровская. Нет прописки — нет работы. Нет работы — нет прописки. Живу у друзей. Когда к ним приезжают гости, ухожу спать на вокзал или в аэропорт. Но в аэропорту лучше — милиция меньше трогает. Молоденький милиционер почти поверил, что я каждую ночь жду самолета из Хабаровска. Слава богу, прописка у меня соответствующая.

Я не могу и не хочу петь песен про разные «ландыши» — не мое это. Я задыхаюсь, Элла, в этом кругу из слов «нельзя». Почва уходит из-под ног. Вдруг поняла: мне никогда не стать тем, кем я хочу.

Москва. 1971 год.

Так умерла для тогдашнего джаза талантливая певица, одаренный импровизатор Валентина Пономарева. Как исчезли из него и многие другие. Одни покинули страну в поисках более прочной опоры, кто-то постарался выжить, пойдя на компромисс, а у кого недостало на это сил, добровольно лез в петлю. В какой-то момент отчаяния Пономарева была готова последовать этому примеру, оставив после себя легенду о гордой цыганке, не пожелавшей предать своей любви. А любовь эта была по тем временам, как мы уже говорили, сомнительного толка. Она хотела петь «...музыку упаднического «коммерческого» джаза (а не опирающуюся на народно-национальные истоки.— **М. Р.**), для которого характерна музыка искусственно-возбужденная, бессмысленно-механического движения или надрывная, бесстыдно-чувственная и пошлая». («Краткий музыкальный словарь», 1964 год. Более не переиздавался.)

Какая же она после этого героиня? Короче говоря, эффектного конца не получилось. У Пономаревой рос сын, он ходил в школу. Ему нужен был угол для учебников и бутерброд на завтрак. Вот тогда ей пришлось вспомнить, что она цыганка, и она ушла в театр «Ромэн». Трио «Ромэн», в котором Пономарева проработала после театра двенадцать лет, вписало в жанр романса достойную страницу, полную страсти, энергии, национального колорита. Успеху трио в немалой степени способствовало и то, что певица органически не выносит сценических штампов массового жанра.

Нет, не с джазом, а с родными цыганскими напевами объездила она мир.

Третье неотправленное письмо Элле Фицджералд

Милая Элла!.. Живу ли я? Живу, если ем, путешествую по городам и странам. Много увидела. Поняла. Живьем, а не на «ребрах» (ты не представляешь, что такое бывает) слушала американский джаз. Видела, как живут ваши музыканты. Не богато, но поют и играют свободно. У кого-то больше слушателей, у кого-то меньше. То, что услышала в одном клубе, потрясло — это был джаз и не джаз. Это была свобода в музыке, где я не слышала привычных гармоний, постоянных темпов, последовательных аккордов. Я мечтала о такой свободе, когда еще пела традиционный и уже тогда пробовала делать шаги в сторону. Может быть, это то, к чему я подсознательно стремилась всю жизнь? Да, сейчас у меня, можно считать, все есть — и квартира, и неплохая зарплата. Одного только не могу понять: кому поперек горла было то, что я делала?

Москва, 1979 год.

Она все-таки вернулась в джаз. Сенсации это особой не произвело. Энергия запретов автоматически переключилась на рок. Джаз уже был окончательно легализован и превратился в уважаемого пенсионера. И она, как одна из первых джазовых вокалисток, могла вполне занять свое почетное место, вернувшись к тому, с чего когда-то начинала. Но неугомонная Пономарева не пошла по проторенной дорожке, а свернула на путь авангарда. Занялась стилем трудным, обреченным на камерную аудиторию.

Все попытки описать фри-джаз выглядят жалкими и беспомощными. Как трудно, например, объяснить, о чем полотна Модильяни, Шагала, Кандинского. Знаю, что слушать его надо, отринув стереотипы восприятия. И даже не слушать, а погружаться в эту музыку, предоставив полную свободу фантазии и воображению. Можно много говорить о тех чувствах и мыслях, которые рождает эта музыка: таинственная, как из глубины веков, нервно-эгоистическая, как жизнь большого города, неожиданно мягкая и светлая... «Музыка... вызывает образ путника. Сквозь глубокие извилистые теснины напряженно влечет творческая мысль его музыкальное сознание, остро вглядываясь и цепляясь, то впадая в усталое и мрачное созерцание, то в нервную порывистость... Он не хочет знать мир, но больно порой о нем тоскует». (Кажется, лучше и не скажешь о свободном джазе, хотя эти строки, посвященные творчеству Николая Мясковского, были написаны Асафьевым еще в 1918 году.)

Отношение к авангардному джазу разное, как среди слушателей, так и среди музыкантов, многие из которых либо вообще не принимают его, либо принимают с большими оговорками. Мол, здесь проще скрыть свой непрофессионализм, а эффектный, но никчемный трюк выдать за новаторство. И со стороны музыкальных ведомств отношение к этому стилю пока равнодушное. Что мы знаем о молодых и немолодых чудаках, собирающихся на фестивали с самыми невообразимыми инструментами всех времен и народов? Что мы знаем, например, о пианисте и композиторе Сергее Курехине, у которого на Западе вышло пятнадцать пластинок, а в нашей стране — только одна, и ту не достать. У Пономаревой тоже там вышло четыре пластинки (две авторские, две в соавторстве), у нас со скрипом выходит первая. А может ли певица сравнить свое искусство с мастерством лучших певиц своего направления в мире? Нет, потому что на международные фестивали ее никто не посылает, хотя вызовы в Госконцерт приходили.

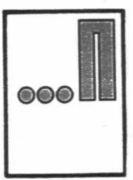
Живет цыганка, поющая джаз. Уникальное, поразительное дарование. Не нужное никому?

Марина РАЙКИНА
Фото Виктора БРЕЛЯ

Борис ТРИЛЬ

ТРАП для «ВОЖДЯ»

Мы и сейчас можем только догадываться, что происходило за стенами древнего Кремля в последние годы перед апрелем восемьдесят пятого... А потому для осмысления открывшихся сегодня фактов времен застоя и мумифицированного оптимизма вынуждены обращаться к тем еще редким источникам информации, что пробили себе дорогу благодаря гласности.

о Ленинградскому шоссе в направлении Москвы неспешно движется кортеж. В черной машине идет неторопливый разговор. Сидящий рядом с высоким гостем из Франции Л. Брежнев кутается в пальто. На лбу у него выступают капельки пота. Не напрягая голоса, он говорит через переводчика, что в последнее время отказывается от визитов. И вдруг признается: «Я серьезно болен, меня облучают... Здесь, в спине...»

Этот эпизод привел в своей книге «Власть и жизнь» Валери Жискар д'Эстен. Был апрель семьдесят девятого... А в сентябре того же года на стол директора опытного завода № 85 гражданской авиации И. Афанасьева легла телефонограмма: срочно прибыть в Москву.

И. АФАНАСЬЕВ, бывший директор опытного завода № 85: — Была пятница, рабочий день и неделя закончились. Но такого рода вызов не давал мне права отложить отъезд до понедельника. Поэтому в воскресенье в десять утра я уже входил в кабинет заместителя министра гражданской авиации Мамсурова. Он сообщил, что от министра поступило срочное задание изготовить трап-эскалатор под самолет Ил-62. При этом фамилия Брежнева не упоминалась. Но из отдельных деталей и намеков в беседе мне стало понятно, для кого это нужно — для генсека.

Юрий Георгиевич предупредил: задание выполнить в максимально сжатый срок. Я поинтересовался, за сколько месяцев? «За две недели»,— услышал в ответ. В разговоре на таком уровне к возражениям со стороны подчиненных всегда относятся неодобрительно. И все же я не удержался: «Две недели — абсурд...» «Будете докладывать ежедневно о ходе выполнения работ»,— ответил мне замминистра и перешел к обсуждению технической стороны дела.

Ю. МАМСУРОВ, бывший заместитель министра гражданской авиации: — Подробностей той истории уже не помню. Но могу сказать, что, как только получил устное указание от министра Бугаева на изготовление трапа-эскалатора, сразу подключил к заданию наш восемьдесят пятый завод.

ИЗ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ СССР» (научно-популярный очерк под общей редакцией Б. П. Бугаева): «В мае 1970 года министром гражданской авиации был назначен Б. П. Бугаев — участник Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда, заслуженный пилот СССР. Воспитанник Аэрофлота, начавший свой путь в гражданской авиации в 1941 году курсантом Актюбинской школы пилотов, Б. П. Бугаев вырос в крупного организатора воздушного транспорта СССР. На XXIV, XXV и XXVI съездах партии Б. П. Бугаев был избран членом Центрального Комитета КПСС. Депутат Верховного Совета СССР, Главный маршал авиации, лауреат Ленинской и Государственной премий»... И т. д. и т. п.

С. ЯКОВЕНКО, бывший штурман, секретарь партбюро Отдельного авиационного отряда № 235 Московского транспортного управления гражданской авиации: — В пятьдесят седьмом командиром созданного год назад отряда был назначен Бугаев. Уже в то время всем нам была заметна, мягко говоря, привязанность Леонида Ильича Брежнева к нашему командиру отряда. Отправляясь в очередную поездку, он обязательно брал командира с собой, а когда стал генсеком, то Бугаева назначили его постоянным шеф-пилотом...

ИЗ ЖИЗНИ Б. П. БУГАЕВА:
1957 г.— награжден орденом Красного Знамени;
1959 г.— второй орден Красного Знамени;
1963 г.— орден Ленина;
1966 г.— присвоено звание Героя Социалистического Труда; назначен заместителем министра гражданской авиации;
1967 г.— «Заслуженный пилот СССР», первый заместитель министра гражданской авиации;
1970 г.— министр гражданской авиации;
1971 г.— второй орден Ленина;
1972 г.— лауреат Государственной премии СССР;
1973 г.— третий орден Ленина;
1976 г.— орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени;
1977 г.— Главный маршал авиации;
1980 г.— лауреат Ленинской премии СССР;
1981 г.— орден Октябрьской Революции;
1983 г.— еще раз Герой Социалистического Труда;
1987 г.— Указом Президиума Верховного Совета СССР освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу...

И. АФАНАСЬЕВ: — Возвратился домой из Москвы в тот же день. А в понедельник утром собрал руководителей служб, цехов, конструкторов, технологов обсудить задание. Опыта в подобных разработках не было. Пришлось лично побывать в ленинградском специализированном конструкторском бюро. Изучали работу эскалаторов в театрах, магазинах нашего города. Обрисовался круг проблем. Главная из них — сложность с комплектацией. Где взять эскалатор? Самим изготовить — утопия. Разузнали, что есть в Донбассе завод, где их производят...

В. ЕЧКАЛОВ, бывший главный инженер опытного завода № 85: — Приехал в Донбасс на завод просителем и без надежд на успех. Но к нам отнеслись с пониманием и выделили два новеньких поэтажных эскалатора. Тем более, как пояснили на заводе, их все равно должны были отгрузить в Москву для гражданской авиации...

И. АРТАМОНОВА, бывший главный

архитектор проекта по реконструкции аэровокзального комплекса во Внукове: — По плану в зале № 2 аэровокзала полагалось установить два эскалатора для доставки пассажиров с первого этажа на второй с последующим их выходом на посадку, но...

В. РЯБЦЕВ, бывший член комиссии по эксплуатационным испытаниям трапа-эскалатора: — Механизация аэровокзального комплекса проводилась поэтапно. Это дало возможность не закрывать полностью аэровокзал во время монтажных, наладочных и строительных работ. Установка же двух поэтажных эскалаторов потребовала бы закрыть зал № 2 надолго. А потому отступили от замысла архитекторов и обошлись сооружением... пешеходных лестниц.

В. ЕЧКАЛОВ: — Полученные нами поэтажные эскалаторы, признаться, были почти негодны, трудно представить, какие ржавые... Разбирали их сами, чистили, смазывали. Пытались опробовать в работе, но цепи соскакивали со звездочек, сползали с роликов резиновые поручни. Пришлось своими силами заняться доводкой узлов эскалаторов. На претензии к поставщику не было времени...

Е. СЕРИКОВ, бывший заместитель главного конструктора опытного завода № 85: — В связи с внеплановым трапом-эскалатором (вскоре поступило указание об изготовлении в двух экземплярах) на заводе был нарушен единый график производства. А ведь в нем буквально по числам были расписаны сроки сдачи конструкторско-технической документации по той или иной теме. И таких тем на год планировалось более пятидесяти! То есть, чтобы не выбиться из ритма, требовалось каждую неделю завершать одну разработку. Был предолимпийский год, нас поджимали по многим направлениям, торопили. А с этим трапом приходилось бежать впереди паровоза!.. В природе еще не было основного документа — технического задания на проектирование изделия, но работы по его изготовлению кипели вовсю.

В. КОРОТКОВ, бывший заместитель начальника отдела ГПИ и НИИ ГА «Аэропроект», член комиссии по приемочным испытаниям трапа-эскалатора: — Техническое задание на проектирование трапа было составлено и утверждено без нашего института... Зато последний пункт его гласил: «Финансирование разработки и изготовление трапа-эскалатора осуществляются по договору с «Аэропроектом». То есть мы по существу выступали заказчиком. Но об этом мы узнали, как ни странно, только при первой встрече со своим детищем на испытаниях. В итоге два изделия обошлись институту почти в четверть миллиона рублей...

Е. СЕРИКОВ: — Был разработан график выдачи чертежей в цех, где огородили специальный участок. Задания каждому выдавались категоричные: сделать то-то, например, к обеду завтрашнего дня!.. Если же чертежи уходили в цех не вовремя, то это, разумеется, вызывало соответствующую реакцию у сварщиков, сборщиков. Нужно заметить, каждый — специалист высокого класса! Спецзадание доверили только лучшим. Так что привлеченные два десятка конструкторов и дизайнер трудились в две смены, без выходных, в урочное и сверхурочное время. Одним словом, не считались ни с чем. Но постоянно одолевала мысль — в такой суете не дай бог что-то упустить, проглядеть. Понимали, чем может обернуться для любого известная пословица: где тонко — там и рвется... Давили сроки, давили сверху. Стояли над душой, как никогда за тридцатилетний стаж...

В. ШВЕЦ, бывший ведущий конструктор по общей компоновке трапа-эскалатора: — Спецзаказ заставил бросить плановую разработку аэродромного автопоезда на сто семьдесят пассажиров. Начались разъезды по городам и весям! В частности, в Донбасс — по вопросам подгонки длины ленты эскалатора; в Харьков, чтобы покрасить его дюралевые ступени. Всего не перечислить...

Е. СЕРИКОВ: — Обычный эскалатор движется со скоростью один метр в секунду. Компетентные товарищи посчитали, что это слишком быстро! Пришлось движение ленты замедлить в пять раз... А на случай непредвиденных аварийных ситуаций внедрили систему блокировок для мгновенной остановки эскалатора!

П. МИНЦКОВСКИЙ, бывший ведущий конструктор по электрической части: — Электропитание трапа должно было быть автономным, от генератора, приводимого в движение мотором тягача ЗИЛ-130. Кстати, на этом автомобиле и покоился весь трап. Когда стали опробовать его в работе, выяснилось, что нормальный ход ленты можно обеспечить только на высоких оборотах двигателя. Зрелище в такой момент наблюдалось фантастическое: рев двигателя, клубы дыма, изделие дрожит и раскачивается всей изогнутой конфигурацией!.. Тогда, собственно, и нарекли его заводчане «динозавром». Пришлось электропитание переделывать — дали трапу 380 вольт от сети...

И. АФАНАСЬЕВ: — Работа над трапом близилась к завершению. Время от времени наезжали порученцы из министерства. Интересовались в основном эстетическим оформлением изделия. Чтобы, скажем, его окраска отвечала требованиям промышленной эстетики, легко читались трафареты и надписи с кратким указанием по эксплуатации. Было также решено использовать для покрытия неподвижных дюралевых ступеней «кремлевку», то есть спецдорожку. А в министерстве проявляли недовольство затянувшимися, на их взгляд, сроками. Минули не две недели, а более двух месяцев. Но вот наступили заводские испытания...

Из акта заводских приемочных испытаний от 16 января 1980 года: ***В результате испытаний трап-эскалатор доработан в соответствии с планом работ по доводке его для самолетов Ил-62 и Ил-62М, прошел обкатку вхолостую от главного привода в течение 24 часов непрерывной работы в каждом направлении. Все механизмы показали свою работоспособность и пригодность к эксплуатации. Комиссия считает предъявленный трап-эскалатор выдержавшим заводские испытания и признан годным к эксплуатации.***

ИЗ УКАЗАНИЯ Ю. МАМСУРОВА о проведении эксплуатационных испытаний трапа-эскалатора от 22 января 1980 года: — Предлагаю произвести доработку трапа-эскалатора и технической документации в соответствии с актом приемочных испытаний. Совместно с заводом № 85 провести обучение работников для его обслуживания и эксплуатации с принятием зачетов и выдачей свидетельства о праве допуска.

В. ЕЧКАЛОВ: — Ну и задала же нам хлопот перегонка первого готового изделия на товарную станцию, чтобы переправить его в Москву по железной дороге! Тронулись в путь без сопровождения ГАИ, а высота трапа-эскалатора была негабаритной для автомагистралей... Поэтому пришлось вскоре сворачивать с шоссе и пробираться к станции через лес. По проселочной дороге! Конец января, холод собачий... Но мне, как ответственному за доставку; признаться, было жарко в прямом и переносном смысле. На ухабах шестнадцатитонный «динозавр» раскачивался так, что того гляди опрокинется. Застревали в снегу. Приходилось выталкивать руками. С грехом пополам добрались до места.

Только въехали на платформу, железнодорожники — стоп, не пойдет! Превышение габарита по высоте. Пришлось объяснять, **ДЛЯ КОГО** предназначен спецгруз. Подействовало. Дали зеленый свет...

Прибыли во Внуково, а никто не хочет принимать трап. Нашлось ему место в аэропорту только тогда, когда обратились к замминистра... Правда, стоянку дали под открытым небом. Хорошо, что заранее сшили чехол!

Из протокола заседания комиссии по эксплуатационным испытаниям трапа-эскалатора от 3 апреля 1980 года: «В настоящее время обучены два водителя и один электрик. Есть инструкция по эксплуатации. Первый этап испытания (без самолета) закончен. По результатам испытаний имеют место основные (глобальные) и ряд мелких замечаний».

Е. СЕРИКОВ: — Подошли испытания с самолетом, а во Внукове, как известно, нет Ил-62. Но пока я докладывал высокому начальству по состоянию трапа, пригнали из Домодедова «Ил». Подогнали «динозавра» к нему, ну, и покатались!.. В общем, все было нормально. А вот на первых пяти неподвижных ступеньках дело застопорилось. Не пойдет, качают головой! Надо, чтобы с земли поднимал...

Из перечня замечаний комиссии, состоящего из 24 пунктов:

— не решен вопрос перемещения пассажиров при помощи движущейся лестницы с уровня земли (одну треть длины приходится проходить пешком). Рассмотреть возможность уменьшения высоты ступеней до 100 миллиметров;

— не обеспечена электробезопасность — необходимо рассмотреть вопрос замены питающего напряжения 380 вольт переменного тока на питание постоянным током от аккумуляторов;

— при температуре наружного воздуха 5 градусов и ниже по Цельсию не обеспечивается перемещение поручней эскалатора (при этом передвигаются только ступени);

— использованная для трапа модель автомобиля ЗИЛ-130 является устаревшей;

— наблюдается неустойчивость трапа при прохождении пассажиров на верхней площадке, возможна раскачка из-за отсутствия дополнительных опор... И т. д. и т. п.

И. АФАНАСЬЕВ: — Минула весна, шло лето восьмидесятого, а мы все никак не могли сдать два трапа-эскалатора. Раз так, то не было возможности и деньги заплатить заводчанам за их работу со спецзаказом. Обратились к замминистра Мамсурову. Выплатили нам тысяч двести или даже побольше, если не ошибаюсь. Спасибо и на этом!..

Из протокола приемочных испытаний трапа-эскалатора, утвержденного 10 декабря 1981 года бывшим заместителем министра гражданской авиации И. Машкивским: По результатам испытаний опытным заводом № 85 доработки в основном были выполнены. Но учитывая результаты приемочных испытаний и принимая во внимание перечисленные недостатки, комиссия считает использование трапа невозможным. **Заключение: трапы-эскалаторы не выдержали приемочные испытания и подлежат списанию.**

Из сообщения главного инженера Внуковского производственного объединения В. Михайлова от 4 октября 1986 года: «Сообщаю, что трап-эскалатор № 1 получен на баланс от «Аэропроекта» по указанию МГА от 22.01.80 г. После проведения испытаний в соответствии с актом приемки-передачи, утвержденным начальником ВПО Андреевым Г. Ф. 25.05.82 г., базовый автомобиль ЗИЛ-130 передан в службу спецтранспорта. Элементы эскалатора из-за невозможности их использования по назначению списаны, металл сдан в металлолом...»

ИЗ СПРАВКИ о проведении работ с трапом-эскалатором № 2 в 1980—1986 годах, подготовленной институтом «Аэропроект»: «Таким образом, трап длительное время подвергался различным видам испытаний, хранился на открытом воздухе из-за отсутствия приспособленных закрытых помещений, неоднократно разбирался и собирался при доработке и перевозке. В соответствии с нормами амортизационных отчислений по основным фондам годовая норма на средства перронной и погрузочно-разгрузочной механизации аэропортов составляет 10,2 процента. Общие амортизационные отчисления за этот период составляют 71,4 процента. А остаточная стоимость списанного оборудования трапа-эскалатора № 2 — 13 602 рубля».

Демонтаж редуктора эскалатора (вес более 800 килограммов) оказался невозможен из-за больших габаритов и веса, вследствие чего он был разрезан.

* * *

На складе научно-экспериментальной базы института «Аэропроект» лежит два десятка никому не нужных дюралевых ступеней. Это все, что осталось от «динозавров»... Такова последняя точка в истории создания двух трапов. И их уничтожения. И как бы энергично ни напирали на нормы амортизационных отчислений, факт остается фактом: в чреве двух «динозавров» исчезла безвозвратно четверть миллиона рублей. Но в данном случае речь идет не только о кругленькой сумме, пущенной на ветер чиновниками из крылатого министерства. Не зря говорят, что экономика — категория нравственная! Она, как зеркало, отражает достоинства и пороки общества. Конец семидесятых — начало восьмидесятых годов характеризовались выраженным стремлением управлять экономикой страны, точно измордованной лошадью. А чтобы кляча не замечала происходящего в мире, хозяин надел ей шоры...

Сегодня трудно установить, кто персонально из верхних эшелонов власти дал команду изготовить трапы-эскалаторы для тогдашнего лидера. Одно с уверенностью можно сказать: это было делом рук тех, кто жаждал во что бы то ни стало продлить сладкую жизнь, эпоху проливного дождя орденов и звезд... Для них было сущим пустяком «задавить» самым абсурдным приказом заводские коллективы. Если ввод объекта, скажем, задерживает установка эскалаторов для пассажиров, то следует распоряжение вырубить эти «излишества» из проекта. Пущай их топают по лестнице — не баре! А тут не успел министр рта раскрыть, отдавая устное указание, как послушники с готовностью щелкнули каблуками. И — закипела работа! Без документации и ассигнований... Сам велел...

И вот результат феодальных методов изготовления двух трапов. Как откровенно поделился один из бывших исполнителей, не было счастливей человека, чем он, когда «динозавров» отправили под нож. Страх отпустил! Не работа была, а надругательство над людьми...

Тот же страх подтачивал и тех, кто заварил «трапную эпопею». Угодить — еще не значит хорошо и надежно сделать. Потому-то с такой легкостью вынесли смертный приговор так ни разу и не побывавшим в работе трапам-эскалаторам. Причина? Веская: «не решен вопрос перемещения пассажиров при помощи двигающейся лестницы с уровня земли». Пять неподвижных ступенек, которые нужно пройти пешком, оказались не по силам Леониду Ильичу. Да, не растерялись в Аэрофлоте! Не мешкая, закупили заморский трап! Валютой было плачено. А главное — можно было, не передвигая ногами, оказаться в салоне самолета... Только не пришлось попользоваться чудо-техникой. Тем, для кого она покупалась. Помешал апрельский ветер восемьдесят пятого. Отправили своих «динозавров» в металлолом, а заморского — в спецхранилище. Там и стоит до сих пор.

Для информации: через аэропорт Внуково за год проходит, не считая стариков и детей, в среднем более тридцати тысяч больных авиапассажиров. Три с половиной тысячи калек вносят в самолеты носильщики. Остальные больные — хромые, в корсетах, на костылях — карабкаются в салон по трапу самостоятельно. У каждого впереди — двадцать ступенек. Крутых и неподвижных.

«НЕЗНАМЕНИТАЯ

М. И. СЕМИРЯГА,
доктор исторических наук, профессор

Почти 50 лет назад — 30 ноября 1939 года — произошло событие, которое потрясло народы Советского Союза и Финляндии, вызвало озабоченность во многих странах мира. Между СССР и Финляндией разразилась война.

В стране Суоми ее именуют «зимней», а у нас, с легкой руки Александра Твардовского, она сохранилась в памяти старшего поколения как война «незнаменитая». Быть может, из-за этой своей «незнаменитости» в учебниках и научных трудах ей уделяют столь скромное внимание. Нередко даже меньше, чем, скажем, Хасану или Халхин-Голу, а то и вовсе не упоминают о ней. И напрасно.

Ведь тогда, в то морозное утро, на границе с Финляндией начался не просто ординарный «военный конфликт», а настоящая война со всеми ее специфическими признаками. Она продолжалась 105 дней. В ходе боев со стороны Финляндии были задействованы практически все ее вооруженные силы — 10 дивизий, 7 специальных бригад и военизированная организация шюцкор — всего около 400 тысяч человек. С нашей стороны в марте 1940 года — в период наибольшей концентрации войск, в активных боевых действиях участвовали 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, несколько десятков отдельных бригад и полков, входивших в специально сформированный Северо-Западный фронт (две армии) под командованием командарма I ранга С. К. Тимошенко, и, кроме того, трех армий, которые действовали от Ладожского озера до Баренцева моря. На их вооружении было 11 266 орудий и минометов, 2998 танков, 3253 боевых самолета. Сухопутные войска поддерживали корабли Краснознаменного Балтийского и Северного флотов и Ладожской военной флотилии. Численность этой крупной группировки сухопутных войск, ВВС и сил флота составляла около 960 тысяч человек.

Что еще известно о той войне?.. 26 ноября 1939 года в районе находящегося на советской территории селения Майнилы произошел инцидент, в ходе которого, как сообщалось в советской печати, были жертвы среди советских военнослужащих. «Последовало,— как вспоминает командующий в то время войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецков,— правительственное заявление со стороны СССР, и в 8 часов утра 30 ноября регулярные части Красной Армии приступили к отпору антисоветских действий. Советско-финляндская война стала фактом».

В ходе боевых действий обе стороны несли большие потери. С нашей стороны погибло и пропало без вести 70 тысяч человек, число раненых и особенно обмороженных составило 176 тысяч человек. Наши воины, выполняя приказы командования, проявляли массовый героизм. Около 50 тысяч из них награждены орденами и медалями, а 405 бойцов и командиров стали Героями Советского Союза. Потери финнов (по их официальным данным) составили 23 тысячи убитых и пропавших без вести, а также около 44 тысяч раненых.

Война завершилась 12 марта 1940 года заключением мирного договора.

Но если военным аспектам этого события в нашей исторической литературе еще уделяется какое-то внимание, то его политическим проблемам явно не повезло. Между тем напоминание о них может помочь нам несколько разностороннее и глубже взглянуть на происхождение, характер войны и ее последствия.

В чем причины конфликта? Ведь в 20—30-е годы на советско-финляндской границе происходило немало всевозможных инцидентов самого различного характера. Обычно они разрешались дипломатическим путем и в конечном счете дело не доходило до открытых вооруженных столкновений.

В политическом плане эти причины можно понять, только рассматривая войну в рамках сложившейся в 20-е годы в мире общей ситуации, которая была исключительно сложной и противоречивой. Столкновение групповых интересов на почве разделения сфер влияния в Европе и на Дальнем Востоке создало реальную угрозу конфликта глобального масштаба. Позже, в сентябре 1939 года, так оно и случилось... Уже после того, как началась вторая мировая война, главным фактором, предопределившим, на мой взгляд, советско-финляндский конфликт, был характер политической обстановки в регионе Северной Европы, особенно двухсторонних отношений между СССР и Финляндией. На протяжении почти двух десятилетий, после того как Финляндия в результате Великой Октябрьской социалистической революции в России стала независимым государством, ее отношения с Советским Союзом развивались весьма сложно и противоречиво. Хотя между РСФСР и Финляндией 14 октября 1920 года был заключен Тартуский мирный договор, а в 1932 году — пакт о ненападении, который двумя годами позже был продлен на 10 лет, что-то в действиях Финляндии вызывало особую озабоченность советского руководства.

Что именно?

Да, были порой провокационные претензии на советскую территорию, воинственные выпады шюцкоровцев... Разумеется, сама Финляндия не могла напасть на Советский Союз, однако советское руководство не исключало, что какая-нибудь держава Запада могла даже без ее согласия использовать территорию в агрессивных целях. Когда нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов поставил этот вопрос перед министром иностранных дел Финляндской Республики Р. Холсти, посетившим Москву в феврале 1937 года, то ответа не было дано ни тогда, ни позднее. Более того, в начале 1938 года финляндские власти строили планы ремилитаризации Аландских островов в нарушение своих обязательств по международной конвенции 1921 года, что непосредственно задевало интересы Советского Союза.

Шло время, но улучшения советско-финляндских отношений не наблюдалось. В сентябре 1938 года состоялся Мюнхенский сговор, затем Германия оккупировала Чехию и открыто взяла курс на удовлетворение своих экспансионистских замыслов вооруженным путем. Война стояла у порога многих стран.

В такой обстановке в марте 1939 года советское руководство по дипломатическим каналам предложило следующее: СССР гарантирует неприкосновенность Финляндии, предоставляет ей необходимую помощь против возможной агрессии, поддержит ходатайство относительно пересмотра статуса Аландских островов. В порядке встречных мер Финляндия должна будет сопротивляться любой агрессии, оказать Советскому Союзу содействие в укреплении безопасности Ленинграда и с этой целью предоставить Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет остров Сурсари (Гогланд) и несколько других мелких островов в Финском заливе.

Финляндия, ссылаясь на свой нейтралитет, к этой идее интереса не проявила. Переговоры были прерваны.

Какие же следующие меры в такой, казалось, безнадежной ситуации должны были предпринять Советский Союз и Финляндия, чтобы все-таки вывести переговоры из тупика? Очевидно, оптимальным виделся путь отказа Советского Союза от выдвижения требований, явно задевающих суверенитет Финляндии, и настойчивого продолжения политических переговоров. Любой другой путь, прежде всего военный, неизбежно вел в тупик, к еще большему нагнетанию обстановки.

Правительства обеих стран решили действовать по параллельным направлениям: не отказываясь от политических переговоров, они начали предпринимать опасные меры, причем военного характера. Советский Союз — наступательные, а Финляндия — оборонительные. Усиливались финские контакты по военной линии с Англией, Швецией, даже Германией. В Хельсинки частыми гостями стали высокопоставленные военные деятели этих стран. Финнам оказывалась помощь в совершенствовании линии укреплений вдоль границы с СССР — так называемой линии Маннергейма. В водоворот военных приготовлений одновременно включился Советский Союз. В начале марта 1939 года К. Е. Ворошилов приказал только что назначенному командующему войсками Ленинградского военного округа командарму 2 ранга К. А. Мерецкову проверить готовность войск на случай... военного конфликта с Финляндией. При этом он сослался на прямое указание И. В. Сталина. Весной и летом того же года в округе развернулось крупное строительство, были приняты меры по подготовке личного состава к условиям, приближенным

ВОЙНА»

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА О СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939—1940 ГОДОВ

к боевым, совершенствовалась структура пограничных войск. Все это, разумеется, не оставалось не замеченным финской стороной, беспокоило ее.

В конце июня 1939 года у И. В. Сталина с участием одного из руководителей Исполкома Коминтерна О. В. Куусинена и К. А. Мерецкова состоялось очередное обсуждение обстановки в Финляндии и на советско-финляндской границе. Сталин оценил ее как тревожную, хотя сам внес вклад в осложнение этой обстановки. Неудачный ход, а затем провал советско-англо-французских военных переговоров в Москве были использованы Сталиным как подтверждение своего предположения. Новую ситуацию создало заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года. Как отмечает финская печать, в секретном приложении к этому договору Финляндия была отнесена к сфере советского влияния.

Командующему ЛВО было приказано срочно подготовить план «прикрытия и контрудара», тайно форсировать подготовку войск и ускорить военное строительство. Расчет строился на том, что «контрудар» должен быть осуществлен в максимально короткие сроки. (Странно лишь, почему эти действия назывались «контрударом». Ведь никто серьезно не рассчитывал на опасность «удара» с финской стороны). Мнение начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова о том, что подобный контрудар, возможно, потребует больших усилий и трудной войны, просто игнорировалось. Все эти приготовления в районе Ленинграда вскоре стали известны в Хельсинки. Они, да еще когда нервы напряжены до предела, неизбежно вели к обострению обстановки, независимо от того, на что были нацелены, ибо, как известно, в театральных представлениях висящее на сцене ружье должно рано или поздно обязательно выстрелить.

Справедливости ради следует сказать: стороны не теряли надежды на политическое урегулирование возникшего спора. Свидетельством тому стало решение о возобновлении переговоров представителей обеих стран с 12 октября 1939 года.

Для ведения переговоров был назначен опытный дипломат Ю. Паасикиви, которому, однако, финское правительство не дало полномочий на подписание каких-либо соглашений с СССР. В отличие от предыдущих, переговоры происходили уже в условиях второй мировой войны, что **должно** было вызывать у партнеров особое чувство ответственности.

На переговорах Сталин предложил заключить советско-финляндский пакт о взаимопомощи по образцу подобных договоров, заключенных в конце сентября — начале октября с Латвией, Литвой и Эстонией. Один из пунктов этих документов предусматривал дислокацию контингента советских войск и создание военных баз на территории этих стран. Финляндия, опасаясь, что и на ее территории появятся такие базы, отвергла предложение, заявив, будто это противоречило бы занятой ею позиции нейтралитета.

Советское правительство тут же внесло новое предложение: на Карельском перешейке отодвинуть на несколько десятков километров границу, передать Советскому Союзу несколько островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на двойную по размерам территорию в Советской Карелии, сдать в аренду, либо продать или обменять полуостров Ханко для строительства на нем советской военно-морской базы. Последнее предложение особенно беспокоило финнов и на одном из заседаний обеих делегаций Паасикиви заметил, что территориальный вопрос должен решаться только сеймом, причем для положительного решения нужно иметь две трети голосов. На это Сталин отреагировал так: «Вы получите больше, чем две трети, а плюс к этому еще наши голоса учтите». Слова были восприняты финской стороной как неприкрытая угроза применить силу в случае несогласия сейма.

Ответ финляндского правительства 31 октября гласил, что, учитывая международное положение и абсолютный нейтралитет Финляндии, оно не может уступать Ханко или другие острова, но готово сделать другие большие уступки. Появилась возможность достигнуть некоторого прогресса.

И тут свое слово сказал министр финансов, лидер правых социал-демократов В. Таннер, который сделал все возможное, чтобы точка зрения Паасикиви не получила поддержки в Хельсинки. 13 ноября переговоры финской стороной были прерваны, и ее делегация покинула Москву, так как, по словам министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко, у нее есть «более важные дела»...

Как следует расценить советские предложения и какую меру ответственности несут партнеры за срыв переговоров?

На первом предвоенном этапе переговоров некоторые советские предложения, направленные на обеспечение безопасности непосредственно Ленинграда, можно характеризовать как в целом справедливые, а правительство Финляндии не проявило достаточной гибкости, что, кстати, признают сами финны.

Последовавшие после срыва переговоров события несли опасность того, что военный путь станет для советского руководства приоритетным в разрешении спора. Стороны смотрели друг на друга только через «прорезь прицела винтовки», позабыв уроки истории о том, что обращение к пушкам — последнее средство королей, но никак не государственных деятелей цивилизованного XX века.

Так или иначе, стороны активизировали свои военные приготовления. На Карельском перешейке продолжали сосредоточиваться советские войска, на полевые аэродромы в полной боевой готовности прибывала авиация, была образована Мурманская армейская группа. В печати стали все чаще появляться статьи о Финляндии только в негативном плане. Финляндия также увеличила число дивизий на Карельском перешейке с двух-трех до семи, начала эвакуацию населения не только из пограничных районов, но и из Хельсинки и других крупных городов. Лишь в октябре было эвакуировано более 150 тысяч человек. Продолжалась интенсивная модернизация линии Маннергейма, шоссейных дорог и аэродромов. Была объявлена массовая мобилизация в регулярную армию и в военизированную организацию шюцкор. Маршал Маннергейм был назначен главнокомандующим финскими вооруженными силами.

В такой напряженной обстановке инциденты в Майниле и в других местах советско-финляндской границы стали вполне логичным ее выражением. Чтобы разрядить обстановку, нужно было желание с обеих сторон и прежде всего располагавшего большей военной мощью Советского Союза. Есть ли доказательства того, что Советское правительство в те тревожные дни продемонстрировало подобное желание? Становилось очевидным: для удовлетворения своих предложений оно взяло курс на негодный метод решения спора — силовой. Более того, предприняло шаги, которые могли бы дать повод для различных мнений относительно последующих целей Советского Союза в Финляндии.

Возьмем, например, уже упоминавшийся инцидент в Майниле, который, собственно, и стал поводом для военного решения спора. В соответствующей ноте Советского правительства, врученной посланнику Финляндии в Москве, с поразительной и подозрительной оперативностью — буквально через несколько часов после инцидента — отмечалось, что советская сторона не намерена «раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии». Советская нота требовала от финнов отвести свои войска на Карельском перешейке на 20—25 километров.

В ответной ноте правительство Финляндии отрицало факт провокации со стороны своих войск и после проведенного одностороннего расследования допускало, что «дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне». Важно при этом подчеркнуть, что в финской ноте предлагалось «совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года», и изъявлялась готовность «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы».

Казалось, разумное предложение можно было принять и под инцидент подвести черту. Однако в следующей ноте от 28 ноября 1939 года Советское правительство квалифицировало финскую ноту как «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами». Советская сторона фактически отказывалась от совместного расследования инцидента, обвинила финскую сторону в нарушении пакта о ненападении и заявила, что она «считает себя свободной от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении».

Вечером 29 ноября из Хельсинки были отозваны политические и хозяйственные представители Советского Союза.

Хотя официально состояние войны Советским Союзом не было объявлено, но приказ войскам Ленинградского военного округа за подписью Мерецкова и Жданова потребовал от войск «перейти границу и разгромить финские войска». В приказе содержалось нечто такое, что далеко выходило за рамки обеспечения безопасности города на Неве. В нем, например, сказано, что «мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов». 30 ноября 1939 года в 8 часов утра войска Красной Армии начали военные действия. В тот же день президент Финляндии Каллио сделал следующее заявление: «В целях поддержания обороны страны Финляндия объявляет состояние войны».

В последующие дни в нашей пропаганде тезис об «обеспечении безопасности Ленинграда» как будто бы был напрочь забыт и подчеркивались только «освободительные цели» Красной Армии в отношении Финляндии. В утверждении, будто финские трудящиеся ждут своего «освобождения от эксплуатации» с помощью советских штыков, видны иллюзорные и догматические взгляды на ситуацию, которые, к несчастью, были тогда весьма распространены и в советской пропаганде, и в мировом коммунистическом движении. Причем не только в отношении Финляндии.

Вот какие заголовки отчетов о происходивших тогда по стране многочисленных митингах трудящихся «в поддержку решительных мер» Советского правительства пестрели в советских газетах: «Ответить тройным ударом!», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам!», «Долой провокаторов войны» и тому подобное. Пропагандистскими штампами стали тогда такие выражения, как «белофинские бандиты», «финская белогвардейщина», «Белофинляндия»... Известный

в те годы поэт В. Лебедев-Кумач накануне и в течение первых дней войны опубликовал в «Известиях» несколько стихотворений, в которых также не стеснялся в выражениях, «гневно» осуждая «финских поджигателей войны».

В ответном духе недоброжелательности велась пропагандистская кампания и в Финляндии. После того как управление страной перешло к военному кабинету, была объявлена мобилизация, введена всеобщая трудовая повинность. Рабочих призывали «бороться против большевистского фашизма». Антисоветская кампания постоянно нагнеталась и достигла особого накала уже в ходе боевых действий.

Итак, заговорили пушки. Дипломатам, стало быть, делать нечего? В данном случае, имей они желание, кровопролитие могло быть остановлено при посредничестве третьих стран или с помощью Лиги Наций, членами которой были СССР и Финляндия. Однако в первые же дни войны Молотов отверг предложение Финляндии, переданное через шведского посланника в Москве, о возобновлении переговоров. После этого 3 декабря 1939 года постоянный представитель Финляндии в Лиге Наций проинформировал ее, что утром 30 ноября 1939 года советские войска напали «не только на пограничные позиции, но также и на открытые финляндские города», что Советский Союз денонсировал пакт о ненападении, срок действия которого истекал только в 1945 году.

Если Финляндия, как утверждалось советской стороной, действительно спровоцировала войну и являлась агрессором, а СССР стал ее жертвой, то логично было бы ожидать, что не Финляндия, а СССР должен был обратиться в Лигу Наций с соответствующей жалобой, прежде чем применять силу. Однако этого предпринято не было. Более того, на соответствующий запрос Лиги Наций Молотов 4 декабря в категорической форме отверг ее вмешательство и заявил, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финскому народу». В ответе от 14 декабря 1939 года на соответствующее предложение Лиги Наций Молотов отказался участвовать в заседаниях Совета и Ассамблеи Лиги Наций.

В течение нескольких дней международная организация продолжала безуспешно искать возможности прекращения войны. 14 декабря она осудила действия Советского Союза и по инициативе некоторых стран Латинской Америки исключила его из своих членов. В сообщении ТАСС от 16 декабря по этому поводу было снова заявлено, что Советский Союз не ведет войну с Финляндией, а Лиге Наций был дан «совет», чтобы она «содействовала прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, а не разжигала войну на северо-востоке Европы».

Спорным, если не сказать более определенно, является еще один политический шаг, предпринятый в те дни Сталиным и Молотовым. На следующий день после начала боевых действий в Москве было заявлено, что Советскому правительству путем «радиоперехвата стало известно», что в только что освобожденном финском городе Териоки (ныне Зеленогорск) «левыми силами» Финляндии было сформировано «правительство Демократической Финляндской Республики» во главе с видным деятелем Коминтерна и коммунистического движения в Финляндии О. Куусиненом. В те же дни было сообщено, что Центральный Комитет Компартии Финляндии (опять-таки путем «радиоперехвата», хотя ЦК партии находился на территории СССР) обратился к трудовому народу с призывом свергнуть правительство страны, не следовать за «предательскими вождями финской социал-демократии», которые «сомкнулись с поджигателями войны», и создать народное правительство. Одновременно было подчеркнуто, что Финляндия не будет советской и не вступит в состав СССР, но заключит с ним пакт о взаимопомощи.

Тогда же «правительство ДФР» объявило о заключении «Договора о взаимной помощи и дружбе» с СССР и провозгласило недействительным правительство Финляндской Республики в Хельсинки. «Правительству ДФР» в качестве его вооруженных сил советским командованием передавался корпус в составе двух дивизий, которые формировались из советских граждан финской и карельской национальности в соответствии с приказом Ворошилова от 11 ноября 1939 года. Корпусом командовал финн по происхождению комдив А. Анттила. Совместно с частями Красной Армии корпус участвовал в боях на северном участке фронта.

В финской историографии идет дискуссия о том, какая сторона — советское руководство или Компартия Финляндии — была инициатором создания этого «правительства». Но независимо от выяснения этого вопроса поддержка советским руководством импровизированного (хотя эта идея и обсуждалась до начала войны) решения о создании «правительства ДФР» расценивалась в официальных кругах и пропагандой на Западе как покушение СССР на суверенитет Финляндии и, таким образом, нанесла политический и моральный ущерб Советскому Союзу. В начале марта 1940 года, когда практически встал вопрос о заключении мира с правительством Финляндской Республики, «правительство» О. Куусинена объявило о самороспуске.

Период с начала января 1940 года был насыщен весьма активной дипломатической деятельностью с целью прекращения кровопролития. В нее включились и некоторые видные общественные деятели Финляндии и Скандинавских стран. Так, по заданию Таннера в Стокгольм 15 января для встречи с советскими представителями с целью зондажа прибыла финская писательница Хелла Вуолийоки. После неоднократных согласований с советским посланником в Швеции А. М. Коллонтай 21 января состоялась встреча Вуолийоки с прибывшими из Москвы советскими представителями. Одновременно к посреднической миссии подключилось и правительство Швеции. В беседе с А. М. Коллонтай премьер-министр А. Хансон подчеркнул заинтересованность в ускорении окончания, как он выразился, «интермеццо» в Финляндии. Далее он сказал: «При затяжке конфликта еще на 2—3 месяца кабинету будет крайне трудно отводить нажим «интервенционистов...» (так назывались в Швеции сторонники вмешательства Англии и Франции в советско-финляндскую войну). И затем А. Хансон сообщил А. М. Коллонтай: «Неужели не ясно в Москве, что если вы сейчас придете к соглашению с правительством Рюти — Таннера, это будет самым горьким ударом для Англии». Если конфликт затянется, завершил беседу шведский премьер-министр, то Англия создаст в Скандинавии свой плацдарм и перенесет сюда войну.

Дипломатическую активность проявило и правительство Норвегии. Норвежский министр иностранных дел Х. Кут в январе 1940 года направил А. М. Коллонтай пространное письмо, в котором, обвинив финнов в неуступчивости, изложил свой план ликвидации конфликта. Суть его сводилась к следующему: Финляндия могла бы заключить специальный пакт с СССР и Эстонией о безопасности Финского залива и рассматривать его как закрытую акваторию для иностранных военных судов, и совместно защищать ее. Такой пакт мог бы заменить пакт о взаимопомощи, предложенный Советским Союзом, но не принятый Финляндией со ссылкой на свой нейтральный статус. Данный документ мог быть дополнен пактом между Финляндией и Швецией с целью нейтрализации Ботнического залива. Кут предложил свое посредничество в организации возможных переговоров между СССР и Финляндией.

Однако обстановка оставалась все же крайне неясной. Правительство Великобритании на запрос Советского Союза отказалось от посреднической роли. Позиция финляндского правительства и сейма была двусмысленной. Лишь 1 марта в связи с безнадежным положением на фронте и под давлением высшего командного состава, и прежде всего Маннергейма, правительство Финляндии согласилось на мирные переговоры, о чем и было сообщено Коллонтай. В столице Швеции говорили тогда, что если бы полпредом здесь была не Коллонтай, то Швеция уже была бы втянута в конфликт и воевала бы с русскими. Эта уже немолодая женщина, перенесшая накануне первый инсульт, несла тяжкое бремя напряженных предварительных мирных контактов. Рассказывают, что автомобиль советского полпреда в те дни постоянно стоял у подъезда на площади Густава-Адольфа, где находилось шведское министерство иностранных дел.

Согласившись на переговоры, тем не менее финляндское правительство не торопилось посылать делегацию в Москву. В этой обстановке по-прежнему важную роль играла миротворческая позиция Швеции и Норвегии. 5 марта шведское правительство заявило финнам, что оно не пропустит через свою территорию англо-французские войска, и настоятельно посоветовало Финляндии немедленно прекратить боевые действия и выслать делегацию в Москву для мирных переговоров.

После некоторых препирательств и колебаний утром 5 марта в Хельсинки было решено не обращаться за помощью к Западу и принять советские мирные условия. Шведы срочно передали в Москву эту важную новость и, со своей стороны, предложили финнам прекратить военные действия с 6 марта. Правда, в этот день война еще продолжалась, но зато утром следующего дня финская мирная делегация во главе с Рюти вылетела из Стокгольма в Москву. В ее составе был и Ю. Паасикиви. В итоге четырехдневных переговоров 11 марта финляндский кабинет и внешнеполитическая комиссия сейма приняли советские условия.

На следующий день в 22 часа мирный договор был подписан.

Как же развивались советско-финляндские отношения после заключения мирного договора и как «зимняя война» повлияла на них? Спорные вопросы действительно были урегулированы в пользу Советского Союза. В соответствии с мирным договором в состав территории СССР вошли весь Карельский перешеек (включая город Выборг), Выборгский залив с островами, западное и северное побережья Ладожского озера, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего и некоторые другие небольшие территории. Финляндия сдала Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко, а СССР обязался вывести свои войска из области Петсамо. Это означало, что хотя и дорогой ценой, но стратегические позиции СССР на северо-западе были улучшены. Теперь расстояние от Ленинграда до новой границы составляло 150 километров.

Решение Советского правительства предложить Финляндии мир явилось своевременным и дальновидным. Его реалистичность состояла в том, что при дальнейшей затяжке войны в нее могли быть втянуты державы Запада. Известно, что в ряде стран Западной и Северной Европы, особенно в Швеции и Норвегии, в том числе и по просьбе финляндского правительства, развернулась кампания по набору добровольцев для участия в войне на стороне Финляндии. Всего прибыло 11 тысяч таких добровольцев, в том числе шведов 8 тысяч, норвежцев одна тысяча, датчан 600, остальные — из других стран. Все они не имели достаточной военной подготовки, поэтому к 1 марта 1940 года на фронт были направлены только два батальона и две артиллерийские батареи. В ходе войны Финляндия получила от Англии, Франции и некоторых других западных держав 500 орудий, 350 самолетов, свыше 6 тысяч пулеметов, около 100 тысяч винтовок, 2,5 миллиона снарядов и другого вооружения и снаряжения.

С позицией Англии и Франции солидаризировались и Соединенные Штаты Америки. В январе 1940 года конгресс США одобрил продажу Финляндии 10 тысяч винтовок, в Хельсинки была послана большая группа американских военных летчиков, поощрялся набор добровольцев, причем Белым домом было заявлено, что вступление американских граждан в финскую армию не противоречит закону о нейтралитете США.

Позиция фашистской Германии в тот период была двуличной. В первый же день советско-финляндской войны Германия официально объявила, что прекращает военную помощь Финляндии, и заявила о ее возобновлении лишь после заключения мирного договора. Однако на деле с разрешения Геринга через территорию Германии осуществлялся транзит военных материалов из Италии.

Военные органы Германии, Италии и их противников на Западе как в ходе советско-финляндской войны, так и особенно после ее окончания внимательно изучали состояние и действия советских войск. Военные атташе этих стран в своих донесениях были единодушны в оценке упорства советского солдата и высокой эффективности массированного применения артиллерии, танков и авиации. Однако весьма критически они отзывались о профессионализме советских командиров всех рангов, их неумении организовать взаимодействие на поле боя, беззаботности относительно жизни и здоровья красноармейцев. В донесениях иностранных послов и военных атташе отмечался крайне низкий уровень воинской дисциплины в Красной Армии. На основании этих донесений в столицах западных держав делали вывод об общей слабости СССР в военном отношении. В Лондоне и Париже считали, что Советский Союз не может рассматриваться как серьезный партнер в возможных переговорах о военном сотрудничестве, а в Берлине господствовало мнение, будто СССР — колосс на глиняных ногах, с которым нетрудно будет справиться в предстоящем военном столкновении...

Итоги войны были обсуждены на внеочередном Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в марте 1940 года, сразу же после прекращения военных действий. Затем в середине апреля состоялось расширенное заседание Главного военного совета с участием руководящего командного состава Действующей армии вплоть до командиров дивизий. Было признано, что в ходе войны Красная Армия приобрела некоторый боевой опыт. Вместе с тем отмечалось, что война стоила лишних жертв, которых можно было избежать, были приняты предложения о коренном улучшении вооружения, организации, обучения и воспитания войск.

Прошло чуть более года, и произошло событие, которое еще более ухудшило советско-финляндские отношения. Финский народ был втянут в агрессивную войну против Советского Союза, которая причинила советским людям много горя и страданий. И лишь перемирие с Финляндией в сентябре 1944 года, затем Парижский мирный договор 1947 года, а также подписанный в 1948 году Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи создавали подлинно благоприятные условия для добрососедства и делового сотрудничества Финляндии с Советским Союзом.

Борис СМИРНОВ

«ВОЛГА» ПРОТИВ «ВОЛЬВО»

«ВОЛЬВО» ПОД АРЕСТОМ» — ТАК НАЗЫВАЛСЯ МАТЕРИАЛ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В «ОГОНЬКЕ» № 49 ЗА 1987 ГОД. КОРОТКО НАПОМНЮ О ТОЙ ДАВНЕЙ ИСТОРИИ: НАЧАЛЬНИК УЧАСТКА ПО РЕМОНТУ АВТОМОБИЛЕЙ ФИРМЫ «ВОЛЬВО» ПРИ МОСКОВСКОМ АВТОТЕХЦЕНТРЕ Т. А. ШАПАТАВА ЗАТЕЯЛ СПОР С ОДНИМ ИЗ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ, ПЫТАЯСЬ НАВЯЗАТЬ ДИПЛОМАТАМ СВОИ УСЛОВИЯ РЕМОНТА. «МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНФЛИКТ» В МАСШТАБАХ АВТОСЕРВИСА ЗАКОНЧИЛСЯ ВЫГОВОРОМ ШАПАТАВЕ, И НА ЭТОМ МОЖНО БЫЛО БЫ ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ. ЖУРНАЛ ЗАНИМАЛСЯ КУДА БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫМИ СОБЫТИЯМИ, ПРОИСХОДЯЩИМИ В МИРЕ, И МЫ НЕ СТАЛИ ВВЯЗЫВАТЬСЯ В ПОЛЕМИКУ С НАЧАЛЬНИКОМ УЧАСТКА, СТОЛЬ НЕОБЫЧНО ПРЕВЫСИВШИМ СВОИ СЛУЖЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ.

А Шапатава, несмотря на очевидные факты и официальные документы, так и не пожелал признать своей вины — стучался в «высокие» двери, писал письма и даже требовал от «Огонька» опровержения на основании того, что руководит он участком не в двенадцать человек, как было сказано в заметке, а в девятнадцать. Впрочем, в судебном порядке восстановить оскорбленную таким образом честь и достоинство он все же не решился.

К чему, казалось бы, все это вспоминать? Да к тому, что жизнь нам лишний раз напоминает: половинчатые меры дела не завершают. Ведь в той «огоньковской» заметке говорилось о втором, невидимом слое курьезного случая с арестом «Вольво» — о таинственных покровителях, всеми способами оберегающих засевших в автосервисе дельцов. «Пишутся разгромные статьи, говорятся строгие слова, а дело к лучшему не меняется. Словно чьи-то заботливые ладони укрывают эту службу, и ветер перемен доносится сюда лишь слабым колыханием» — так говорилось в той публикации, но эти слова, ради которых, собственно, и было написано все остальное, еще раз ушли в небытие, словно вода в песок. И снова, в который уж раз, приходится вспомнить банальную мораль: безнаказанность ведет к вседозволенности.

Снова в московском автосервисе на все лады склоняют фамилию Шапатавы. Нет, на этот раз обошлось без международных инцидентов: история куда более заурядная. Оказывается, купил себе Тамази Амиранович в комиссионном магазине «Волгу» престижной модели «3102» и, хотя машина досталась ему, по общепринятым меркам, достаточно «свежая» (всего 66 тысяч километров пробега), решил он ее как следует обновить. Что же, и это понятно — красиво жить не запретишь! Тем более если у тебя в распоряжении целый цех, оборудованный по последнему слову авторемонтной техники.

По документам вроде бы все в порядке, никакого криминала: получено разрешение на ремонт принадлежащей т. Шапатаве машины, гос. номер С 08-80 ММ, от директора техцентра «Кунцевский» В. М. Михлина; есть акт осмотра, калькуляции, заявка от автовладельца — все на месте. Впрочем, если присмотреться, не совпадают даты: оказывается, владелец сначала поставил свою машину на ремонт, а уже потом стал оформлять необходимые документы... Ладно, не будем формалистами, нарушение-то пустяковое, хотя на глазах у своих подчиненных начальник участка мог бы вести себя потактичнее, но пусть об этом судит сам штат коллектива участка «Вольво», который некогда так активно защищал своего начальника в коллективном письме в «Огонек». Но дружный коллектив на этот раз промолчал, даже когда всем стало ясно, что под видом незначительного ремонта (первоначальная заявка была рублей на двести) их начальник хочет полностью реставрировать свою машину (окончательная калькуляция — на тысячу сто восемьдесят рублей 54 копейки). Что, дело хозяйское? Не совсем: пока дружный коллектив был занят тем, что одни детали с машины начальника снимал, другие изготавливал заново, что-то реставрировал, что-то там варил, что-то менял,— весь месячный ритм работы цеха был нарушен. Иностранные клиенты зря надеялись в те дни отремонтировать в Кунцеве свои неисправные машины — им было объявлен, как говорится, от ворот поворот. Видите, и так бывает, что их «Вольво» против нашей «Волги» — просто тьфу... Но заодно пришлось бы плюнуть и на месячный план, а это ощутимо было по карману. Так или иначе, но пятеро ремонтников все же не выдержали и подали в дирекцию служебную записку: так, мол, и так, разберитесь!

Стали разбираться. Установили и то, что реставрация «Волги» ведется обманным путем, что поведение Шапатавы не только неэтично, но и противозаконно, да и прочие грешки за ним проявились: намеренная путаница с очередью клиентов, анекдотичные отчеты о расходе дефицитной импортной краски. А подаренный фирмой «Вольво» балансировочный станок (прекрасная «кормушка» в ловких руках!) вообще исчез бесследно... Кстати, если случайно встретите в кооперативном или частном гараже этот станочек с маркой «Хофманн»,— обратите внимание!

Итогом проверки был приказ по техцентру «Кунцевский»: уволить Шапатаву. На участке «Вольво» прошло общее собрание, я читал его протокол: когда был объявлен приказ, только один человек поинтересовался: все ли подтверждается юридически? И тут же стали обсуждать текущие дела, больше не вспомнив о прежнем начальнике...

Может, коллектив участка «Вольво» снова обидится на наш журнал — мол, не слишком-то симпатично они выглядят? Я чуть позже постараюсь уточнить свое мнение на этот счет, но сейчас еще немного о Шапатаве. Нет, не о том, что он не согласен с этим приказом,— амбиции, увы, остались прежними: дело в том, что вновь за спиной своевольника встают хоть и незримые, но вполне ощутимые тени.

А ведь за этот год многое в московском автосервисе изменилось. Пришел новый генеральный директор — точнее, вернулся на прежнее место, выиграв конкурс претендентов, работавший здесь ранее С. Н. Петроченков. Я помню основу его предвыборной речи: учесть прежние ошибки, сплотить коллектив общей целью, найти новые подходы к наболевшим вопросам... Как скажутся эти планы на деле — надеюсь, «Огонек» обсудит отдельно, но стремление искать проблему не «в показателе», а «в человеке» мне, например, видится верным в самой своей сути. Особенно в техцентре «Кунцевский», где в минувшие годы мне пришлось стать свидетелем многих конфликтов из-за проблем, прямо иль косвенно вызванных чьими-то личными качествами. Значит, качества хорошие надо развивать, от качеств плохих избавляться... Аксиома! Медленно, болезненно, но все же на техцентре двинулся вперед процесс очищения. История с Шапатавой в нем — не первая и, надо думать, далеко не последняя. И вдруг — новость: именно этот приказ, оздоравливающий участок «Вольво», не утверждается!

Как раз с этого момента я и вернулся, можно сказать, к тому давнему инциденту на участке «Вольво», который считал для «Огонька» давно минувшим делом. Нет, видно, времена меняются, а связи сохраняются... Звоню генеральному директору Петроченкову: мол, как же так, объявлена борьба за порядок во всем, а на деле... «Нет,— отвечает Семен Николаевич,— не мое это «торможение», сам удивлен, инициатива исходит из главка». Звоню в Мосавтотранс, заместителю генерального директора Б. И. Прудникову. «Нет,— слышу в ответ,— я знаком с вопросом, но решает его зам. по кадрам». «Да,— отвечает другой заместитель, В. С. Добычин,— будем решать этот вопрос, но я его пока не проработал, позвоните в конце недели». Я, как условились, позвонил, но теперь в ответ на самый невинный вопрос: «Ваше мнение?» — на меня обрушился целый поток упреков типа: «зачем торопите», «это наше внутреннее дело», «не могу, когда на меня давят», «вы мешаете работать...». В конце концов Валентин Сергеевич пообещал, «составив мнение», позвонить сам, но до сих пор звонка я не дождался.

Собственно говоря, я не очень-то рассчитывал узнать откровенное мнение главка о его автосервисном ведомстве: «Огонек» много раз так или иначе критиковал эту службу, и в лучшем случае мы получали формальные отписки. Никогда не признавалось, что факты подтверждаются полностью, зато год-полтора спустя нередко в приказах главка вдруг повторялись выводы, давно уже названные печатью... Ну, да ладно, что главк: ни разу мы не получали официального мнения из Советского райкома партии Москвы, хотя проблемы партийной жизни в коллективе подчиненного райкому автосервиса муссируются там, судя по всему, постоянно. Никогда не откликалась на сигналы «Огонька» районная прокуратура, а ведь автосервис и здесь, увы, постоянный клиент. В чем же причина, почему так трудно добиться решительных слов с оценкой столь близких, казалось бы, каждому этому ведомству дел?

Не буду лукавить, словно не могу и сам ответить на этот заданный в пространство вопрос. Помню, один из ответственных работников сформулировал свое пояснение примерно так: «Все мы люди, у всех есть свои машины, которые время от времени ломаются...» От себя, к сожалению, добавлю, что эту фразу я услышал в знаменитом доме на Петровке, 38, правда, лет пять тому назад. Но и сейчас можно утверждать (говоря о тайных «покровителях» автосервиса), что машины, верно, есть у многих, да вот «Вольво» — не у каждого!

Я просто забыл напомнить для несведущих, что столь часто упомянутый выше участок «Вольво» ремонтирует не только машины с красно-белыми номерными знаками иностранных посольств, но и с бело-черными табличками — машины обычных москвичей. Слово «обычных» следует, конечно, взять в кавычки: заглянешь в кабину к такому «обычному» и увидишь знакомое по газетным портретам лицо космонавта либо гроссмейстера, солиста балета или популярного поэта, либо лицо хоть и незнакомое, но с виду, бесспорно, ответственное и с международным глянцем, либо вовсе лицо не знакомое и даже с виду совершенно незначительное, но кто-нибудь рядом непременно шепнет тебе, что это лицо не само по себе, а родственно лицу такому-то, либо такое увидишь за полированным стеклом лицо, что и смотреть-то на него не захочется...

Короче говоря, участок «Вольво» совсем не прост для авторемонтника и с той точки зрения, что клиент здесь идет вальяжный, капризный, хотя и перспективный по своим обещаниям; да и с чисто технической точки зрения «Вольво» — машина сложная, инженерно насыщенная, и работать с такой машиной по силам только лишь классному специалисту. Бесспорно, что такой естественный отбор помог участку заметно отличиться не только в техцентре «Кунцевский», но и во всем московском автосервисе: даже внешне, по чистоте и порядку, здесь ощущаешь какое-то облагораживающее влияние извне, и нет ничего удивительного, что люди за такие места стараются держаться и «не высовываются», если уж особенно не приспичит. Этим, на мой взгляд, и можно объяснить позицию коллектива по отношению к начальнику участка до и после его окончательного «падения»; впрочем, это вывод скороспелый, быть может, неверный, и мне он нужен только лишь для того, чтобы предположить, в каких условиях начальник участка «коллекционировал» нужных покровителей. А что коллекция существовала — факт бесспорный: покидая навсегда свой застекленный кабинет, Т. А. Шапатава прихватил с собой папку со служебными документами, а именно с заявками, записочками и обращениями тех избранных лиц, которые хотели воспользоваться услугами участка «Вольво». Соответственно на каждой бумажке должна быть разрешающая резолюция более высокого начальства... Вот вы где теперь все! Ну-ка отыми!

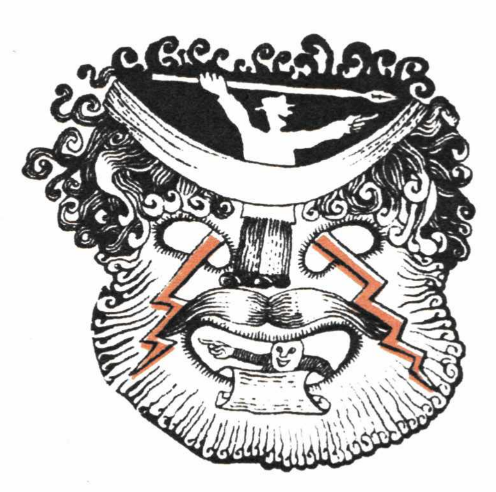
Но не буду гадать, как именно собирается воспользоваться т. Шапатава прихваченной из стола папкой: фактов нет, а предположения — вещь опасная, за это могут и привлечь как за оскорбленное достоинство!

Правда, есть один фактик — неподсудный, но красноречивый. Я уже говорил, что после прошлой публикации т. Шапатава жаловался и на «Огонек» — в высокие инстанции, и на автора заметки — главному редактору «Огонька». Так вот, обиженный начальник авторемонтного участка звонил в нашу редакцию не как-нибудь, а по особому, «кремлевскому» телефону, который еще называют «вертушкой». Знай, мол, наших! (Надо добавить, что во всем столичном автосервисе такой телефон есть только в кабинете начальника главка — это не намек, а пример для сравнения.) Может, были и другие акты «телефонного права», не знаю, мне могли и не сказать. Все равно никуда от них не денешься: очень он еще живуч, этот мир черных «Волг», «Вольво» с бело-черными номерами и прильнувших к ним начальников участков!

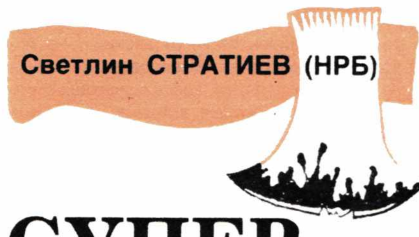
* * *

...Перед самыми майскими праздниками руководству Мосавтотехобслуживания было сообщено: высшее руководство находит, что Т. А. Шапатава уволен без должных оснований, и потому предлагалось восстановить его в прежней должности. Как, почему, на каком основании? Что это за лжеюридическая формулировка — «руководство находит»? Работники МАТО тут же отправили протестующие заявления — в городскую прокуратуру, в Моссовет и в Мосавтотранс. Ни одна из инстанций не ответила... А в начале мая в техцентре «Кунцевский» появился и сам Т. А. Шапатава с выпиской из приказа Мосавтотранса: восстановить в должности, выплатить деньги за вынужденный прогул. Приказ подписан генеральным директором Мосавтотранса Е. К. Купреевым на основании распоряжения заместителя председателя исполкома Моссовета Е. Д. Казанцева.

...А может, все-таки главное здесь «действующее лицо» — та самая папка, которую прихватил с собой Т. А. Шапатава из кабинета?

«МЫ ПЕРЕВОДИМ»

Светлин СТРАТИЕВ (НРБ)

СУПЕРМАРКЕТ

— Подождете! Деловые нашлись! Подождете! Если надо будет, то целый месяц будете ждать! — кричала тетка в синем халате. Остальная часть персонала нервно топталась рядом, предчувствуя бунт.

— Вы бы лучше не кричали, а пошли да сели за кассу! — послышались голоса из очереди, возмущенной тем, что из четырех касс работает только одна.

— Что?! Они еще учить будут! — Тетка схватилась за голову.— А ну, не выступать! Я вас, что ли, сюда приглашала? Приперлись, так будете ждать!

Очередь притихла. Но через некоторое время кто-то опять подал голос:

— Э-э, извините, мы все-таки, понимаете, клиенты... И хотели бы...

— Какие вы клиенты! Наглецы вы и хамы!

Кто-то сказал, что в другом месте таких людей не стали бы терпеть и минуты. Очередь одобрительно загудела.

— Может быть. А здесь меня терпят! И даже повышают! Где-нибудь и могли бы уволить, но мы сейчас здесь, потому — заткнитесь!

Тут вмешались другие продавщицы:

— Сколько можно? — закричали они.— То одно, то другое! Но это совсем ни на что не похоже! Каждый день ходят, ходят, покупают, покупают, все домой тащат. Дня не пропустят. Вот вы где у нас сидите! Троглодиты ненасытные!

— Поосторожнее! Так и за оскорбление можно схлопотать,— заявил стоящий рядом со мной в очереди человек в сером костюме.

— Ты слышала. Марчи? Где директор? Товарищ директор, этот тип нам угрожает!

Подошел бледный от возмущения директор.

— Кто ты такой, недоносок, чтобы здесь угрожать, а? — сказал он.

— Торгаш! Не смей со мной говорить в таком тоне!

В ответ на это директор влепил ему увесистую оплеуху. Человек в сером костюме ответил ему тем же, и они, вцепившись друг в друга, упали на пол и покатились. Персонал попытался помочь своему шефу, но на их пути встала очередь. В следующий момент в магазине наступил ад. Все пространство заполнилось дерущимися посетителями и обслуживающим персоналом. Сначала перевес был на стороне очереди. Но потом в бой включились мясники. Размахивая топорами, они двинулись на толпу. Пролилась первая кровь...

Укрывшись за полку с прохладительными напитками, я метнул бутылку в здоровенного детину с тесаком в руках. Она разбилась вдребезги об его голову, и он рухнул на пол. В это время и остальные покупатели начали одерживать верх. Оценив обстановку, директор магазина дал знак продавщицам колбасного и молочного отделов. Те вытащили из-под прилавков автоматы и открыли беглый огонь по толпе. Я залег за одну из касс. Помещение моментально очистилось. Уцелевшие посетители затаились за полками с пирожными. Директор осмотрелся, достал из кармана пиджака браунинг и с торжествующей усмешкой двинулся к остаткам очереди.

Но в этот момент лежавший на полу тяжело контуженный пенсионер из последних сил зубами выдернул чеку из гранаты и бросил ее под ноги директору. Пламя и дым охватили помещение. Пригнувшись, я бросился к витрине и, разбив стекло, вывалился на улицу. В последнюю секунду я заметил, что около служебного хода уборщицы устанавливали крупнокалиберный пулемет. Оказавшись на улице, я сразу бросился к укрытию на небольшом возвышении рядом с супермаркетом. Уже несколько дней мы там на всякий случай прятали небольшую гаубицу. И вот такой случай наступил. Мы выкатили орудие на позицию и несколькими снарядами срыли магазин с лица земли. Уцелевшие остатки персонала пытались скрыться на служебном пикапе, но подоспевший человек с базукой одним точным выстрелом поставил точку. Это был триумф.

Но к чувству удовлетворения примешивалась и тревога — где мы теперь будем покупать продукты?

Перевел
Игорь ИЛИНГИН

«МЫ ПИШЕМ»

ЯН САТУНОВСКИЙ
(1913—1982)

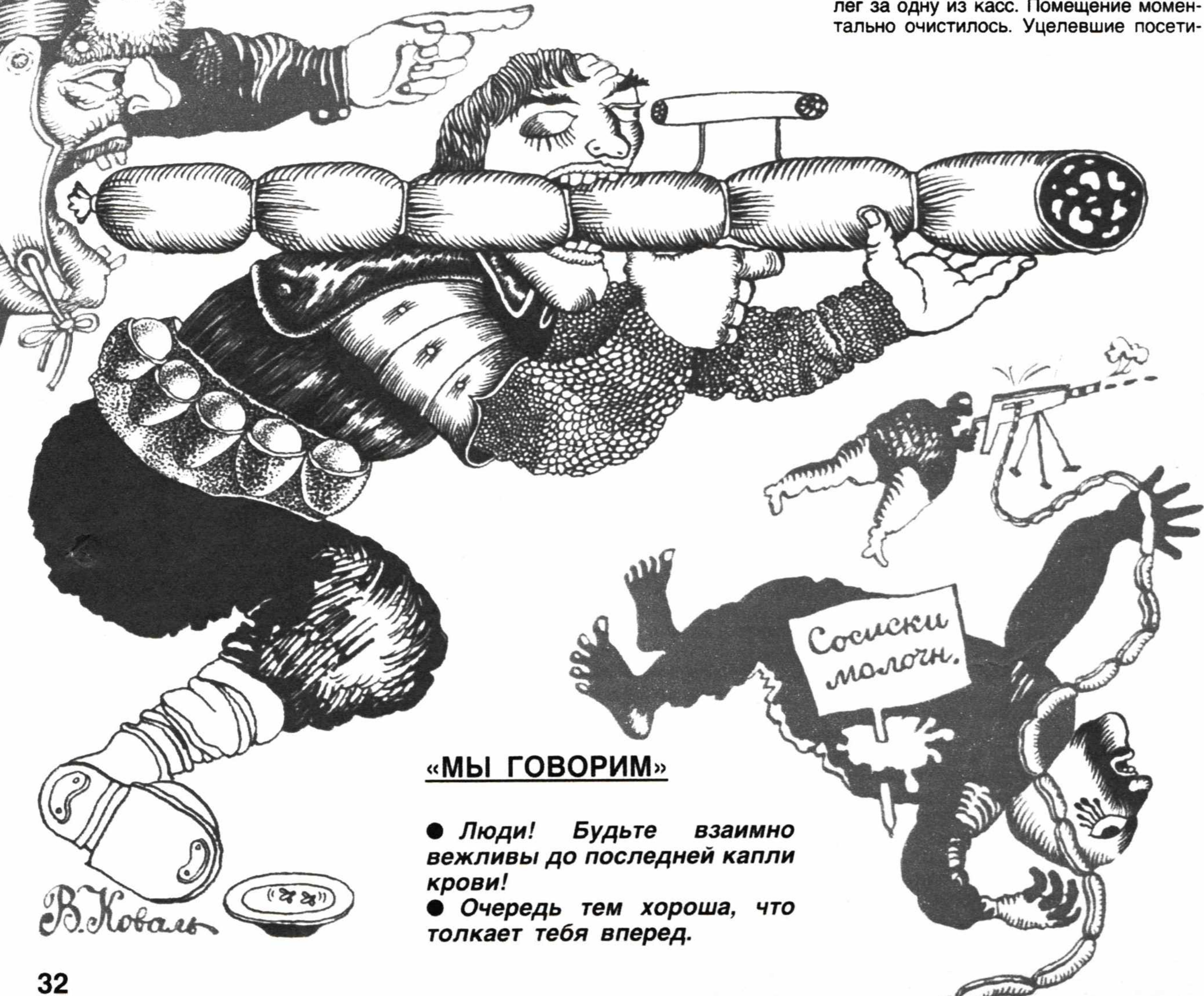
* * *

И чем плотней набивается в уши,
чем невыносимей дерет по коже,
тем лучше, говорю я, тем хуже,
тем, я вас уверяю, больше похоже
на жизнь, в которой трепет любовный
сменяется скрежетом зубовным,
а ритм лирического стихотворения —
не криком, так скрипом сопротивления,
хрипом...

* * *

Не замазывайте мне глаза
мглистыми туманностями.
Захочу — завьюсь за облака.
Захочу — к млечным звездам улечу.
Захочу — ничего не захочу.
Ибо мысль — мысль арестовать нельзя,
милостивые товарищи.

Публикация С. БЫЧКОВА.

«МЫ ГОВОРИМ»

● *Люди! Будьте взаимно вежливы до последней капли крови!*

● *Очередь тем хороша, что толкает тебя вперед.*

* * *

«МЫ ГОВОРИМ»

● *Самые лучшие солдаты получаются из маршалов.*

● *Писатель-реалист: писал только то, что печатали.*

● *«Национальность и религия для меня не имеют значения»,— говорил людоед.*

Подобрал материалы
Игорь ДВИНСКИЙ,
рисовал
Виктор КОВАЛЬ

«МЫ ЯЗВИМ»

Внимательно ознакомившись со списком народных депутатов СССР, я с удивлением обнаружил, что среди них нет ни одного писателя-юмориста. Есть артисты, есть хоккеисты, есть даже филателисты, но юмористов нет. Согласитесь, это несправедливо. Ведь в предвыборных кампаниях наших кандидатов было очень много смешного.

Конечно, я понимаю, что выборы прошли и сейчас уже поздно выдвигать свою кандидатуру. Но никто не может мне запретить выдвинуть свою предвыборную программу. Лучше поздно, чем никогда!

Аркадий ХАЙТ

МОЯ ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА

1. Возродить в стране моральный климат, культуру дискуссий и уважение к чужому мнению. С этой целью в ночь на 1-е января на всей территории страны перевести стрелки часов на 66 лет назад.

2. Постараться обеспечить всем гражданам не только свободу слова и свободу собраний, но также свободу после слова и после собраний.

3. Провести все обещанные реформы, кроме денежной.

4. Отменить на сегодняшний день как утопические ранее выдвинутые лозунги и призывы: «Догнать и перегнать Америку», «Выпускать продукцию на уровне мировых стандартов», а также «Жить стало лучше, жить стало веселей». Лозунг «Еще нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» приблизить к реальности, сократив его вдвое: «Еще нынешнее поколение будет жить!»

5. Ввести строгую персональную ответственность за порученное дело. При любой неудаче в народном хозяйстве находить конкретного виновника. В случае, если виновника найти не удается, то за все неудачи, как нынешние, так и будущие, считать ответственным лично тов. Брежнева и его годы застоя.

6. Отменить для руководящих работников все виды закрытых распределителей, спецмагазинов и спецполиклиник. Все эти привилегии отдать пенсионерам. Таким образом мы решим сразу две задачи: повысим уровень жизни пенсионеров, а для руководящих работников создадим стимул поскорее уйти на пенсию.

7. В области здравоохранения все силы бросить на основную болезнь нашего населения — хронический склероз. Заболевание, при котором человек не помнит: идет он в магазин или уже из магазина.

8. В области сельского хозяйства максимально расширить арендный подряд. В черноземной области давать арендаторам на откорм до 150 бычков, в нечерноземной — давать арендаторам на откорм до 150 колхозников.

9. В целях улучшения качества товаров расширить права совместных предприятий. Предлагаю свой оптимальный вариант: иностранное сырье и оборудование, иностранный управляющий, иностранная рабочая сила, наша госприемка.

10. В случае несогласия с администрацией, плохой организации производства, несправедливой оплаты труда разрешить трудящимся право на забастовку. Сами забастовки проводить только в выходные дни, обеденный перерыв и свой оплаченный отпуск.

11. Отменить как не имеющий смысла закон о нетрудовых доходах. Ибо деньги, заработанные нечестным трудом, попадают под действие уже существующих законов, а деньги, заработанные честным путем, при всем желании нельзя назвать доходом.

12. Не допускать строительства экологически вредных предприятий без учета опроса населения. В случае его несогласия переводить в глухую, безлюдную местность само предприятие, а не население данного района, как это делалось раньше.

13. В соответствии с Женевской конвенцией не препятствовать эмиграции из страны. Более того, предлагать в первую очередь эмиграцию руководству министерств и управлений. Поскольку в случае выезда нашего бюрократического аппарата в промышленно развитые страны появляется надежда на возвращение оттуда ранее уехавших врачей, ученых, писателей и музыкантов.

Такова в общих чертах моя предвыборная программа. Если кто-то из будущих депутатов захочет использовать в своей деятельности ряд ее пунктов, я не возражаю. Если не захочет — тоже не возражаю. Ведь мы с вами живем в эпоху плюрализма мнений. Когда половина населения точно знает, какое у нее мнение, а другая половина точно не знает, что такое плюрализм.

* * *

«МЫ ГОВОРИМ»

● ***Объявление: «Даю советы депутатам трудящихся!»***

● ***Кинозадача: создадим эпоху, достойную наших фильмов.***

● ***Если бы не склероз, я бы постоянно думал о народе...***

● ***Лучше быть целью, чем средством: могут промахнуться.***

● ***Матери гибнут, когда становятся тещами.***

● ***Педагогом может быть только тот, кого уже нельзя перевоспитать.***

● ***Ребенку дали «пустышку». Так состоялась первая встреча с неправдой...***

Владимир ГОЛОБОРОДЬКО

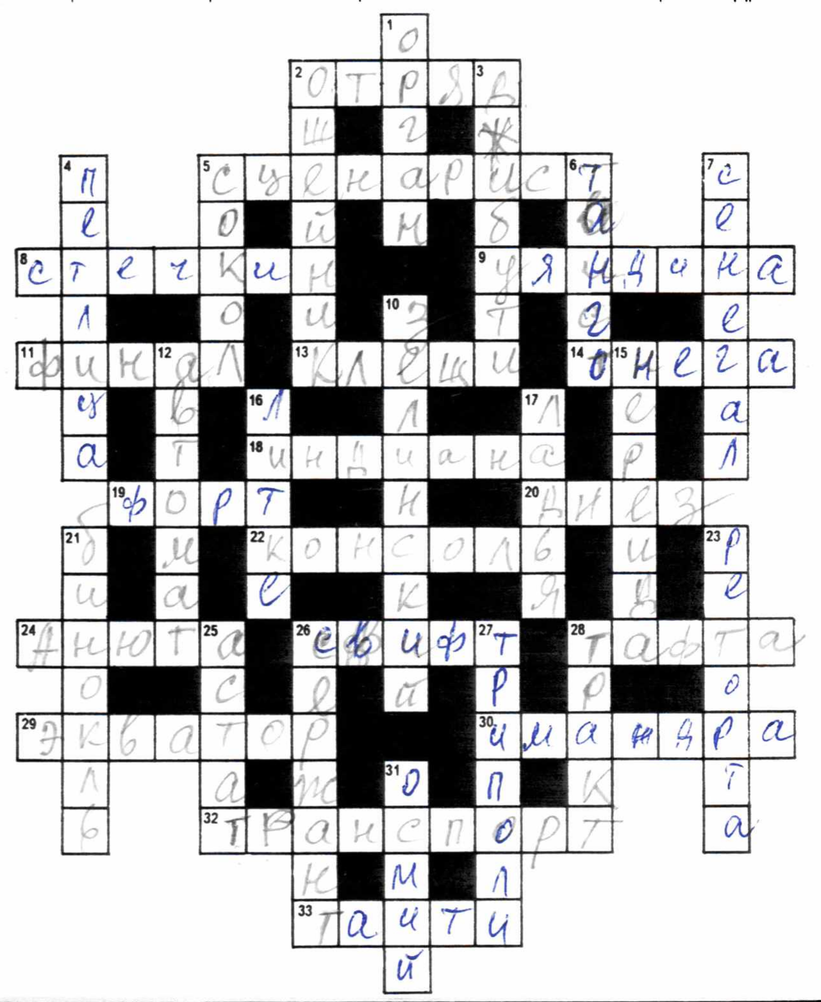
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Отдельная воинская часть в пограничных войсках. 5. Автор литературного произведения, по которому создается фильм. 8. Теоретик в области авиационных двигателей, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Приток Индигирки. 11. Заключение, завершение. 13. Разновидность щипцов. 14. Город в Архангельской области. 18. Роман Ж. Санд. 19. Укрепление впереди крепостной ограды. 20. Нотный знак. 22. Выступ в стене, поддерживающий карниз, балкон. 24. Рассказ А. П. Чехова. 26. Английский писатель XVII—XVIII веков. 28. Плотная шелковая или хлопчатобумажная ткань. 29. Условная окружность, делящая земной шар на два полушария. 30. Озеро на Кольском полуострове. 32. Отрасль народного хозяйства, осуществляющая перевозки. 33. Вулканический остров в Полинезии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Духовой клавишный музыкальный инструмент. 2. Ремешок с застежкой для собаки. 3. Государство на северо-востоке Африки. 4. Цветная нашивка на воротнике форменной одежды. 5. Хищная птица. 6. Современный бальный танец. 7. Река в Западной Африке. 10. Химик-органик, академик, Герой Социалистического Труда. 12. Индивидуальное огнестрельное оружие. 15. Спутник Нептуна. 16. Остров в Карском море. 17. Шахматная фигура. 21. Оптический прибор. 23. Лабораторный сосуд. 25. Радиоактивный химический элемент. 26. Воинское звание. 27. Столица Ливии. 28. Улучшенная грунтовая дорога в России. 31. Химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Кимберлит. 10. Разрядка. 11. Терминал. 12. «Тамара». 13. Колоша. 14. Тарас. 17. Независимость. 20. Квота. 23. Кристи. 25. Диорит. 26. Геловани. 27. Енакиево. 28. Хренников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Жиздра. 2. Обкатка. 3. «Арктика». 4. Кибрик. 6. Гарант. 7. Архангельское. 8. Диалектология. 9. Гаршин. 14. Тевяк. 15. Русло. 16. Семга. 18. «Кармен». 19. «Бритвы». 21. Вариант. 22. Тюленин. 24. Иматра. 25. Дракон.

«Эта игра на неискушенного человека вначале действует, как сеть на рыбу. Суровая решетка с впадинами черных квадратов и ехидно выглядывающими цифрами пугает» — так писал в 1929 г. журнал «Огонек», представляя своим читателям новую игру — кроссворд. Итак, первый кроссворд увидел свет 60 лет назад именно в нашем журнале под названием «Игра читателей «Огонька». Был он незамысловат, прост и по рисунку и по содержанию. Из него следовало, что «вытянутый круг — это овал», «движение электричества — ток», «приспособления для стирки — валек». Сегодня мы предлагаем вам почти трехтысячный и значительно изменившийся с тех пор кроссворд. Желаем удачи!

Хотите видеть халат на рыбьем меху, простите, из рыбьей кожи, приезжайте в Хабаровск. В Дальневосточном художественном музее познакомитесь с самобытной культурой народностей Приамурья: нанайцев, негидальцев, нивхов, удэге, ульчей.

Долгими зимними вечерами при свете жирника украшали они одежду или домашнюю утварь, включая в свои причудливые орнаменты изображения птиц, зверей, рыб. Особые краски приготовлялись из полевого цветка чича, других растений — узоры десятилетиями сохраняли свой первоначальный цвет.

Сегодня арми — халат из рыбьей кожи — большая редкость. Увидев его, поймете, сколько времени и терпения затрачивается мастерицей на выделку кетовой кожи, на роспись ее неповторимым рисунком, кройку и шитье наряда.

Во многих семьях национальные одежды остались как праздничное украшение. В определенные дни старейшины семей надевают их для исполнения ритуальных обрядов предков, чтобы молодое поколение не забывало традиций своего народа.

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

40 коп.
Индекс 70663